

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2022. Том 20, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретическая лингвистика

- Рыжкина О. А.* Восточные гастрономические эргонимы в современном городском языковом ландшафте (на материале названий ресторанов, кафе и стрит-фуда Москвы) 5
- Хоменко А. Ю., Куликова В. А., Бабий А. С., Казюлина М. С.* Когнитивный термин «фрейм»: создание словарной статьи на базе специализированного текстового корпуса 17
- Ткачева А. Н.* Социо-речевая функция французского иммигрантского школьного аргю в фильме «Класс» Л. Канте 35
- Мустафина Р. Ф., Кабирова З. З., Шакурова Л. Р.* Глаголы информационной семантики и их классификация 46
- Кузьмина А. А.* Колыбельные песни и алгыс в семиосфере культуры саха: лингвистический аспект 54

Прикладная лингвистика

- Фу В., Лю Ч.* Анализ основных функций языкового ландшафта Института Конфуция в обучении китайскому языку как иностранному 68
- Чижик А. В.* Исследование модели коммуникативного поведения индивидов на основе анализа открытых текстовых данных 77
- Чечнева Н. С.* Об одном подходе к автоматической суммаризации потребительских отзывов 90

Перевод. Концептуальные исследования языка и речи

- Нагорная А. В.* «Место, куда стремилось мое тело»: метафорика сексуального влечения в прозе Андре Асимана 107
- Горшкова В. Е.* Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте 124

<i>Изволенская А. С.</i> Перевод романа М. Этвуд The Handmaid's Tale: прекрасное слово и Слово о прекрасном (в контексте проблемы переводческой адекватности)	132
<i>Алексеев А. Б.</i> Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности	146
Информация для авторов	160

V E S T N I K

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2022. Volume 20, № 4

CONTENTS

Theoretical Linguistics

- Ryzhkina, O. A.* Eastern Gastronomic Ergonyms in Moscow Language Landscape (Based on the Restaurant, Café and Street Food Names) 5
- Khomenko, A. Yu., Kulikova, V. A., Babij, A. S., Kazyulina, M. S.* Cognitive Term Frame: Creation of a Dictionary Entry on the Basis of a Specialized Text Corpus 17
- Tkacheva, A. N.* Socio-Verbal Function of the French Immigrant School Argot in the Film “Class” by L. Cantet 35
- Mustafina, R. F., Khabirova, Z. Z., Shakurova, L. R.* Verbs of Information Transmission and Their Classification 46
- Kuzmina, A. A.* Lullabies and Algyis in the Semiosphere of the Sakha Culture: Linguistic Aspect 54

Applied Linguistics

- Fu, W., Liu, Z.* The Leading Function Analysis of Confucius Institute Linguistic Landscape in Teaching Standard Chinese to International Learners 68
- Chizhik, A. V.* Motivation of Individuals to Install Medical Applications: Analysis of the Open Text Data Using Machine Learning Methods 77
- Chechneva, N. S.* An Approach to Summarizing Product Reviews 90

Translation and Conceptual Studies

- Nagornaya, A. V.* “The Place Where My Body Longed to Go”: Metaphors of Sexual Desire in André Aciman’s Prose 107
- Gorshkova, V. Ye.* Kinesiological Approach to the Interpretation of Gestures in a Written Literary Text 124
- Izvolenskaya, A. S.* Text Aesthetics in M. Atwood’s “The Handmaid’s Tale” and its Reflection in the Russian Version of the Novel (Revisiting Translation Adequacy) 132
- Alexeyev, A. B.* Mixed Martial Arts Discourse from the Perspective of its Entertaining Nature and Figurativeness 146
- Instructions for Contributors 160

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Darya A. Savostiyanova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantiev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-5-16

Восточные гастрономические эргонимы в современном русском языковом ландшафте (на материале названий ресторанов, кафе и стритфуда Москвы)

Ольга Александровна Рыжкина

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

o_ryzhkina@inbox.ru

Аннотация

Рассматриваются названия кафе, ресторанов и предприятий стритфуда восточной (среднеазиатской и кавказской) кухни, ставшей особенно популярной в последнее время в России, с точки зрения их этнической идентификации на примере г. Москвы. В нейминге данных *эргонимов* (разновидности урбанонимов), наблюдается активизация старых ассимилированных в русском языке гастрономических (кулинарных) ориентализмов и приток новых, отличающихся креативностью на разных языковых уровнях.

Многоаспектный анализ 500 эргонимов сферы общепита, отобранных методом сплошной выборки с сайтов и из уличной рекламы, показал, с одной стороны, тенденцию к смешению различных восточных кухонь (*фьюжен*) при лидирующей роли той, которая так или иначе присутствует в названии, а с другой стороны, мы наблюдаем специализацию (диверсификацию) и в самой кухне, и в гастрономических терминах. Выявлены следующие языковые и дискурсивные приемы национальной (этнической) идентификации таких названий: использование характерных топонимов и этнонимов самостоятельно или в сочетании со словами «кафе», «ресторан»; названия колоритных традиционных национальных блюд (*кулинаризм*ов), продуктов, артефактов, кухонных атрибутов; имена собственные с прозрачной внутренней формой; культурно-маркированные прецедентные феномены (включая высказывания) и абстрактные слова; параллельное использование русского и латинского шрифтов, их гибридная форма, а также русский шрифт в восточном стиле; рисунки, фотографии и пр.

Языковое (дискурсивное) богатство тематической группы «Восточная кухня» на примере эргонимов и кулинарных терминов, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о формировании более положительного имиджа восточных (среднеазиатских и кавказских) мигрантов в современном российском обществе, чем это было примерно десять лет назад, следствием чего становится повышенный интерес русских к их культурным ценностям. Результаты исследования могут пополнить данные словарей современных восточных заимствований, способствовать упорядочиванию их терминологической системы, а также быть использованы в курсах по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и урбанистике.

Ключевые слова

гастрономические эргонимы, урбанонимы, кулинарные термины, этническая идентификация, восточные заимствования, восточные культурные ценности

Для цитирования

Рыжкина О. А. Восточные гастрономические эргонимы в современном русском языковом ландшафте (на материале названий ресторанов, кафе и стрит-фуда Москвы) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-5-16

Eastern Gastronomic Ergonyms in Moscow Language Landscape (Based on the Restaurant, Café and Street Food Names)

Olga A. Ryzhkina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

o_ryzhkina@inbox.ru

Abstract

The article considers café, restaurant, and street food shop names related to eastern/oriental (Middle Asian and Caucasian) cuisine that has recently become extremely popular in Russia, especially so in Moscow, with regard to their ethnic identity. The naming system of the above *ergonyms*, being part of urbanonyms, has revealed both activization of old Russian assimilated gastronomic orientalisms and an influx of new ones, highly creative on different language levels.

A complex analysis of about 500 ergonyms in public catering, randomly selected from respective sites and partially from street signs and ads, has shown, on the one hand, a tendency towards *fusion* of various eastern cuisines with one of them dominating, and on the other hand, we observe a kind of specialization (diversity) in oriental cuisine and gastronomic terms. The following language and discursive ethnic identical devices have been found: use of specific toponyms and ethnonyms employed in isolation and in combination with the words 'restaurant' or 'café'; names of top traditional dishes (*culinary terms*), products, plants, artefacts, kitchen attributes; personal names with transparent inner form; culturally marked precedent phenomena (including utterances), and abstract words; parallel usage of Russian and Latin types, their hybrid form as well as Russian type imitating eastern style.

Language and discursive diversity of the thematic group "Eastern cuisine", in our opinion, indirectly contributes to forming a more positive image of the eastern (Middle Asian & Caucasian) immigrants in the Russian citizens' minds compared to that of about ten years ago, as a result of which Russians are taking a far greater interest in the Middle Asians' and Caucasians' cultural values.

The results of the research may enrich modern Eastern borrowing dictionaries, help systematize their terminology and be of use in such courses as Cultural linguistics, Inter-(cross-) cultural communication, and Urbanology.

Key words:

gastronomic ergonyms, urbanonyms, culinary terms, ethnic identification, Eastern borrowings, Eastern cultural values

For citation

Ryzhkina O. A. Eastern Gastronomic Ergonyms in Moscow Language Landscape (Based on the Restaurant, Café and Street Food Names). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-5-16

Введение

Изучение языковых заимствований, порожденных тесными межнациональными, межкультурными и языковыми контактами, в современной лингвистике неизменно актуально. В течение примерно 25 лет с начала перестройки в России по понятным причинам происходила англизация русского языка, что привело к появлению многочисленных публикаций на тему англицизмов, которые рассматривались отечественными лингвистами с разных точек зрения: мотивированность и источники, классификация, ассимиляция, влияние на процессы словообразования в русском языке, воздействие на менталитет русскоговорящих и т. п. (см. работы Нарочной Е. Б., Шевцовой Г. В., Дьякова А. И., Плунгяна В. А., Эпштейна М. Н., Кравченко А. В., Бойко С. А. и др.).

Сегодня мы столкнулись с ситуацией, когда поток англицизмов в русский язык несколько ослаб [Стернин, 2004], а восточные заимствования по-прежнему активно проникают в него, главным образом в лексикон сферы общепита. Предварительное знакомство с темой исследования показало, что восточные кафе, рестораны и предприятия стритфуда сегодня, если не преобладают над западными (европейскими, средиземноморскими, американскими), паназиатскими, русскими и другими, то, по крайней мере, вполне соотносимы с ними.

Новый приток восточных заимствований ставит перед исследователями задачу упорядочивания терминологической системы иноязычной и, в частности, восточной лексики с уче-

том того, что восточные заимствования входят в эквивалентную ассимилированную лексику и в лексику безэквивалентного характера [Мухина, 2021, с. 1759–1763]. Другая задача, стоящая перед исследователями, – интерпретация данных ориентализмов в культурологическом (аксиологическом) аспекте.

Вопрос о лингвистическом изучении города, как пишет Е. В. Красильникова в своей статье «Язык города как лингвистическая проблема», ставил еще Б. А. Ларин в далеком 1928 г.: именно он предлагал рассматривать язык города как социолингвистический феномен [Красильникова, 1988, с. 5–18]. Это направление получило дальнейшее развитие в работах современных лингвистов, в частности, Н. В. Исмагиловой и О. А. Майоровой, которые определили перспективы такого рода исследований [Исмагилова, Майорова, 2019]. Для изучения городского пространства также, на наш взгляд, важен философско-антропологический подход к его изучению, который предполагает исследование *взаимодействия города и человека в их взаимовлиянии и взаиморазвитии* [Тыхеева, 2004].

Понятие «эргонимика» вошло в научный обиход во второй половине XX века, и с тех пор изучение эргонимов как разряда урбанонимов остается актуальным. Эргонимы – один из активно пополняемых пластов лексики русского языка, они представляют собой собственные наименования предприятий различного функционального профиля: магазинов, ресторанов, казино, аптек современного российского города (<https://www.dissercat.com/content/ergonimy-sovremennogo-russkogo-yazyka-kak-mikrosistema>).

В работе предпринята попытка составить номенклатуру названий московских кафе, ресторанов и предприятий стритфуда, относящихся к восточной кухне (в основном кавказской и среднеазиатской), и проанализировать их с точки зрения национально-культурной специфики. В ходе исследования были выявлены языковые и дискурсивные приемы, используемые рестораторами с целью национальной (этнической) идентификации их предприятий.

В одной из известных нам статей, посвященных изучению названий ресторанов и кафе Москвы, авторы рассматривают данные эргонимы с функциональной точки зрения, отмечая, что их главная функция – информация и реклама. Для ее реализации рестораторы прибегают к различным креативным приемам [Коростылева, Ковалева, 2019, с. 31–38].

В другой статье на аналогичную тему эргонимы анализируются в словообразовательном аспекте с акцентом на гибридизацию [Питина, 2018, с. 60–64].

Еще одна работа на данную тему описывает эргонимы-реплики, т. е. наименования, в которых для привлечения внимания используются фрагменты – чаще реплики – из диалогов [Вепрева, 2019, с. 168–179].

Однако ни в одной из известных нам подобных публикаций гастрономические эргонимы не анализировались именно в национально-культурном аспекте.

Методы и источники исследования

Отобранные на специальных сайтах в Интернете эргонимы дополнялись примерами из наружной рекламы Москвы и Московской области и затем анализировались с точки зрения их происхождения, словообразования и семантики с учетом социокультурных коннотаций. К анализу привлекались энциклопедические, толковые и этимологические словари, а также Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Используемые методы: сплошной выборки, лексикографический, описательный, количественный, дискурсивный, интерпретационный, сопоставительный, а также метод интроспекции, который добавил исследованию психологический аспект.

Москва и частично Московская область (МО) были источниками нашего материала, как регионы, наиболее показательные в сфере создания «этнически маркированных» наименований для коммерческих предприятий, – именно там межкультурные и межэтнические контакты особенно интенсивны.

Всего было рассмотрено около 500 номинаторов популярных кафе, ресторанов со средним ценником и предприятия стритфуда восточной кухни (преимущественно узбекской, грузинской, армянской и азербайджанской), состоящие из одного или нескольких слов, с или без сопроводительного мини-текста рекламы. Дополнительными источниками материала послужили отзывы клиентов о рассматриваемых местах общепита на соответствующих сайтах и кулинарные форумы типа forum.good-cook.ru, kulinarnyj-portal.ru, kuharka.ru.

Результаты

Предварительное исследование выявленных эргонимов подтвердило предположение о возросшей за последние 10–15 лет популярности восточной кухни среди русских, о ее диверсификации и, как следствие, о формировании более позитивного имиджа восточных мигрантов в современном российском обществе по сравнению с концом XX – началом XXI века, о чем также свидетельствуют многочисленные позитивные отзывы клиентов, подчеркивающих отличное качество и уникальность той или иной кухни, высокий уровень обслуживания, особую атмосферу и национальный колорит соответствующих заведений, включая точки уличной торговли (быстрое питание).

Номенклатурный анализ эргонимов показал, что в названиях предприятий восточного общепита в Москве отсутствует четкая система, а именно: они не представлены строго по типу какой-то одной национальной кухни, что можно объяснить тенденцией к *фьюжн* – смешению кухонь разных народов. В основе этого смешения лежат лингвистический и экстралингвистические факторы: сотрудничество рестораторов разных национальностей, распространение холдинга как организационной структуры, а также близость восточных кухонь и общие арабские, персидские и тюркские корни большинства восточных кулинарных терминов, которые нередко встречаются в гастрономических эргонимах (например, самса – блюдо, распространенное во многих регионах Азии, в Средиземноморье, в Африке, – тюркизированное слово персидских корней).

Проведенный лингвокультурологический анализ отобранных единиц позволил выявить как старые восточные заимствования тематической группы «Восточная кухня»: *плов, чебуреки, лаваши, манты, самса, хачапури, хинкали, харчо, урюк* и т. п., так и более поздние: *чайхана, халяль(ный), шаурма/шаверма, тандыр(ный), свиха, лагман(ная)*, и т. д.

Многочисленные наименования восточных, в том числе кулинарных, реалий встречаются на кириллице – *Джонджоли* (куропатка), *Сунжа* (река, правый приток Терека, проходящий по территории Северной Осетии, Ингушетии и Чечни); на латинице – *Eshak, Lavash, Nomad*; в гибридной форме – *Esh шаурма, Barashka, Хинкалофф, Плов City, Halif Life* и т. п. Ключевые короткие названия регулярно подвергаются деривации: *халяльный, хачапурия, хинкалидзе, хинкалофф, (самса) тандырная* и т. п. Широко распространено словосложение, преимущественно безаффиксальное $N + N (+ N)$, например: *Плов центр, Гранд урюк, Тандыр шаурма, Курага диван, Урюк Чердак Чайхана*, а также блендинг (*хачабургер, шаурмама*); прецедентные феномены и их перефразирование – «Белое солнце пустыни» (приключенческий фильм В. Мотыля, 1969 г.), «Не горюй!» (известный комедийный фильм Г. Данелии, 1969 г.), «Однажды в Ташкенте» (ср. американский гангстерский фильм «Однажды в Америке», 1984 г.), «Сим-Сим» / «Сезам» («Сим-сим, откройся!» – заклинание из сказки «Али-Баба и сорок разбойников», открывающее вход в пещеру с сокровищами), *Хочу хычин* (хычин – пресные лепешки в карачаево-балкарской кухне), *Гамарджоба* (грузинское приветствие), *генацвале!* (груз. ‘товарищ, друг’; ‘душа моя’, ‘заберу твою боль себе’); игра слов – *Мама тута* (тута – шелковица, ягода, из которой делают мороженое); рифмовка – *Баран в казан, Поймали хинкали, Караван Опе*; аллитерация – *Хачапури и хинкали, Шик шашлык*.

Приток новых специфичных ориентализмов с социокультурными коннотациями, например: *дастархан* (перс. ‘скатерть для трапез’), *батано* (груз. ув. ‘господин’), *дэди* (груз. ‘мама’),

рахат (тюрк. ‘удовольствие, комфорт’), *Райхан* (персидское имя, в переводе ‘ароматная трава’; татар. ‘удовольствие’) впечатляюще велик. Их креативное использование в русском языке, высокая степень лексической разработанности тематической группы «Восточная кухня» в целом, хвалебные отзывы посетителей восточных кафе и ресторанов, в том числе возросшее число любителей быстрого питания (кебаба и шаурмы¹), обсуждение и обмен популярными рецептами восточных блюд на форумах и т. п., как нам представляется, убедительно говорят о высоком уровне экономической и культурной интеграции восточных мигрантов (в первую очередь из Средней Азии и Кавказа) в российское общество. Следует отметить, что хотя кавказская кухня, особенно грузинская, издавна почиталась в России и на территории бывшего СССР, в настоящее время она явно переживает «волну обновления в современном ключе» [restoran.ru; vedomosti-spb.ru].

Анализ названий московских ресторанов и кафе на сайтах «Восточная кухня в Москве», «Узбекская кухня...», «Грузинская кухня...», «Азербайджанская кухня...», «Армянская кухня...» с точки зрения их этнической принадлежности и способов ее идентификации показал следующее:

- В рубрике «*Восточная кухня...*» (48 единиц) преобладают названия, идентифицирующие восточные кафе и рестораны, причем только в названиях трех заведений используется ключевое слово «восточный»: «Восточное бистро», «Восточный гурман», «Восточный двор». Остальные указывают на конкретную кухню через характерные топонимы или этнонимы, в том числе в сочетании со словами «ресторан» и «кафе» (10): «Однажды в Ташкенте», «Ферганское кафе», «Баку», «Ресторан корейский» и др.; названия продуктов, блюд, артефактов восточного происхождения (19): «Урюк», «Айва», «Ясмин» (жасмин), «Золотой абрикос», «Шейх Палас», «Самса № 1», «Халяль»; названия типичных заведений общепита («Чайха(о)на»² – 6, «Шашлычная» – 1). Обращают на себя внимание оригинальные новые наименования, которые звучат по-восточному, но не семантизируются посетителями, вызывая тем самым естественный интерес: «Дэди» (груз. зват. ‘мама, мамочка, мамаша’), «Таманно» (узбек. ‘кокетство’; уст. ‘желание’; ‘просьба’), «Тажинерия» (тажины (араб.) – халяльные мясные блюда марокканской кухни), «Баракат» (араб. ‘благословение, деяние’), «Вай Мэ!» (ваймэ (груз.) – восклицание удивления, радости). Лишь пять примеров из выборки можно квалифицировать как этнически неидентифицирующие: «Вегетарианский фудкорт», «Трофи», Zbs eat, «Кафе-бар», «Тачки».
- в рубрике «*Узбекская кухня...*» (50 названий) половину составляют идентифицирующие названия: через устоявшееся наименование предприятий узбекского общепита «Чайха(о)на» (21), включая «Чайхона № 1» и Vasilchuki Chaihona (совместная российская сеть предприятий), окказиональные («Лагманная», «Столовая Inter»), а также через характерные топонимы и этнонимы типа «Узбекская (национальная) кухня», «Золотая Бухара», «Ресторан Узбекистан». Остальные эргонимы называют узбекские (и другие восточные) блюда, продукты, реалии: *Урюк* (3), *Тапчан* (3)³, *Эзо*⁴ и др.; через прецедентные феномены (ПФ) и регулярные словосочетания: *Однажды в Ташкенте*, *Белое солнце пустыни*, *Базара нет* (сленговое выражение согласия с собеседником), *Сим-Сим*, *Вкус Востока*; через ключевые слова и имена собственные: *Ро(а) хат*, *Райхан*. К этнически неясным в данном случае относится «Страна которой нет» (Novikov Group, сеть ресторанов в Москве, открытых в 1991 г., первоначально рыбное место) – название, в котором угадывается отсылка к бывшему СССР.

¹ Донер-кебаб и шаурма – похожие блюда, отличающиеся происхождением: кебаб – турецкое, шаурма – арабское.

² Кит., перс. ‘чайная’ (в Средней Азии, Азербайджане, Афганистане, Турции, Крыму и Иране).

³ Тип уличной мебели, характерной для Центральной Азии, особенно для Таджикистана и Узбекистана.

⁴ Груз. ‘двор’; ‘дворяжка’.

- на сайте *«Грузинская кухня...»* (50 названий) лишь четыре эргонима содержат в своем составе прямые указания на этнос: «Грузинский ресторан», «Старая Грузия», «Жарим по-грузински», Georgia Hinkali. Большая же их часть представляет собой косвенную референцию, поскольку они образованы от названий традиционных грузинских блюд с аффиксацией или без, в том числе в сочетании с другими словами (14): *Хинкальная, Хинкальная № 1, Хинкальная Легенда, Хинкальная Триумф, Есть Хинкали и Пить Вино, Хачапури и Хинкали, Ткемали, Чача (Room)*; от кулинарных атрибутов (*Мангал*) и грузинских реалий, в том числе ПФ (*Не горюй!, Ресторан Генацвале VIP, Асса⁵, Мама Тута*).

Обращают на себя внимание названия, идентифицирующие восточные предприятия общепита обобщенно, что, как и в предыдущих случаях, свидетельствует о смешении различных кухонь: «Баклажан» (растение рода паслен, родина – субтропики Азии), «Нав(б)ат» (традиционная восточная сладость), «Долмама» (долма – классическое азербайджанское блюдо), Eshak (осел, ишак по-узбекски), «Чайхона Баракат», Vasilchuki Chaihona, Gayane's (армянское популярное женское имя).

Неявно идентифицирующими, и потому наиболее интересными, можно считать названия Vabasha (груз. 'мирное утро / мирный вечер / мирной ночи'), ресторан Vagebi (груз. 'любимый, любимая'), гастромаркет «Балчук»⁶, «Моди» (груз. 'приходи'), «Эларджи» (грузинская кукурузная каша с большим количеством сыра). Остальные названия следует рассматривать как неидентифицирующие: «Сорока», Porto, «Тейст», «Сам пришел», «Архитектор», Pataru и др.

- *«Азербайджанская кухня...»* на сайте представлена 52 эргонимами, 12 из которых топонимы в той или иной форме (*Баку, Азербайджан, Вкус Азербайджана, Бакинский дворик/бульвар/рай*). Остальные наименования – микс восточных эргонимов: *Хинкальная* (груз.), *Чайхана* (в основном узбек.), *Восточный дворик, Ресторан Узбекистан, Сунжа, Ферганское кафе, Шейх Палас, Кавказский дворик, Шафран, Босфор, Миладж* (вознесение пророка Мухаммеда на небеса) и др. Во всех этих заведениях собственно азербайджанские блюда составляют только часть меню, например *долма* (что-то вроде голубцов), *аджапсанда* (овощное соте; азерб. 'какая ты превосходная'), *люля-кебаб* (в просторечье шашлык). Интересно, что в азербайджанском ресторане Plov project в меню встречается два вида узбекского плова, а не азербайджанского: самаркандский плов, ташкентский праздничный плов. Этнически неидентифицирующих названий оказалось больше, чем в предыдущих случаях – 16 ед. («Каретный двор», «Гурман», «Маэстро», «Шарманка», Fox, Mr Gaydar, Olymp Junior, «Виктория», «Водопад», «Гладиатор», «Соседи», Slava и др.)
- Из 42 названий на сайте *«Армянская кухня...»* пять маркированы как этнические: «Армения», «Армянский переулок», «Арапат», «Ноев Ковчег», Gayane's. Остальные смешанного типа: «Самарканд» (узбек.), «Lavash», «Долмама» (груз.), «Оджахури» (груз., мясо с картофелем), «Восход», «Шашлык хаус», «Шашлычный двор», «Хочу шашлык», «Ла Хинкали» и др. Интерес представляют названия неявно идентифицирующие: «Лусар» (тюрк. имя, означает 'чистый цветок') и «Авлабар» (Маленькая Армения в Тбилиси), «Дудук» (армянский деревянный духовой инструмент, 'абрикосовая труба').

Наряду с неидентифицирующими названиями вроде «Старый фаэтон», Slava, Leon, Maer, «Карс фуд», встречаются «русизмы» – названия московских/российских реалий с образными коннотациями: «Ресторан домашний», «Наш двор», «Яуза», «На Басманной», «Загородный», «Трактир на Лодочной», «Тишинка Гастро Холл».

⁵ Восклицание во время кавказского танца, лезгинки, воинственный возглас, призыв к соревнованию.

⁶ Тат. 'глина'; 'рыбный торг, привоз, базар'; Балчук – историческая местность в центре Москвы.

Возможно, по мнению рестораторов, такая реклама более привлекательна для москвичей и гостей города, так как она созвучна с их чувством любви к дому, уюту, «своему» общему прошлому и т. д.

Наружная реклама и вывески мест общепита восточной кухни этническую принадлежность подчеркивают весьма креативно. Нередко они представляют собой распространенные названия с оценочным определением или мини-текст («Курага Диван». *Душевный ресторан*; «Манто-руб». *Сделано с душой*; Turkish Cuisine & Quality Halal Meat; «Батоно». Вкус *Грузии с щепоткой любви*. Ресторан *гостеприимной кухни*). На уличной доске объявлений (outdoor sign), стоящей около заведения, может быть размещен приветственный текст, в том числе на нескольких языках: английском – Turkish street food, турецком – Hos geldin, русском – *Хорошо, что вы пришли, Вкусная турецкая еда и ароматнейший кофе*.

Для привлечения внимания в наружной рекламе также широко используется визуальная стилистика: стилизованный шрифт, напоминающий арабскую вязь, рисунки (например, барашек), яркие портреты представителей той или иной национальности. Наглядно показана тенденция к комбинации кухонь различных культур в одном заведении (*Турецкая *** Европейская *** Кавказская кухня*).

Наблюдается креативность рестораторов в словообразовании (*Хинкалофф*, *Хинкалидзе*, *Mr Шаверман*, *Шаурмама*); стилистической игре с рифмой (*Поймали Хинкали*) или характерным акцентом (*Белый барашка*), который не воспринимается уже как уничижение. В названиях часто присутствует этнокультурная специализация кухни: *Плов city. Узбекская кухня*; *Кафе Самарканд. Узбекская кухня*; *Шаурма по-турецки/по-арабски/овощная/с курицей/с говядиной*; *Адыгейская кухня* (разновидность северокавказской кухни, по названию горского народа, родственного черкесам); *Хачапури по-аджарски* (аджарская кухня – кухня грузинских мусульман).

Нельзя не заметить тенденцию к «присвоению» еде, блюдам статуса нематериальных объектов: **Формула теста:** *пельмени, манты, вареники, блины, сырники, котлеты, голубцы, овощи*; **Мясная тема.** *Всегда свежая шаурма*. Неудивительно, что грузинская лепешка хачапури в 2019 г. получила статус нематериального памятника культурного наследия Грузии (НКРЯ).

Случайная выборка отзывов и обсуждений национальных восточных блюд на кулинарных форумах подтверждает необыкновенную популярность восточной кухни в современной России. В подавляющем большинстве отзывов дается очень высокая оценка блюдам, продуктам, меню, рецептам и заведениям в целом. Вот характерные примеры: «Слоеный хачапури – пальчики оближешь»; «Пирожки свиха с сыром и мясом, как у мамы»; «Девочки, свиху у нас в городе делают трех видов»; «Симпатичный восточный ресторан»; «Прекрасное атмосферное место»; «Очень приятное место со стильным интерьером»; «Уютное домашнее местечко»; «Можно вкусно и недорого поесть»; «Если хочется немного Грузии, то иду исключительно сюда»; «Отличный ресторан и очень вкусное хинкали»; «Когда в грузинском ресторане подают грузины, это просто вышка удовольствия»; «...Вечером живая музыка, музыкант играл на гитаре и пел песни на грузинском языке».

Что касается уличной торговли, то совершенно очевидно, что самым популярным продуктом быстрого питания среди разных слоев населения в последние 7–10 лет стала шаурма или шаверма (вариант названия, использующийся в Санкт-Петербурге). В связи с большой конкуренцией в сфере фастфуда, его качество значительно улучшилось. О шаурме говорят как об искусстве: «На прошедшей в рамках (шаверменного) форума лекции “Шаурма сегодня” организаторы рассказали об эволюции социокультурного значения шаурмы, о роли стритфуда в жизни горожан, о значимости шаурмы во Владивостоке и мире...». «Шаурма объединяет и студента, и работника, и футболиста “Зенита”, и Сергея Шнурова» (РИА Новости, 02.2017; НКРЯ).

Обсуждение и выводы

Проведенное исследование названий ресторанов, кафе и точек уличной торговли восточного происхождения с позиции этнокультурной идентичности в Москве и МО подтвердило предположение об особой популярности среднеазиатской и кавказской кухни у русских сегодня и позволило выявить наиболее актуальные гастрономические ориентализмы в данной сфере. Среди названий блюд и мест питания встречаются как уже ассимилированные, так и новые; при этом и те, и другие используются весьма креативно и сочетают гибридные культурные смыслы и коннотации, отражающие специфику исторически сложившейся в этом евразийском ареале межкультурной общности. Эти культурные заимствования вполне подпадают под определение *Cultural Translation*, данное в работе Buden & Nowotny [2009].⁷ Конечно, это перевод в переносном смысле, то есть заимствование и освоение чужих форм реализации привычных жизненных потребностей, продуктов материальной культуры. Но именно такой «перевод-апроприация» или «перевод-локализация» (например, американской системы кинопроката, «макдональдсов») оказывает самое прямое воздействие на эволюцию социальных (поведенческих) кодов принимающей культуры.

Источники материала (сайты восточной кухни – как общей тематики, так и специализированные, отзывы посетителей, обсуждения на гастрономических форумах, уличная реклама) и методы его исследования (сплошная и случайная выборка, лексикографический анализ, обращение к корпусным данным, а также метод интроспекции) дают достаточно полную картину языкового ландшафта Москвы, однако для понимания глубинных процессов целесообразно обратиться к данным «Русского ассоциативного словаря» и/или провести ассоциативный эксперимент с московскими информантами на предмет восприятия ими восточных эргонимов (кулинарных терминов) с разных точек зрения. Новые и уточненные уже имеющиеся сведения могли бы пополнить данные словарей современных восточных заимствований.

Важным в дальнейшем представляется также расширение географии исследования. Данные по восточным гастрономическим эргонимам в российских регионах позволили бы провести интересное сопоставительное исследование лингвокультурологического плана.

Главный результат исследования видится в выявлении разнообразных способов этнической идентификации. Они говорят о наличии у владельцев заведений необходимых компетенций, что возможно только в случае успешного сотрудничества предпринимателей разных национальных групп: кавказцев, узбеков, русских, представителей прочих этносов и подэтносов, которые либо успешно интегрировались в российское общество, либо проживают постоянно в статусе мигрантов. Современных горожан, воспитанных в интернациональном духе в советское время, не удивляет, что в грузинском ресторане им предлагают блюда разных восточных кухонь, хотя грузинские будут среди хитов в меню. Смешение кухонь, фьюжен, сегодня главный тренд, который, по-видимому, все принимают (ср. сеть топ-ресторанов «Вокруг света»). При этом, восточная кухня в отличие от классического американского фастфуда не вызывает особой критики и уж тем более отторжения. Она часто ассоциируется в сознании россиян с качественной (иногда деликатесной) кухней и не относится к категории *junk food* (нездоровая пища⁸).

Довольно большое количество незнакомых названий с культурными коннотациями, которые идентифицируются как восточные, но не связываются русскоговорящими с конкретной этнической кухней, вызывают у посетителей естественный интерес к культурным явлениям, стоящим за этими названиями. В целом, можно сказать, что восточная кухня (особенно среднеазиатская и кавказская), которая оказалась у нас на пике популярности в настоящее время,

⁷ Феномен проанализирован подробно с позиций Стандартной (классической) теории лингвистического и текстоцентрического перевода в [Фефелов, 2018, с. 133–169].

⁸ Перевод правильный, но он скрывает крайне негативные коннотации многозначного слова *junk* в американской культуре. В Google Translate они таковы: 'барахло, хлам, рухлядь, отбросы, наркотик'.

транслирует свои многие культурные ценности: веру, приверженность к халяльной еде как ее проявлению, дружелюбие и гостеприимство, уважительное отношение к каждому, кто оказался на «их территории», к родителям и т. д.

Общеизвестно, что в рестораны, кафе и прочие заведения общепита люди все больше ходят не поесть, а пообщаться, так как эти заведения играют важную психологическую роль в жизни современных горожан – поддержание духа. Хочется надеяться, что кухни мира – в частности, среднеазиатская и кавказская – окажутся той объединяющей культурной скрепой, которая поможет городским жителям в нашей стране, независимо от их национальности, пережить непростые времена геополитических конфликтов и социальной нестабильности.

Исследование современных восточных заимствований в русском языке, как и русских в восточных языках, может дать ключ к изучению сегодняшнего состояния межнациональных и межэтнических отношений на пространстве бывшего СССР и СНГ. Оно также интересно в контексте специфики русской национальной идеи, преломленной определенным образом в евразийской теории Н. С. Трубецкого, «русского мира» и т. п. Действительно, как было замечено ранее, хорошо знакомые нам по жизни черты нашей культурной евразийской гибридности часто воспринимаются на Западе как отсталость, как «страшное» ордынское влияние. Тем не менее, «у нас даже есть свой Париж, тоже гибридный – татарский по этносу, русский по административной территории и французский по своей исторической сути <...>» [Фефелов, 2015, с. 71–72].

Список литературы

- Булгаков М. А.** Проблемы этнической миграции в современной России // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Политология. Пермь, 2010, №4, с. 88–100.
- Вепрева И. Т.** Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.
- Дьяков А. И.** Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: Автореф. дис.... д-ра филол. наук, Омск, 2015, 42 с.
- Исмаилова Н. В., Майорова О. А.** Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Филология и искусствоведение. Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2019. С. 900–906.
- Коростылева И. С., Ковалева Л. В.** Специфика эргонимов ресторанного бизнеса (на примере названий ресторанов г. Москвы) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 31–38.
- Красильникова Е. В.** Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города: сб. научн. тр.-в. Свердловск: изд-во УрГУ, 1988. С. 5–18.
- Ларин Б. А.** О лингвистическом изучении города. 1928 // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 175–189.
- Мухина Н. Н.** Система терминологических восточных заимствований в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Вып. 6. С. 1759–1763.
- Нарочная Е. Б., Шевцова Г. В.** Иноязычные слова в современной российской публицистике // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 84–97.
- Нечаева И. В.** Мотивированность иноязычных заимствований: орфографический аспект проблемы // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 83–95.
- Питина С. А.** Гибридизация в эргонимах (на материале названий кафе и ресторанов) // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Серия: Филологические науки. 2018. № 1 (411). С. 60–64.
- Плунгян В. А.** Русский язык – честное зеркало общества [Электронный ресурс]. URL: Genling.ru/news/item/f00/s03/n0000384/index.shtml (дата обращения: 10.06.2022).

- Стернин И. А.** Общественные процессы и развитие современного русского языка / Очерк изменений в русском языке XX – начала XXI века. Воронеж, 2004. 93 с.
- Тыхеева Ю. Ц.** Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбанографии): Автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. Санкт-Петербург, 2004. 35 с.
- Фефелов А. Ф.** Этнокультурные проблемы и дилеммы перевода (критика метафорического разума) [Электронное издание]. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 390 с. URL: e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site (дата обращения: 20.10.2022).
- Фефелов А. Ф.** Геокультурные координаты российской переводческой интерпретанты (Западно-Восточный переводоведческий диван) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 55–78.
- Шуменко М. А.** Этническая миграция в контексте межкультурных взаимодействий. Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 22 с.
- Эпштейн М. Н.** Русский язык: система и свобода [Электронный ресурс] // Культура письменной речи. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=1.40> (дата обращения: 15.08.2022).
- Buden B., Nowotny S.** Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses // Translation Studies. 2009. vol. 2(2). Pp. 196–219.
- Kravchenko A. V., Boiko S. A.** What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process // Russian Journal of Communication. 2014. Vol. 6, no. 3. Pp. 232–245.

Справочная литература

- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. 2003–2022. <https://ruscorpora.ru>.
- Шипова Е. Н.** Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата.: Наука, 1976. 444 с.

Список источников

- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=Easten+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=georgian+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=uzbek+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=azerbaijn+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=armenian+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://forum.good-cook.ru>.
- <https://kulinarnyj-portal.ru>.
- <https://kuharka.ru>.
- <https://maxvps.ru>.
- <https://hlebniydvor.ru>.
- <https://zen.yandex.ru>.
- <https://eda.ksk66.ru>.

References

- Buden, B., Nowotny, S.** Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses. *Translation Studies*, 2009, vol. 2(2), pp. 196–219.
- Bulgakov, M. A.** Problems of ethnic migration in modern Russia. *Vestn. Permskogo un-ta. Seriya: Politologiya*, 2010. (in Russ.)
- Epstein, M. N.** Russian language: a system and freedom [Online]. In: *Culture of Written Language*. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=1.40> (accessed on 15.08.2022).
- Diyakov, A. I.** Statics and dynamics of anglicisms in the Russian language system: multi-asset linguistic modelling. Dr Sc. Thesis Abstr., Omsk, 2015. (in Russ.)

- Ismagilova, N. V., Mayorova, O. A.** City language as a sociolinguistic issue: research prospects. *Philology and arts study*, 2019, pp. 900–906. (in Russ.)
- Korostileva, I. S., Kovaleva, L. V.** Restaurant Business Ergonym specificity (based on Moscow Restaurant Names). *Aktualnie voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 2019, no. 2 (33), pp. 31–38. (in Russ.)
- Krasilnikova, E. V.** City Language as a Linguistic Issue. Live Speech of the Ural City. Sverdlovsk: Ural State University, 1988, pp. 5–18. (in Russ.)
- Kravchenko, A. V., Boiko, S. A.** What is Happening to Russian? Linguistic Change as an Ecological Process. *Russian Journal of Communication*, 2014, vol. 6, no. 3, pp. 232–245.
- Mukhina, N. N.** Terminology System of Eastern Borrowings in Modern Russian. *Philological sciences*, vol. 14, no. 6, pp. 1759–1763. (in Russ.)
- Narochnaya, E. B., Shevtsova, G. V.** Foreign Words in Modern Russian Publicist Genre. *Language and Culture*. 2009. № 4(8). P. 84–97 (in Russ.)
- Nechaeva, I. V.** Foreign Borrowing Motivation: orthography aspect. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2006, no. 1(9), pp. 83–95. (in Russ.)
- Pitina, S. A.** Hybridization in Ergonyms (based on the restaurant and café names). *Bulletin of Chelyabinsk University. Series: Philological Sciences*, 2018, no. 1(411), pp. 60–64. (in Russ.)
- Plungyan, V. V.** Russian language is an honest mirror of society [Online]. URL: Genling.ru/news/item/f00/s03/n0000384/index.shtml (accessed on 10.06.2022). (in Russ.)
- Shumenko, M. A.** Ethnic migration in the context of multicultural communication. PhD Thesis Abstr. Rostov-on-Don, 2009. 22 p. (in Russ.)
- Sternin, I. A.** Social processes and development of modern Russian. In: *An essay on changes in the Russian language of the 20th and 21st centuries*. Voronezh, 2004. 93 p. (in Russ.)
- Tikheeva, Yu. Ts.** Man in a City Landscape (on philosophical and anthropological basis for urbanology). PhD Thesis Abstr. St.Petersburg, 2004. 35 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Ethnocultural dilemmas and puzzles of translation: critique of metaphorical reason [Online]. Novosibirsk, Novosibirsk University Press, 2018, 390 p. URL: e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtNDE3Mw/cGFnZTAwMDAw&q=#{simple_query}?collectionHandle=Site (accessed on 20.10.2022). (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Geocultural Coordinates of the Russian Translation Thought and of its Interpretative Background (East-West Translational Divan). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 55–78. (in Russ.)
- Vepreva, I. T.** Modern ergonyms: in search of new forms of expression. *The issues of Onomastics*. 2019, vol. 16, no. 4, pp. 168–179.

Dictionaries

- National Corpus of Russian Language [Online]. 2003–2022. <https://ruscorpora.ru>.
- Shipova, E. N.** Dictionary of turkisms in Russian language. Alma-Ata: Nauka, 1976. 444 p.

List of Sources

- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=Easten+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=georgian+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=uzbek+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=azerbaijn+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://yandex.ru/search/?clid=2285101&text=armenian+cuisine+in+moscow&lr=65>.
- <https://forum.good-cook.ru>.
- <https://kulinarnyj-portal.ru>.
- <https://kuharka.ru>.

<https://maxvps.ru>.
<https://hlebniydvor.ru>.
<https://zen.yandex.ru>.
<https://eda.ksk66.ru>.

Информация об авторе

Рыжкина Ольга Александровна, канд. филол. наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Information about the Author

Olga A. Ryzhkina, PhD in Philology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Статья поступила в редакцию 28.06.2022;

одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 28.10.2022

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 28.10.2022

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-17-34

Когнитивный термин «фрейм»: создание словарной статьи на базе специализированного текстового корпуса

Анна Юрьевна Хоменко¹, Валентина Александровна Куликова²
Александр Сергеевич Бабий³, Марина Сергеевна Казюлина⁴

¹⁻⁴Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

¹khomenko.anna.1989@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3564-6293>

²tva94@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7394-641X>

³asbabi@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7943-5717>

⁴mksazyulina@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1427-7591>

Аннотация

Исследование посвящено апробации специализированного корпуса текстов для решения лексикографических задач на примере группы терминов из области когнитивистики с гиперонимом *фрейм*. Корпус включает в себя подкорпус научных текстов и подкорпус публицистических текстов. Первый представлен 13 журналами, индексируемыми в РИНЦ; второй – 10 значимыми в медийном пространстве российскими изданиями. Собранные тексты были лемматизированы и токенизированы, а также автоматически размечены с помощью стандарта Universal Dependencies. Корпус текстов служит базой для создания учебного словаря-справочника терминов когнитивной лингвистики. Словарь будет включать 60 актуальных терминов, релевантных для освоения вузовских дисциплин когнитивного цикла. Новизна подхода обусловлена тезаурусно-энциклопедическим принципом создания учебного словаря, позволяющим описать единицу как термин (т. е. минимальную составляющую научного знания) и как слово научного текста в его различных словосочетаниях и онтологических отношениях (синонимия, квазисинонимия, класс/подкласс, класс/экземпляр, часть/целое, отношение происхождения, многозначность, род/вид). Основанием описания системных отношений терминов служит корпусная статистика: анализ конкордансов, коллокаций, *n*-грамм. Результаты применения специализированного корпуса представлены на примере терминологического поля с доминантой *фрейм*. С помощью конкордансных списков выявлены контексты интерпретации термина, установлены его деривационные отношения, на базе анализа *n*-грамм дана характеристика семантическим и грамматическим связям термина, на основании изучения коллокаций описаны его синонимические связи, гипо-гиперонимия термина. Проверена также гипотеза Дашинимасовой – Вана о связях между терминами *концепт*, *фрейм*, *гештальт*, *образ*. Кратко охарактеризованы также семантические трансформации научного термина в медийном дискурсе. Выявленные на основании корпусной статистики системные отношения терминов подтверждаются методом интерпретационного анализа контекстов, полученных из конкордансных списков. Данные автоматически выделенных ассоциативных мер во многом согласуются также с результатами проведенного в рамках исследования ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова

корпусная лингвистика, специальный корпус, терминология, лексикография, когнитивная лингвистика

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 22-00-008 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Для цитирования

Хоменко А. Ю., Куликова В. А., Бабий А. С., Казюлина М. С. Когнитивный термин «фрейм»: создание словарной статьи на базе специализированного текстового корпуса // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 17–34. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-17-34

© Хоменко А. Ю., Куликова В. А., Бабий А. С., Казюлина М. С., 2022

Cognitive Term ‘Frame’: Creation of a Dictionary Entry on the Basis of a Specialized Text Corpus

Anna Yu. Khomenko¹, Valentina A. Kulikova², Aleksandr S. Babij³
Marina S. Kazyulina⁴

¹⁻⁴HSE University
Nizhny Novgorod, Russia

¹khomenko.anna.1989@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3564-6293>

²tva94@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7394-641X>

³asbabiy@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7943-5717>

⁴mskazyulina@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1427-7591>

Abstract

The study deals with testing a specialized text corpus on the example of a number of cognitive linguistic terms with the hypernym *frame*. The corpus includes a subcorpus of scientific texts and a subcorpus of journalistic texts. The former is represented by 13 journals indexed in the RSCI; the latter one is represented by 10 significant Russian newspapers & magazines. The collected texts were lemmatized and tokenized, as well as automatically marked up using the Universal Dependencies standard. The corpus is used for creating a learner’s cognitive linguistic term dictionary. This lexicographic source includes 60 major terms in the university disciplines within cognitive sciences. The novelty of the approach is due to the thesaurus-encyclopedic type of dictionary which allows scholars to describe the word both as a term (a minimal component of scientific knowledge) and as a unit of scientific text in its various collocations and ontological relations (synonymy, quasi-synonymy, class-subclass; polysemy, etc.). The basis for describing the term systemic relations is corpus statistics: analysis of concordances, collocations, and *n*-grams. The results of using a specialized text corpus are presented on the example of a terminological field with the dominant *frame*. With the help of concordance lists, contexts of term usage are revealed and its derivational relations are established. The semantic and grammatical relationships of the term are characterized through *n*-grams analysis. Synonyms, hyponyms, hyperonyms of the term are described based on the study of collocations. The Dashinimaeva-Wang hypothesis about the links between the terms ‘concept’, ‘frame’, ‘gestalt’, and ‘image’ was also tested. Briefly characterized were the semantic transformations of the scientific term in the media discourse. Besides, systemic relations of the terms identified on the basis of corpus statistics were confirmed by the method of interpretative analysis of the contexts obtained from concordance lists. The data of automatically selected associative measures also largely agree with the results of the associative experiment carried out in the framework of the study.

Keywords

corpus linguistics, special corpus, terminology, lexicography, cognitive linguistics

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant no. 22-00-008).

For citation

Khomenko A. Yu., Kulikova V. A., Babij A. S., Kazyulina M. S. Cognitive Term “Frame”: Creation of a Dictionary Entry on the Basis of a Specialized Text Corpus. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 17–34. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-17-34

Введение

Настоящее исследование описывает процесс разработки и апробации специализированного интерфейсного корпуса текстов, предназначенного для решения учебных лексикографических задач.

Корпус текстов, по определению А. Н. Баранова [2001, с. 115], это «сформированная по определенным правилам выборка данных из проблемной области». В данном исследовании она представлена когнитивистикой. Важно, что в современной научной коммуникации под корпусом понимают такой текстовый датасет, который имеет слой/слои разметки, приписывающей текстам и их компонентам дополнительную информацию (метаданные) [Захаров, Богданова, 2013, с. 8]. Базовой разметкой, на основе которой осуществляется поиск корпусной статистики, для многих корпусов принято считать морфологическую, или частеречную,

разметку, которая включает в себя как признаки частей речи, так и признаки грамматических категорий. Для решения задач данного исследования нами был создан датасет с несколькими слоями разметки и расширенными возможностями поиска по нему корпусной статистики.

Корпус текстов разрабатывался для создания учебного словаря-справочника терминов когнитивной лингвистики. Общеизвестным русскоязычным лексикографическим ресурсом в этой предметной области сейчас является словарь под общей редакцией Е. С. Кубряковой [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996]. Нам представляется, что из-за динамичного развития когнитивной науки лексикографическое описание ее терминологического аппарата уже нуждается в некотором дополнении и уточнении. В частности, в качестве материала, показывающего его эволюцию, требуется привлечение массива современных текстов. Все это обосновывает необходимость создания специализированного корпуса. Фактически речь идет об описании термина как части научной парадигмы, в том числе в его функциональном аспекте. Такой подход позволит оценить степень системной связности когнитивных терминов, что и обуславливает принципиальную новизну создаваемого справочника.

В ходе работы над словарем применен новый принцип составления словника. Он включает не только те ключевые термины, которые чаще всего используются в современной когнитивистике, но и термины ряда смежных наук (психологии, философии, программирования, теории языка и др.), которые получили новую интерпретацию в трудах по когнитивистике. Следует отметить, что в связи с интегративностью современного научного знания и наличием пересекающихся научных областей четких границ этой терминологии все-таки не существует, вследствие чего допускается произвольное ограничение объема словника. В итоговом варианте в него вошло 60 единиц, наиболее релевантных для успешного решения учебно-прикладных задач словаря. Употребление каждого термина иллюстрируется в нем примерами также и из публицистического – «чужого» – дискурса, что позволяет дать более широкую картину его реального функционирования.

1. Структура, методология и процесс создания корпуса

Специализированный корпус текстов состоит из двух подкорпусов: научного (основного) и медийно-публицистического (фонового, вспомогательного). Научный подкорпус представляет собой автоматически собранные с электронных ресурсов тексты научных статей, приведенные в машиночитаемый формат. В корпус вошли тексты из следующих научных журналов и изданий, тесно связанных с исследованиями в области лингвистики и филологии, а также непосредственно специализирующихся на когнитивной лингвистике и когнитологии:

- 1) «Когнитивные исследования языка»;
- 2) «Вестник Воронежского государственного университета. Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”»;
- 3) «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация»;
- 4) «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета»;
- 5) «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского»;
- 6) «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология»;
- 7) «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература»;
- 8) «Вестник Томского государственного университета. Филология»;
- 9) «Вестник Челябинского государственного университета. Серия “Филология. Искусствоведение”»;
- 10) «Вопросы психолингвистики»;
- 11) «Вопросы языкознания»;
- 12) «Политическая лингвистика»;
- 13) «Русский язык в научном освещении».

В ходе формирования выборки из каждого журнала были отобраны сто случайных статей (если статей было меньше ста, то были взяты все доступные). Однако главным источником статей стали издания серии «Когнитивные исследования языка» из-за особой роли данного научного ресурса для исследуемой предметной области (в корпус вошло 1 149 статей из серии «Когнитивные исследования языка», что составляет 58,53 % от всего объема корпуса). Остальные издания включались в корпус на основании соответствия двум принципам: их предметной значимости (релевантности для когнитивистики) и возможности автоматического скачивания текстов для их автоматической обработки.¹

Публицистический подкорпус состоит из текстов следующих изданий:

«Газета.ру». URL: <https://www.gazeta.ru/>

«Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/>

«Москва24». URL: <https://www.m24.ru/>

РБК. URL: <https://www.rbc.ru/>

«Полит.ру». URL: <https://polit.ru/>

«Элементы». URL: <https://elementy.ru/>

K1NEWS. URL: <https://k1news.ru/>

«Сельская новь». URL: <http://selsknov.ru/>

Elista. URL: <http://www.elista.org/>

«Магаданская правда». URL: <https://magadanpravda.ru/>

Выбор данных СМИ в качестве источников материала обусловлен теми же двумя критериями.² Всего в подкорпус в итоге вошли 805 публицистических статей общим объемом 476 507 токенов.

Общий объем корпуса в итоге составляет 8 128 537 токенов, 1 963 документа, 91 Мб (в формате spaCy DocBin).

Таким образом, наш корпус – уменьшенная, но репрезентативная модель исследуемого дискурса когнитивной науки и смежных сфер, представленных медиа, в которых встречаются вкрапления элементов научного дискурса.

Для репрезентативности важны размер и структура корпуса. Поскольку статистически язык содержит большое число относительно редких слов (в соответствии с законом Ципфа), для исследования первых пяти тысяч наиболее частотных слов требуется корпус размером около 10–20 миллионов словоупотреблений, в то время как для описания первых двадцати тысяч слов уже требуется корпус свыше ста миллионов словоупотреблений.

Для проверки достаточности объема собранного корпуса мы сравнили частотность пяти важнейших терминов когнитивной лингвистики («концепт», «метафора», «фрейм», «концептуальная структура», «инференция») в НКРЯ и в настоящем корпусе. Результат представлен в таблице 1.

¹ Так, в изначальном списке источников текстового материала были такие журналы, как «Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология», «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», «Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология» («Неофилология»). Но от этих источников пришлось отказаться в связи со сложностью написания для них программ-краулеров и защищенностью сайтов от автоматического скачивания текстов.

² Их значимостью в медиaprостранстве: эти общероссийские издания входят в рейтинги наиболее цитируемых СМИ (по данным информационно-аналитических систем «Интегрум» [Интегрум] и «Медиалогия» [Медиалогия] за октябрь – декабрь 2021 г.), региональные СМИ активно участвуют в общественной полемике отдельных регионов. Кроме того, выбор обусловлен возможностью автоматического скачивания публицистических статей с данных ресурсов.

Таблица 1

Сопоставление частотности терминов «концепт», «метафора», «фрейм», «когнитивизм», «инференция» в НКРЯ и в собранном корпусе

Table 1

Comparison of Frequency of the Terms 'Concept', 'Metaphor', 'Frame', 'Cognitivism', and 'Inference' in Russian National Corpus and in Our Corpus

Термин	Частотность в НКРЯ	Частотность в нашем корпусе
Концепт	365	4788
Метафора	1276	2875
Фрейм	29	1034
Когнитивизм	70	365
Инференция	4	21

Видно, что в нашем корпусе термины когнитивной науки имеют значительно более высокую частотность по сравнению с НКРЯ, что и доказывает его специализированность и актуальность.

Репрезентативность настоящего корпуса обеспечивается еще одним критерием: объемом (длиной) отбираемых текстов. Он состоит из текстов различной длины, относящихся к трем разным дискурсам, и включает в себя тексты по когнитивной лингвистике, статьи общелингвистической направленности и медийные. В научный подкорпус корпуса входят документы объемом от 241 («Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература») до 135 046 слов («Вопросы психолингвистики»). В медийный подкорпус входят тексты заметок объемом от 9 (заметки издания «Elista») до 9 823 слов («Элементы»).

Так, в подкорпусе текстов СМИ каждый источник представлен 100 случайными новостными статьями, опубликованными в разные годы разными авторами, что, помимо прочего, позволяет отслеживать территориальные и социальные различия в употреблении исследуемых терминов.

Репрезентативность узуса, его диверсифицированность обеспечивается также учетом фактора школы, так как подкорпус включает статьи авторов, принадлежащих к различным научным школам, что может значительно влиять на интерпретацию ими общего терминологического аппарата. Наконец, важен и фактор временного диапазона: в корпусе представлены статьи из 15 выпусков журнала «Когнитивные исследования языка» за 2016–2021 гг.

Собранные тексты приводятся к электронному формату единой структуры: автор текста, наименование издания, заголовок, URL. Далее, для последующего осуществления поиска по корпусу и исключения шума при поиске производится предобработка текста: токенизация и лемматизация.

После предобработки был автоматически создан морфологический слой разметки, для чего мы выбрали стандарт Universal Dependencies [Lyashevskaya, Shavrina, Trofimov, Vlasova, 2020] с моделью *spaCy ru_core_news_sm*, обученной на корпусах новостей и социальных сетей. Доступ к созданному корпусу возможен через веб-приложение, созданное на основе сервиса <https://streamlit.io/>.

Streamlit – фреймворк на языке программирования Python с открытым кодом, позволяющий создавать в том числе интерфейсные инструменты для получения аналитики при обработке естественного языка. Streamlit предоставляет сервис Streamlit Cloud, который позволяет бесплатно запускать и использовать созданные с помощью Streamlit веб-приложения на их серверах. Кроме того, веб-приложение может быть запущено на любом удаленном сервере

или локально с помощью команды *streamlit run*, выполненной из корневого пути директории веб-приложения. Корпус доступен по адресу: <https://marina-kaz-cognitive-corpus-corpus-appmain-page-fd6fnt.streamlitapp.com/>.

Необходимость подобной текстовой аналитики обусловлена выбранным подходом к созданию лексикографического источника. Конкордансные списки позволяют найти достаточное количество контекстов употребления для оценочной интерпретации термина, установления его деривационных отношений, n-граммы упрощают поиск семантических и грамматических связей анализируемого слова, а коллокации предоставляют информацию об антонимии, синонимии, гипо-гиперонимии термина. Все это позволяет установить полные семантико-грамматические отношения, необходимые для создания словаря тезаурусного типа.

2. Демонстрация схемы анализа термина с помощью созданного текстового корпуса

Проанализируем в качестве типового примера один из терминов словника с применением корпусного подхода.

Анализ термина следует начинать с установления его авторитетной дефиниции, то есть цитатой из словаря Кубряковой [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 187].³

Этимологически термин «фрейм» образован от «англ. frame ‘структура, рамка, кадр’ – в информатике – структура данных, описывающих фрагмент знаний человека о мире или представляющих какую-л. стандартную ситуацию» [Захаренко, Комарова, Нечаева, 2003]. Вывод: термин «фрейм» носит междисциплинарный характер.

Коллокаты, извлеченные из корпуса текстов, позволяют описать синонимию понятия «фрейм», а именно: 1) *сценарий* (MI: 7,72; t-score: 4,97; Dice: –4,91), 2) *структура* (MI: 4,10; t-score: 4,80; Dice: –7,09). То, что выделенные коллокаты имеют статус именно синонимов, подтверждается контекстами их употребления: 1) «Основу медиасобытия составляют концепты национальной концептосферы, образующие структуры (**фреймы, сценарии** и др.), освоенные и транслируемые культурой» [Белоусов, Баранов, Зелянская, Пономарев, Рябинин, 2021, с. 7]; 2) «...который формируется из тематических макрофреймов и относящихся к ним когнитивных **структур** (фреймов и субфреймов), объединенных наличием общего семантического ядра» [Хабаров, 2022, с. 79]. Такой набор синонимов не противоречит собственно определению фрейма и внутренней форме когнитивного термина.

При получении корпусной аналитики по коллокатам обычно используются три меры ассоциативности: Mutual Information (MI); t-score; Dice. Mutual information «позволяет выделить устойчивые словосочетания, имена собственные, а также низкочастотные специальные термины» [Захаров, Хохлова, 2008, с. 47]. Именно поэтому она реализована в качестве функционала разработанного корпуса. Тем не менее использование ее для поиска редких коллокатов, в том числе узкоспециализированной терминологии, в основном осуществляется в ситуациях, когда исследователь имеет дело с неспециализированным корпусом (то есть с корпусом, состоящим из разнородных текстов с вкраплениями текстов того дискурса, где предполагается должны появляться искомые термины). Так, при поиске коллокатов к когнитивным терминам в Националь-

³ Так, термин «фрейм» (англ. frame) обозначает «набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов; набор сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); Ф. дает представление о том, какой вид знаний существенен для такого описания; организация представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера) плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация). Ф. структура данных для представления стереотипных ситуаций, особенно при организации больших объемов памяти. Понятию Ф. соответствуют такие понятия, как схема в когнитивной психологии (Barlett, 1932; Minsky, 1980), ассоциативные связи (Bower, 1972), семантическое поле. Сцены ассоциированы с определенными языковыми Ф.» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с.187].

ном корпусе русского языка, Генеральном Интернет-Корпусе Русского Языка, Открытом корпусе русского языка или Araneum Russicum III Maximum использовать следует именно меру MI.

Однако данная мера является не слишком показательной для корпуса, состоящего из текстов одного дискурса, для которого специальная терминология становится нормой. В такой ситуации релевантной становится ассоциативная мера t-score, осуществляющая поиск наиболее частотной лексики той или иной сферы, то есть «выделяет коллокации с очень частотными словами» [Захаров, Хохлова, 2008, с. 49]. Она также учитывает частоту встречаемости КС и его коллоката, «отвечая на вопрос, насколько не случайной является сила ассоциации (связанности) между коллокатами» [Захаров, Хохлова, 2010, с. 138]. Она признана одной из наиболее подходящих для поиска в том числе двухсловных терминов [Браславский, Соколов, 2006]. Именно на меру t-score ориентировалась в первую очередь наша группа при поиске самых распространенных коллокатов. Мера Dice, будучи синкретичной, относительно универсальной, используется нами в качестве «проверочной».

Еще ряд синонимов для слова «фрейм» был найден с помощью анализа конкордансных списков, а именно: 3) *блок знаний*, 4) *когнитивные контексты*, 5) *видение мира*, 6) *ментальные схемы*, 7) *когнитивные рамки*.

Контексты доказывают истинность именно этого типа семантических отношений между опорным термином «фрейм» и выделенными словами: 3, 4) «...значения слов в системе языка соотносимы с <...> определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти **когнитивные контексты, или блоки знания** <...> Ч. Филлмор назвал фреймами» [Болдырев, 2009, с. 45]; 5, 6, 7) «Лозунги представляют собой заявления, основанные на оппозиции **двух фреймов, двух видений мира**, <...>» [Якоба, 2015, с. 130]; 6, 7) «Когнитивная поэтика предлагает сместить фокус с текста на сами “идеальные типы” и рассмотреть их как **ментальные схемы**» (<...> **когнитивные рамки, фреймы, паттерны** и т. д.)...» [Абаева, 2019, с. 95].

Отношения гипо-гиперонимии можно также установить с помощью корпусной аналитики. Гиперонимами для термина «фрейм» в нашем корпусе являются: 1) *концепт*, 2) *формат знаний*, 3) *когнитивная структура*; 4) *структура данных*, 5) *модель*, 6) *код*. Они установлены с помощью анализа коллокаций. Так, *концепт* тесно ассоциируется в исследуемом дискурсе (часто встречается) со словом *фрейм* (MI: 3,99; t-score: 4,08; Dice: –7,25) и поддерживает в том числе гиперонимические отношения с этим термином, что подтверждается следующими контекстами: «В основе нашего исследования понимание **фрейма**, изложенное в работах Н. Н. Болдырева: «объемный, многокомпонентный **концепт**, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2014:55]» [Рабкина, 2015, с. 392].

Гиперонимические отношения также репрезентативно отражаются в конкордансных списках: 2, 3) «**Формат знаний** – форма <...> представления знаний на мыслительном и языковом уровнях, когнитивный механизм образования имплицированного смысла. Анализируя фразеологические единицы <...>, мы обнаруживаем, что оценочное знание чаще всего организовано через **такой формат, как фрейм. Фрейм** является той **когнитивной структурой**, которая формирует стереотипы языкового сознания, <...>» [Бабушкина, 2009, с. 11]; 4, 5) «Метафорическая **модель** понимается как система, которая обладает структурой, включающей в себя **фреймы**. Они <...> представляют собой «...единицу знаний, организованную вокруг некоторого понятия... **Фрейм** организует наше понимание мира в целом... **Фрейм** – **структура данных** для представления стереотипной ситуации» <...>» [Собянина, Хохлова 2018, с. 113]; 6) «Например, **код** “Водная метафорическая модель” имеет несколько **подкодов-фреймов**: “Движение воды”, “Стихийное бедствие” и др., которые, <...> содержат более мелкие подкатегории, названные на основе слотов» [Собянина, Хохлова 2018, с. 117].

Для поиска гипонимов наиболее удобным оказался анализ *n*-грамм и коллокаций. Список биграмм для слова «фрейм» выглядит следующим образом:

Таблица 2

Биграмы для слова *фрейм* с абсолютной частотностью не менее 10

Table 2

Bigrams for the Word *Frame* with an Absolute Frequency of at Least 10

Число вхождений	N-граммы
22	фрейм внутренний
19	структура фрейм
18	событийный фрейм
18	инвариант фрейм
18	фрейм значение
15	слот фрейм
13	теория фрейм
12	концепт фрейм
12	модель фрейм
12	фрейм являться
12	фрейм сценарий
12	фрейм представлять
10	фрейм когнитивный
10	фрейм конфликт

Список коллокатов для исследуемого термина представлен в таблице 3.

Таблица 3

Коллокаты для слова «фрейм», отсортированные по мере t-score

Table 3

Collocates for the Word *Frame*, Sorted by T-score

Коллокация	MI	t-score	Dice
фрейм + сценарий	7,729982373561946	4,976448778125036	-4,914564523493939
структура + фрейм	4,105690847379932	4,8028430276672704	-7,095802730062072
фрейм + внутренний	5,708934793427136	4,600745025904407	-5,953667366277966
слот + фрейм	8,111922184664559	4,455970679976279	-5,049848549450561
событийный + фрейм	8,156707755671293	4,343624580800186	-5,098586219722049
модель + фрейм	4,064547931676688	4,308696652302109	-7,178961195735835
инвариант + фрейм	9,167514510627877	4,23526267440719	-5,009984088572622
концепт + фрейм	3,997589509185564	4,086012194281519	-7,259371610679181
теория + фрейм	4,786280586978132	3,855040738775934	-6,717676423066395
фрейм + представлять	3,9733674075202483	3,6264118581891527	-7,345183447187666
фрейм + значение	2,7089939719330074	3,5937854580499815	-8,394581782896395
понятие + фрейм	3,6891115636203	3,326014830194566	-7,613293632122728
фрейм + когнитивный	2,825303750021997	3,213743796654455	-8,3259478663397
фрейм + слот	7,11192218466456	3,1394165089909354	-6,049848549450561
фрейм + конфликт	5,910935126931382	3,1097205806573496	-6,41193462479118

Исходя из анализа *n*-грамм и коллокаций, гипонимическая парадигма будет выглядеть следующим образом: *слот, сценарий*.

На наш взгляд, *сценарий* в научном дискурсе когнитивной лингвистики можно назвать как синонимом термина «фрейм», так и его гипонимом. В данном случае системные связи терминов зависят от контекста употребления. Так, для *сценария*, помимо контекстов, аналогичных указанному выше, имеют место и контексты следующего содержания: «Итак, *фрейм* – общее родовое обозначение набора понятий типа: “схема”, “сценарий”, “когнитивная модель”, “народная теория”» [Мирошниченко, 2016, с. 66]. Это говорит о полисемичности терминов в дискурсе когнитивной лингвистики. Вариативность системных связей внутри терминосистемы объясняется наличием в научном дискурсе различных (в том числе индивидуально-авторских) интерпретаций одного и того же термина; он может вступать в различные синонимические, родо-видовые и прочие отношения. Обращение к конкордансным спискам позволяет выявить различные контекстные варианты интерпретации термина и проанализировать их влияние на связи внутри терминосистемы.

Контексты для гипонима *слот* также подтверждают природу обозначенных семантических отношений анализируемых слов и слова «фрейм»: «...поиск и обнаружение сходных фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их **слоты** и терминалы присоединяют объекты одних и тех же ассоциативных связей» [Молчанова, 2019, с. 570].

С помощью анализа контекстов, не реализованных как содержащие наиболее часто встречающиеся с *фрейм* слова, удалось определить, что гипонимами для этого термина могут стать и следующие слова: *субфрейм, схема, когнитивная модель, народная теория*: «**Фрейм может иметь несколько субфреймов**, количество которых зависит от количества значений, выделяемых у базового слова» [Рыжова, 2019, с. 186].

С помощью анализа слов, вступающих в некие семантические отношения с искомым термином, удалось также установить, когда имеет место контекстуальное сужение или расширение значения термина. Так, для термина «фрейм» отношения спецификации (т. е. конкретизации) проявляются в основном в случаях именованности видов фрейма, а именно: *внутренний фрейм, событийный фрейм, когнитивный фрейм, динамический фрейм, семантический фрейм, классификационный фрейм, прототипический фрейм, интертекстуальный фрейм, этноспецифичный фрейм*. К примеру: «Подобные мини-концепты основываются на знаниях о мире и их полный список для каждого **классификационного фрейма** <...>, по-видимому, будет общим для многих языков, в частности, для <...>» [Беляевская, 2021, с. 68].

Отношения спецификации в том числе выявляются путем анализа *n*-грамм и коллокаций: *внутренний фрейм* (MI: 5,70; t-score: 4,60; Dice: –5,95), *событийный фрейм* (MI: 8,15; t-score: 4,34; Dice: –5,09), *когнитивный фрейм* (MI: 2,82; t-score: 3,21; Dice: –8,32).

Возможность поиска в корпусе по части слова с помощью подстановочных символов дает возможность установить деривационно-эпидигматические связи термина:

- фрейм – фреймовый – пропозиционально-фреймовый;
- фрейм – фреймировать – фреймирование – рефреймирование;
- фрейм – фрейминг – перефрейминг;
- фрейм – субфрейм;
- фрейм – подфрейм.

Общая встречаемость слова в корпусе, количество документов (статей), в которых встречается тот или иной термин, а также мера относительной частотности (ipm) важны для итоговой словарной статьи как показатель релевантности термина в научном дискурсе когнитологии и когнитивной лингвистики.

Для термина «фрейм» это: 185 статей, 1 034 вхождения (словоупотребления) в корпусе с IPM 127,20. Чтобы получить представление о тенденциях его функционирования, эти данные полезно сравнить с частотностью употребления других терминов близкой семантики.

Так, для слова «концепт» найдено 713 документов 4 788 вхождений, IPM 589,03. В дискурсе когнитивной лингвистики термин «концепт» употребляется более чем в 4,5 раза чаще, чем «фрейм». Это, конечно, обусловлено логико-семантическими и функциональными связями этих компонентов дискурса: концепт есть гипероним для *фрейма*: «В типологии Н. Н. Болдырева, представленной в курсе лекций по английской филологии [Болдырев 2000], приводятся следующие **виды концептов**: 1) мыслительная картинка (представление) <...> 6) **фрейм** – объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации (результат ассоциативных связей)...» [Генералов, 2017, с. 254].

Одновременно для гипонима термина «фрейм» – *слот* – статистика встречаемости будет ожидаемо меньше: 291 вхождение в 55 документах, IPM: 35,79.

Описанная выше работа была проведена для 60 слов из словника учебного словаря когнитивных терминов и позволила создать прототип учебного-словаря справочника терминов когнитивной лингвистики.

3. Проверка результатов с помощью ассоциативного эксперимента среди экспертов

Результаты, полученные автоматически с помощью выделенных ассоциативных мер, во многом соответствуют тем, что дал ассоциативный эксперимент (АЭ), проведенный среди респондентов-профессионалов. Было опрошено 144 специалиста в области лингвистики и филологии, каждому из которых в качестве стимулов давались все 60 терминов учебного словаря. В результате обработки данных АЭ были получены статьи, отражающие ассоциативную сеть каждого термина, сформировавшуюся в сознании специалиста.

Для слова «фрейм» такая статья выглядит следующим образом: рамка – 60; структура – 9; ситуация, концепт – 7; кадр – 6; когнитивистика, сценарий – 4; знание, концепт, организация, паттерн, поведение, схема, сюжет, фреймворк, часть – 2; HTML, акцент, алгоритм, английский, анимация, библиотека в питоне, внутри, ворк, вспышка, граница, два плана, двадцать пятый, действия, единица, изображение, информация, кадр в комиксе, кадр жизни, кадр фильма, карта, картина, картинка, квадрат, когнитивная лингвистика, когнитивный, концептуальная рамка, король, манга, модель, модель образа, набор, область, ограничения, описание ситуации, порядок, представление, программирование, пространство, рамка фотографии, сегментация, совокупность, стена, структура, теория фреймов, у фотографа, умозаключение, философ, фиолетовый, фирма, форма, формат знания, Фрейд, френч, часть пазла, экзамен, эксперимент – 1. Итого: $171 + 72 + 9 + 56$.⁴

Так, наиболее частыми в сознании специалистов стали ассоциации: *рамка*, отсылающая к внутренней форме слова; *структура*, являющееся синонимом для термина «фрейм»; *концепт* – гипероним для описываемого термина; *сценарий* – синоним, равно как и гипоним данного КС. АЭ доказывает релевантность использования автоматически вычисленных ассоциативных мер для анализа парадигмы функционирования интересующего понятия в определенном дискурсе.

4. Результаты обработки подкорпуса СМИ

Весь словник разрабатываемого учебного когнитивного словаря был проанализирован на предмет семантической рефракции в «чужом» для когнитивистики дискурсе СМИ, представленном во втором подкорпусе. Необходимо отметить, что проникновение терминов различных научных сфер в медийный дискурс – это активный процесс в современной коммуника-

⁴ Цифра после каждой реакции или однородного ряда реакций – количество человек, давших данную ассоциацию/ассоциации; формула $171 + 72 + 9 + 56$ включает в себе информацию о количестве данных ассоциаций на стимул – 171; различных реакциях – 72; количестве отказов – 9; количестве единичных реакций – 56.

ции, связанный с тенденцией к медиатизации научного знания [Кондратьева, Игнатова, 2021]. Семантика термина может в этом случае как совпадать с семантикой в научном дискурсе, так и трансформироваться, подвергаться рефракции при проникновении в ту или иную среду. Так, в СМИ встречается употребление слова «фрейм» в терминологическом значении, например: «Когда берется просто какой-то кусок действительности, вставляется в какую-то **рамку, фрейм**, и это называется искусством» («Полит.ру», 23.04.2010); «**фреймы**, т. е. когнитивные установки, которые подводят воспринимаемое под известное... Типовые **фреймы** российского **менталитета**...» («Полит.ру», 26.04.2012). Значение термина иногда объясняется массовой аудитории с помощью обращения к его этимологии, внутренней форме. В медиадискурсе термин «фрейм» реализует синонимические отношения с лексемой *рамка*, имеет гиперонимы представление, установка, менталитет, что согласуется с его значением в научном дискурсе.

В то же время, когда в медийном дискурсе слово используется не для номинации структур сознания, а для описания явлений социальной сферы, семантика лексемы *фрейм* может расширяться: «В целом руководителям как на собеседовании, так и в дальнейшей рабочей деятельности важно придерживаться делового дресс-кода: именно начальство задает общий **фрейм** для всего коллектива, именно на них равняются все подчиненные» («Москва24», 02.09.2021). В подобных контекстах *фрейм* приобретает значение ‘схема, стандарт, стиль’.

5. Проверка гипотезы Вана – Дашинимаевой о гипонимии терминов «фрейм», «гештальт» и «образ» по отношению к термину «концепт»

Разработанный корпус позволяет не только создать полное описание того или иного термина, но и дает возможность решать другие, более широкие исследовательские задачи. Так, с помощью созданного инструмента можно с помощью корпусной статистики обсудить особенность выдвинутого в одном из исследований [Ван, Дашинимаева, 2022] постулата о том, что *фрейм*, *гештальт* и *образ* являются гипонимами для термина «концепт», а также конкурируют друг с другом в дискурсе когнитивной лингвистики. Он позволил нам сделать вывод о том, что гипо-гиперонимические отношения этих терминов действительно выстраиваются именно так, что *концепт* становится гиперонимом для остальных. Контексты представлены далее: 1) «слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие **образы**; более абстрактные признаки составят периферию **концепта**» [Знак, 2021, с. 66]; «<...> важным является соотношение базового понятия имагологии **образ** и собственно **концепта**. Некоторые ученые рассматривают **образ** и **концепт** как смежные понятия» [Кошкарлова, Мукушев, 2021, с. 88]; 2) «Мы полагаем, что **концепт НАУЧНЫЙ ТЕКСТ** существует <...> в формате **гештальта**, который репрезентируется коррелятивной языковой единицей базового уровня» [Дроздова, 2020]; «В данной статье <...> приводится пример лишь одного китайского **концепта-образа, гештальта ДЕРЕВО**, который в сознании носителя русского языка ассоциируется с соответствующим словом» [Демидова, 2020].

Тем не менее так происходит не всегда: имеют место единичные контексты⁵, где реализуются прямо противоположные отношения: «<...> мы трактуем изучаемый **концепт** как многогранный лингвокультурный **гештальт**, несущий в себе в компрессированном виде накопленный народом опыт постижения окружающего его мира» [Медведева, 2018].

Что же касается конкурентоспособности означенных терминов и сходства их смысловой наполненности, то стоит сказать, что корпусная статистика скорее опровергает эти выводы, чем подтверждает. Так, частота встречаемости термина «гештальт» составляет 145 вхождений в корпус с относительной частотой IPM: 17,83, частота встречаемости слова «образ» – 8 719 вхождений, IPM: 1072,64. Для термина «фрейм» в корпусе 1 034 вхождения с IPM: 127,20. Лексема

⁵ В корпусе выявлено два контекста, иллюстрирующих употребление термина «концепт» как гипонима термина «гештальт», и четыре контекста, иллюстрирующих такие отношения для терминов «концепт» и «фрейм».

образ встречается в корпусе намного чаще, чем остальные (даже если помнить о погрешности, связанной с нетерминологическим употреблением слова) в то время, как *гештальт* значительно уступает в количестве употреблений как *образу*, так и *фрейму*. Термин «гештальт» менее популярен в силу более узкой семантики и наличия спецификации в своем значении. О других особенностях семантики этих терминов мы можем говорить на основе анализа конкордансных списков, n-грамм и коллокаций интересующих терминов.

Коллокации четко показывают различие семантических контекстов для употребления трех терминов: «образ» чаще используется в связи с рассмотрением национальной специфики, а также глубинных структур сознания (табл. 4); «гештальт» – в связи с ассоциативными структурами и оценочной семантикой, а также как объект характеристики (табл. 5); «фрейм» – в связи с моделированием неких структур и событийностью (см. табл. 3).

Таблица 4

Коллокаты для слова «образ», отсортированные по мере t-score

Table 4

Collocates for the Word 'Image' Sorted by t-score

коллокация	MI	t-score	Dice
образ + жизнь	4,22	10,79	–5,53
образ + Россия	4,18	10,69	–5,56
образ + мир	2,94	9,84	–6,02
образ + сознание	3,43	8,51	–6,16
метафорический + образ	4,31	8,22	–6,13
создание + образ	4,16	8,01	–6,20
образ + действие	2,85	7,16	–6,58
образ + родина	5,55	6,03	–6,90
формирование + образ	3,17	5,96	–6,94
ментальный + образ	3,63	5,59	–7,09

Таблица 5

Коллокаты для слова «гештальт», отсортированные по мере t-score

Table 5

Collocates for the Word 'Gestalt' Sorted by t-score

коллокация	MI	t-score	Dice
ассоциативный + гештальт	9,68	6,77	–4,24
семантический + гештальт	7,26	5,06	–6,58
гештальт + стимул	8,57	3,45	–5,45
зона + гештальт	7,36	2,62	–6,60
гештальт + слово	3,50	2,41	–10,31
структура + гештальт	4,82	2,36	–9,01
гештальт + оценочный	6,35	2,20	–7,56
гештальт + это	7,18	1,98	–6,86
гештальт + репрезентация	6,09	1,97	–7,83
гештальт + относиться	5,68	1,96	–8,21

Структура *n*-грамм репрезентирует сходные данные (см. табл. 2, табл. 7), добавляя для *образа* контексты, в которых он выступает как пациент – объект, на который направлено действие (табл. 6).

Таблица 6

Биграммы для слова «образ»

Table 6

Bigrams for the Word 'Image'

Вхождения	N-граммы
128	образ мир
127	образ Россия
83	образ сознание
69	образ действие
67	метафорический образ
61	создание образ
44	образ человек
42	образ связать
42	формирование образ
38	создавать образ

Таблица 7

Биграммы для слова «гештальт»

Table 7

Bigrams for the Word 'Gestalt'

Вхождения	N-граммы
43	ассоциативный гештальт
21	семантический гештальт
12	гештальт стимул
7	гештальт слово
6	структура гештальт
6	зона гештальт
5	гештальт оценочный
4	гештальт это
4	языковой гештальт

Заключение

Таким образом, разработанный нами словарь тезаурусного типа с многослойной разметкой позволил создать истинно корпусный подход к анализу функционирования терминов. Его сбалансированный и репрезентативный текстовый материал, адекватный задачам интерфейса позволяют автоматически извлечь полную и всестороннюю информацию об особенностях функционирования 60 когнитивных терминов как в когнитивистике, так и в медийном дискурсе. С его помощью удалось быстро дать статистически мотивированный ответ по гипотезе Вана – Дашинимаевой [2022].

Разработанный корпусный инструмент может быть полезен не только для учебной лексикографической работы, но и для дальнейших научных исследований в области когнитивной

лингвистики, как то: изучение способов репрезентации содержания терминов в научном и медийном дискурсе, сопоставление вариантов интерпретации терминов в рамках различных научных школ внутри когнитивной науки. Кроме того, перспективой дальнейшего исследования и применения корпуса может стать расширение списка анализируемых терминов на другие области когнитивистики.

Список литературы

- Абаева Е. С.** Когнитивное поле переводчика при работе с отрывками текста с юмористическим эффектом // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2019. № 3. С. 92–104.
- Бабушкина О. Н.** Семантика оценочных фразеологизмов и особенности их функционирования в медиадискурсе // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 34(172). С. 11–14.
- Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
- Белоусов К. И., Баранов Д. А., Зелянская Н. Л., Пономарев Н. Ф., Рябинин К. В.** Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 72. С. 5–26. doi 10.17223/19986645/72/1
- Беляевская Е. Г.** Когнитивные доминанты в структуре лексико-семантических групп // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 65–73.
- Болдырев Н. Н.** Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25–78.
- Браславский П. И., Соколов Е. А.** Сравнение четырех методов автоматического извлечения двухсловных терминов из текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды межд. конф. «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 88–94.
- Ван Ч., Дашинимаева П. П.** Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. doi 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
- Генералов В. А.** Анализ некоторых когнитивно-коммуникативных аспектов структуры английского составного технического термина // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 252–259.
- Генеральный Интернет-корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 10.07.2022).
- Демидова Т. В.** О месте когнитивно-семантических компетенций в изучении китайского языка // Когнитивные исследования языка. 2020. № 40. С. 213–225.
- Дроздова Т. В.** Когнитивно-доминантный характер форматирования индивидуального опыта создания научного текста // Когнитивные исследования языка. 2020. № 43. С. 301–326.
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.** Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний [Электронный ресурс]. М.: «Азбуковник», 2003. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=17893> (дата обращения: 10.07.2022).
- Захаров В. П., Богданова С. Ю.** Корпусная лингвистика: Учебник для студентов направления «Лингвистика». 2-е изд., перераб. и дополн., СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 148 с.
- Захаров В. П., Хохлова М. В.** Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии <...> Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 135–143.
- Захаров В. П., Хохлова М. В.** Статистический метод выявления коллокаций // Языковая инженерия <...> «Лингвистические информационные технологии в Интернете»: XI Всероссийская <...> конф. «Интернет и современное общество». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 40–54.

- Знак Ю. Э.** Репрезентация ядра и ближней периферии концепта «война» на примере речей Ш. де Голля <...>, Ф. Рузвельта <...>, И. Сталина <...>, У. Черчилля <...> и публикаций о гибридной и когнитивной войнах // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 65–69. doi 10.26170/1999-2629_2021_06_07
- Интегрум [Электронный ресурс]. URL: <https://integrum.ru/ratings> (дата обращения: 10.07.2022).
- Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С.** Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта легитимность) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69–85. doi 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85
- Кошкарлова Н. Н., Мукушев И. О.** Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87–100. doi 10.26170/1999-2629_2021_03_08
- Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
- Медведева А. В.** Специфика семантической деривации английских лексем (на основе ЛСГ «птицы») // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 399–405.
- Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 10.07.2022).
- Мирошниченко Н. С.** Фреймовая семантика как метод анализа лексических единиц // Современные тенденции развития науки и технологии. 2016. № 3–4. С. 64–68.
- Молчанова Г. Г.** Концептуальная метафора в политическом диалоге мемов и антимемов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 565–572.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.07.2022).
- Открытый корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://opencorpora.org/> (дата обращения: 10.07.2022).
- Рабкина Н. В.** Ассоциативный аспект гипертекстового пространства интернет-новостей // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 390–392.
- Рыжова Д. А.** Фантастическая конференция, чудовищный доклад: формирование оценочных значений на базе русской признаковой лексики // Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 178–192.
- Собянина В. А., Хохлова И. В.** Исследование метафор предметной сферы «Иммиграция» в медийном дискурсе Германии с применением программы MAXQDA // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 52. С. 112–129. doi 10.17223/19986645/52/7
- Хабаров А. А.** Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2022. № 1 (91). С. 78–89. doi 10.26170/1999-2629_2022_01_08
- Якоба И. А.** Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2015. № 3 (35). С. 122–134. doi 10.17223/19986645/35/10
- Araneum Russicum III Maximum [Электронный ресурс]. URL: http://ucts.uniba.sk/aranea/run.cgi?first?corpname=AranRusi_a&reload=1 (дата обращения: 10.07.2022).
- Lyashevskaya O., Shavrina T., Trofimov I., Vlasova N. A.** Shared task: Russian full morphology and universal dependencies parsing [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат. <...> межд. конф. «Диалог» (Москва, 17 июня – 20 июня 2020 г.). Вып. 19 (26). М.: Изд-во РГГУ, 2020. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5109/lyashevskayaonplusetal-181.pdf> (дата обращения: 10.07.2022).

References

- Abaeva, E. S.** The translator's cognitive field and extracts with a humorous effect. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2019, no. 3, pp. 92–104. (in Russ.)

- Babushkina, O. N.** Semantics of evaluative phraseological units and peculiarities of their functioning in media discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2009, no. 34 (172), pp. 11–14. (in Russ.)
- Baranov, A. N.** Introduction to Applied Linguistics. Moscow, Editorial URSS, 2001, 358 p. (in Russ.)
- Belousov, K. I., Baranov, D. A., Zelyanskaya, N. L., Ponomarev, N. F., Ryabinin, K. V.** Cognitive-information modeling of social reality: concepts, events, priorities. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021, no. 72, pp. 5–26. (in Russ.) doi 10.17223/19986645/72/1
- Belyaevskaya, E. G.** Cognitive dominants in the structure of lexico-semantic groups. *Cognitive studies of language*. 2021, no. 1 (44). pp. 65–73. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** Conceptual basis of language. *Cognitive studies of language*, 2009, no. 4, pp. 25–78. (in Russ.)
- Braslavsky, P. I., Sokolov E. A.** Comparison of four methods for automatic two-word term extraction. In: International conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Conference Proceedings “Dialog 2006”. Moscow, RSUH Publ., 2006, pp. 88–94. (in Russ.)
- Wang Z., Dashinimaeva, P.** Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization? *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2. pp. 29–40. (in Russ.) doi 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40
- Generalov, V. A.** Analysis of some cognitive-communicative aspects of the structure of the English compound technical term. *Cognitive studies of language*. 2017, no. 29, pp. 252–259. (in Russ.)
- The General Internet-Corpus of Russian [Online]. URL: <http://www.webcorpora.ru/> (accessed on: 10.07.2022). (in Russ.)
- Demidova, T. V.** Cognitive and semantic competencies and their place in the learning of Chinese language. *Cognitive studies of language*, 2020, no. 40, pp. 213–225. (in Russ.)
- Drozdova, T. V.** Dominant character of cognitive formats representing individual experience in scientific text. *Cognitive studies of language*, 2020, no. 43, pp. 301–326. (in Russ.)
- Zakharenko, E. N., Komarova, L. N., Nechaeva, I. V.** A new dictionary of foreign words: 25,000 words and phrases [Online]. Moscow, Azbukovnik Publ, 2003. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsis&wi=17893> (accessed on: 10.07.2022). (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu.** Corpus linguistics: Textbook. 2nd ed., revised. and supplementary. St. Petersburg, St. Petersburg State University, RIO, Faculty of Philology, 2013, 148 p. (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V.** Study of effectiveness of statistical measures for collocation extraction on Russian texts. In: *International conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Conference Proceedings “Dialog”*. Moscow, RSUH Publ., 2010, pp. 135–143. (in Russ.)
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V.** Statistical method for detecting collocations In: *Language engineering: in search of meanings: Reports of the seminar “Linguistic Information Technologies on the Internet”*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008, pp. 40–54. (in Russ.)
- Znak, Yu. E.** Representation of the core and the close periphery of the concept “war” based on the material of the speeches by W. Churchill (May 13, 1940), C. de Gaulle (June 22, 1940), F. Roosevelt (December 8, 1941), J. Stalin (July 3, 1941) and publications about hybrid & cognitive wars. *Political Linguistics*, 2021, no. 6 (90), pp. 65–69. (in Russ.) doi 10.26170/1999-2629_2021_06_07
- Integrum [Online]. URL: <https://integrum.ru/ratings> (accessed on: 10.07.2022). (in Russ.)
- Kondratieva, O. N., Ignatova, Yu. S.** Strategies for the mediatization of legal concepts in Russian mass media of XXI century (concept *legitimacy*). *Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 69–85. (in Russ.) doi 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85
- Koshkarova, N. N., Mukushev, I. O.** Russia’s image in Chinese mass-media. *Political Linguistics*, 2021, no.3 (87), pp. 87–100. (in Russ.) doi 10.26170/1999-2629_2021_03_08
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G.** Brief Dictionary of Cognitive Terms. Moscow, Faculty of Philology, 1996, 245 p. (in Russ.)

- Medvedeva, A. V.** Peculiarities of English lexemes semantic derivation (on the basis of the lexico-semantic group “birds”). *Cognitive studies of language*, 2018. no. 35, pp. 399–405. (in Russ.) Medialogia [Online]. URL: <https://www.mlg.ru/> (accessed on: 10.07.2022). (in Russ.)
- Miroshnichenko, N. S.** Frame semantics as a method for analyzing lexeme. *Modern trends in the development of science and technology*, 2016, no. 3-4, pp. 64–68. (in Russ.)
- Molchanova, G. G.** Conceptual metaphor in political controversial anti/memetic dialogues. *Cognitive studies of language*, 2019, no. 38, pp. 565–572. (in Russ.)
- National Corpus of the Russian Language [Online]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed on: 07/10/2022).
- Open corpus of the Russian language [Online] URL: <http://opencorpora.org/> (accessed on: 07/10/2022).
- Rabkina, N. V.** Associative aspect of the hypertextual space of internet news. *Cognitive studies of language*, 2015, no. 22, pp. 390–392. (in Russ.)
- Ryzhova, D. A.** “Fantastic conference”, “prodigious report”: derivation of evaluative meanings in Russian adjectives. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2016, no. 4, pp. 178–192. (in Russ.)
- Sobyanina, V. A., Khokhlova, I. V.** Analysis of immigration discourse metaphors in German mass media using the MAXQDA software. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, no. 52, pp. 112–129. (in Russ.) doi 10.17223/19986645/52/7
- Khabarov, A. A.** Demonization of China in foreign mass media: discursive means of destruction of the information and psychological warfare targets. *Political Linguistics*, 2022, no. 1 (91), pp. 78–89. (in Russ.) doi 10.26170/1999-2629_2022_01_08
- Yakoba, I. A.** Discourse power of media space in the struggle for nomination. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 3 (35), pp. 122–134. (in Russ.) doi 10.17223/19986645/35/10
- Araneum Russicum III Maximum [Online]. URL: http://ucts.uniba.sk/aranea/run.cgi/first?corpname=AranRusi_a&reload=1 (accessed on: 07/10/2022).
- Lyashevskaya, O., Shavrina, T., Trofimov, I., Vlasova, N. A.** Shared task: Russian full morphology and universal dependencies parsing. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: Based on the materials of the annual international conference “Dialogue”* (Moscow, June 17 – June 20, 2020). Iss. 19 (26). Moscow, Russian State University for the Humanities, 2020. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5109/lyashevskayaonplusetal-181.pdf> (accessed on: 07/10/2022).

Информация об авторах

- Хоменко Анна Юрьевна**, канд. филол. наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
- Куликова Валентина Александровна**, канд. филол. наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
- Бабий Александр Сергеевич**, студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия
- Казюлина Марина Сергеевна**, студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

Information about the Authors

- Anna Yu. Khomenko**, Associate Professor, HSE University, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, Nizhny Novgorod, Russia

Valentina A. Kulikova, Senior lecturer, HSE University, Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr S. Babii, undergraduate student, HSE University, Faculty of Humanities, Nizhny Novgorod, Russia

Marina S. Kazyulina, undergraduate student, HSE University, Faculty of Humanities, Nizhny Novgorod, Russia

Статья поступила в редакцию 08.07.2022;

одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 25.10.2022

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 25.10.2022

Научная статья

УДК 811.133.1'255

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-35-45

Социо-речевая функция французского иммигрантского школьного аргю в фильме «Класс» Л. Канте

Анна Николаевна Ткачева

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
Санкт-Петербург, Россия

Tkatcheva-Ann@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1316-1247>

Аннотация

Статья представляет результаты анализа речевых особенностей персонажей фильма «Класс», изображающих детей французских иммигрантов. По сюжету картины дети учатся в колледже одного из пригородов Парижа. Школьники общаются друг с другом и учителями в диалоговой форме. Подростки осознанно игнорируют правила поведения, установленные учебным заведением, и пренебрегают нормами кодифицированного французского языка. Фильм в художественных образах воспроизводит существующую в современной Франции острую социальную проблему сопротивления иммигрантов из других стран освоению французских культурных ценностей, обычаев, кодов, языка и культуры речи.

Речевые особенности героев позволяют определить их личностные характеристики: национально-этническую принадлежность, социальное положение, личностные ценности, эмоциональное состояние. С помощью метода выборки и лингвостилистического анализа было выявлено, что подростки используют верланизированные и обесцененные лексические единицы, а также слова из особого лексического фонда, выработанного в среде молодежи из иммигрантской среды и пополняемого за счет заимствования, неологизации, переосмысления устаревших французских слов. Верлан и особые разговорные молодежные лексические единицы содержат в своей семантике отрицательные эмоционально-оценочные компоненты.

Для коммуникации в иммигрантской молодежной среде характерны ругательства, грубость, оскорбления, фамильярность, которые являются ритуальными, социально-групповыми, социокультурными, направленными против доминирования франкоязычного этноса в обществе.

Речевое поведение персонажей выражает уничижительную оценку французской культуры, языка, коренных жителей страны. Верланизмы, молодежный вокабуляр, вербальную агрессию следует признать реакцией молодых людей иммигрантского происхождения на необходимость овладения стандартными французскими языковыми и поведенческими нормами, поставленную перед ними французским обществом, отвержение со стороны этнических французов, отсутствие шансов на благополучную жизнь, а также признаком глубоких психологических травм, тяжелых жизненных обстоятельств.

Ключевые слова

французский язык, молодежная речь, верлан, ритуальная вербальная агрессия, культурная война, дети иммигрантов

Для цитирования

Ткачева А. Н. Социо-речевая функция французского иммигрантского школьного аргю в фильме «Класс» Л. Канте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 35–45. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-35-45

Socio-verbal Function of the French Immigrant School Argot in the Film “Class” by L. Cantet

Anna N. Tkacheva

Saint-Petersburg State Institute of Film and Television
Saint-Petersburg, Russian Federation

Tkacheva-Ann@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1316-1247>

Abstract

The article analyzes speech characteristics of the characters of the film “Class” depicting French immigrants’ children. The teenagers study at one of the suburb Paris colleges. They communicate with each other and teachers in the form of a dialogue. The adolescents intentionally tend to ignore the rules of behavior established by the educational institution and neglect the norms of the codified French language. Using artistic images, the film reproduces one of the most topical social problems in modern France—that of immigrants’ resistance to accepting French cultural values, customs, codes, language, and speech culture.

The characters’ speech determines their nationality, social status, personal values, and emotional state. Sampling, the linguistic and stylistic types of analysis were employed as research methods. The teenagers use verlanized and obscene lexical units, words from the young immigrant argot developed by borrowing, neologizing, and rethinking outdated French words. The verlan and special colloquial lexical units that characters use contain negative emotional and evaluative connotations. The insults, rudeness, name-calling, familiarity between immigrant children are ritual, intra-group, sociocultural, harmless, directed against the culture, language, economic dominance of the French-speaking ethnos in the society.

The adolescent verbal behavior expresses a pejorative assessment of the French culture, language and people. The children ignore school rules and neglect standard French. Verlanisms, youth slang/argot, aggression are considered as the reaction of young immigrants to the requirement to learn standard French and behavioral rules of the French society, rejection by the ethnic French, lack of opportunities to rise in life, a sign of psychological trauma, as well as hardships.

Keywords

French language, youth speech, verlan, ritual verbal aggression, cultural war, immigrant children, inculturation

For citation

Tkacheva A. N. Socio-verbal Function of the French Immigrant School Argot in the Film “Class” by L. Cantet. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 35–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-35-45

Введение

Социальная кинодрама «Класс» (французское название *Entre les murs* буквально переводится на русский язык как ‘между стен’) была снята в 2008 году французским режиссером Лораном Канте по одноименному роману Франсуа Бегодо *Entre les murs*. Франсуа Бегодо также написал сценарий к фильму и снялся в главной роли. Картина получила главную награду 61-го Каннского кинофестиваля «Золотая пальмовая ветвь».

Кинолента рассказывает о работе учителя в колледже одного из пригородов Парижа. Учитель преподает французский язык в классе с большим числом учеников из иммигрантской среды. Учеников играли не профессиональные актеры, а реальные учащиеся школ округов Парижа, которых отбирали на кастинге для воссоздания аутентичной школьной атмосферы.

Фильм погружает зрителей в неблагоприятный психологический климат, который царит на уроках в колледже. Учащиеся показаны как малообразованные, неучтивые, недисциплинированные подростки (“undisciplined children”), а учителя – как взрослые с благими намерениями (“well-meaning adults”) [Lykidis, 2012, p. 15]. Трудные подростки конфликтуют с учителем и друг с другом, игнорируют нормы и правила поведения, установленные администрацией учебного заведения, провоцируют споры, скандалы и ссоры.

Фильм в художественных образах воспроизводит существующую в современной Франции культурную войну, при которой иммигранты, выходцы из других стран, предпочитают быть

в оппозиции к доминирующей культуре и демонстративно отторгают ее социокультурные (негласные) коды и эксплицитные нормы.

Преподаватели, администрация и учащиеся колледжа принадлежат к разным социальным классам и этническим группам. Ученики не хотят признавать учителей своими авторитетами и объединяют воедино понятия «французы» и «буржуа». Так, подростки, комментируя французские правила поведения и нормы языка, презрительно роняют фразы: *Un truc de bourgeois* («Это буржуазная штуковина»)¹; *C'est les bourgeois* («Это буржуазно»).

Подростки намеренно игнорируют нормы французского литературного языка: *C'est pas pareil que le langage de maintenant* («Современный язык не такой»); *Ils sont cheums, vos livres* («Ваши книги отстой»), что является умышленно культивируемой речевой нормой молодых людей иммигрантского происхождения.

Как правило, для целостного художественного образа авторы кинокартин тщательно продумывают речевое поведение своих героев. Речевой поток (дискурс) действующих лиц передает информацию об этническом происхождении, внутреннем мире, культурном и образовательном уровне, отношении к окружающему миру. Цель данной работы состоит в раскрытии социально-психологических функций разговорной нормы французских подростков из парижской иммигрантской среды, формируемой совокупностью особенностей речи персонажей. В работе были использованы методы выборки, сплошной лингвостилистический, описательный и сравнительно-сопоставительный.

Результаты

1. Молодежный социолект (*parler le jeune/la langue des cités*)

Языковое общение между героями картины проходит в форме диалогов. Непринужденному эмоциональному общению персонажей присущ ряд фонетических (быстрый темп, выпадение звуков и слогов в словах), лексических (обилие разговорной лексики, просторечия, сокращений) и синтаксических (неполные предложения, линейная последовательность расположения слов в речевой цепи, сегментированные построения, использование указательного местоимения *ça* как заместителя личного местоимения, замещение двойного приглагольного отрицания одним) особенностей, что является признаком фамильярно-разговорной речи [Шигаревская, 1970, с. 47].

В речевом потоке учащихся распространены слова, близкие к разговорным, но более вульгарные, грубые, агрессивные, эмоционально окрашенные. Эти языковые элементы входят в особый пласт лексики, выработанной в среде взрослеющих людей из иммигрантской среды. В научной литературе нет единого мнения ни относительно названия, ни относительно статуса этой лексической подсистемы. Циркулируют термины «молодежная речь», «молодежный социолект», «сленг», «арго пригородов», «язык молодежи», «молодежный жаргон» и др. Во французских лингвистических и социологических работах встречаются названия «язык пригородов» (*la langue des cités*) [Goudaillier, 1997]; «школьное аргю» (*l'argot scolaire*) [Djachy, 2011]; «молодежный язык» (*la langue jeune*) [Auzanneau, Juillard, 2012], но тем не менее доминирует термин *les parlers jeunes* («речевые практики»), который является предметом жарких дискуссий. Так, С. Де Фераль предлагает специфический лексико-стилистический вариант разговорной речи молодого поколения городских окраин наделить статусом языка, заявить о его легитимности, составить его словарь и перестать использовать термин *parlers jeunes* из-за огромного количества времени, которое тратится учеными на его анализ [De Féral, 2012. P. 41].

¹ В качестве перевода здесь и далее по тексту статьи использованы фразы из русской версии фильма.

Лингвисты по-разному объясняют причины возникновения особого подязыка молодого поколения из пригородов крупных городов. Так, среди прочего говорят о:

- 1) социальных проблемах, при которых дети мигрантов остаются вне законов либерального общества и сплачиваются в отдельную социально-языковую группу [Аминова, 2011, с. 125];
- 2) форме поддержания самоидентичности, для демонстрации своей принадлежности одновременно к определенной социальной группе, месту проживания и возрасту [Пренко, 2016, с. 68];
- 3) самореализации, уединении от мира взрослых, определении своего места в обществе [Нужная, 2014, с. 151];
- 4) стремлении к самовыражению [Копытина, 2011, с. 78–79];
- 5) протесте против престижного положения и доминирования французского языка (*la domination du standard*) [Gadet, 2020];
- 6) шифровании и игре, «комиковании» с целью получения удовольствия [Djachy, 2011, p. 443; Непша, Богатырёва, 2016, с. 173];

Перечисленные выше движущие факторы зарождения и функционирования особого средства коммуникации молодежи иммигрантского происхождения можно признать взаимосвязанными и взаимообусловленными. В современной Франции лексикон молодых жителей городских окраин становится «индикатором социально-экономических и культурных различий между слоями населения Франции» [Непша, 2016, с. 170].

Описываемая разновидность французской разговорной речи характеризуется своими лексическими и стилистическими особенностями.

Специалисты наблюдают настоящую «пропасть между классическим французским языком и ненормативным молодежным жаргоном» [Аминова, 2011, с. 125]. Лексика представителей французского молодого поколения «довольно трудно поддается изучению в силу своей динамичности и подвижности» [Пренко, 2016, с. 68]. Постоянно появляются новые выразительные средства и нестандартные лексические единицы. На разговорную речь подростков оказывают влияние различные культуры многочисленных стран, из которых прибыли иммигранты (страны Магриба и Черной Африки), креольский язык и др. [Николаенко, 2010, с. 194]. Вокабуляр формируется за счет неологизации, повсеместного использования арготизмов, метафор и т. д. [Сидоров, 2011, с. 211]. Весь специфический словарь взрослеющих детей иммигрантов характеризуется грубо-фамильярной окраской, сниженной эмоциональной оценочностью [Нужная, 2014, с. 149].

Действующие лица киноленты «Класс» употребляют:

1. Иноязычные вкрапления:

- avoir le seum ('замучить, подкалывать') (от араб. seum 'ненависть'): *Vous avez le seum contre moi* («У вас на меня зуб»);
- le bled ('родная страна') (от сев.-афр. bled 'сельская местность') [Сидоров, 2011, с. 211; Овчинникова, 2017, с. 132]: *J'aime mon bled, la Kabylie* («Я люблю свою деревню в Кабилии»);
- le zouk ('музыка зук') (на языке французских креолов zouk значит 'вечеринка, фестиваль'): *J'aime les frites, le zouk et la dance hall* («Люблю картошку фри, музыку зук и танцы»).

2. Слова, образованные путем метафоризации:

- le jambon-beurre ('француз'): *J'étais à une fête, y avait que des "jambon-beurre"* («Однажды я был на вечеринке, где были одни «камамберисты»»);
- le Guantanamo ('директор школы'): *Si je le dis vous m'envoyez chez Guantanamo!* («Вы меня к директору пошлете»).

3. Слова, образованные при помощи суффиксов:

- le costard-cravate ('житель центра города'; 'офисный работник') [Нужная, 2014, с. 150]: *Ils étaient tous en costard-cravate* («Они все были в костюмах и галстуках»).

4. Устаревшие существительные, переосмысленные в лексиконе иммигрантов:

- le bâtard, которое в своей первичной номинации означало 'внебрачный ребенок', а в арготическом регистре получил пейоративное значение 'подонок, придурок' [Перестроина, 2018, с. 87]: *Bâtard!*².
- la daronne ('мать'): *C'est ma daronne* («Моя старуха»).

Образуемая посредством разных приёмов особая молодежная разговорная лексика содержит в своей семантике эмоционально-оценочный компонент. Лексикон выражает уничижительную, пейоративную оценку французских культурных ценностей, образа жизни, общественного устройства.

2. Верлан

По сюжету киноленты учитель не понимает некоторые молодежные языковые элементы: *le céfran* (Français 'француз'); *le keuf* (le flic 'коп'); *le tebé* (la bête 'зверь'); *cheum* (moche 'глупый'); *le kémé* (le mec 'парень'); *ouf* (fou 'сумашедший'); *ripou* (pouiti 'подонок'); *vépère* (nerveux нервный); *asse* (ça так). Речь идет о верланизированных единицах, которые в последние годы распространяются, в основном, в иммигрантской молодежной возрастной группе. Стил, к которому относится верлан, лингвисты признают сниженным [Пылакина, 2017, с. 92–93]. В киноленте единица *un flic de ouf* ('необычный') является самой частотной (пять раз). Вероятно, это одна из самых популярных верланизированных лексем в субкультуре французских окраин, что частично подтверждается результатами исследований зарубежных лингвистов [Nazman, 2020, p. 90]. Речь, насыщенная верланизмами, характеризуется ярко выраженными оттенками восхищения или пренебрежения, гиперболизацией эмоций, унижением и язвительностью, неуважительностью [Николаенко, 2010, с. 194].

Между учителем и ученицей происходит следующий разговор:

— *Vous mettez des noms de patos* («Вы всегда приводите в пример имена лягушатников»).

— *Des noms de?* («Каких имен?»).

— *Des noms de babtou*. («Лягушатников»).

— *C'est quoi «babtou»?* («Что еще за лягушатники?»).

— *C'est-à-dire de babtou, de Français, de céfran*. («Ну, французы, лягушатники»).

В одном диалоге школьница использует сразу три прозвища французов, распространенных в обществе иммигрантов:

1) жаргонизм *patos* не фиксируется словарями, при переводе фильма на русский язык используется существительное «лягушатники»;

2) слово *babtou* происходит (верланизируется) от африканского существительного *toubab*, что значит 'белокожий, европеец';

3) слово *céfran* происходит (верланизируется) от французского существительного *Français*, что значит 'француз'.

Верланизмы в речи подростков иллюстрируют презрительное, отрицательное, оскорбительное отношение к коренным жителям страны.

3. Обценная лексика (сквернословие)

В речевом потоке учеников встречаются бранные слова *la connerie* ('ерунда'); *la couille* ('мужское яичко'); *le cul* ('задница'); *l'enculé* ('ублюдок'); *la pétasse* ('шлюха'); *baiser* ('поиметь'); *emmerder* ('осточерть'); *s'en foutre* ('плевать'); *faire le con* ('валять дурака') и др. Матерные слова переводятся на русский язык нейтрально:

- *Les profs qui excluent les élèves, c'est des enculés* («Раз ученика исключают, значит, педагоги слабаки»);

² Некоторые фразы франкоязычного оригинала остаются без перевода в русской версии фильма.

- *On lui avait casser les couilles avec mon frère* («Мы с братом ее с этим достали»);
- *J'ai rien compris à vos conneries* («Ничего я не понял»).

Встречаются слова *la putain* ('шлюха') и *la merde* ('дерьмо'), которые когда-то были табуированными, но позже десемантизировались и в современном французском языке используются для выражения эмоций [Moïse, 2011, p. 32]. Эти лексические единицы типичны для разговорной речи [Сидоров, 2011, с. 211]. В дискурсе героев слово *la putain* играет роль междометия и демонстрирует отрицательную эмоцию: *Putain, on galère*; *Putain, t'es un ouf!*; *Putain, c'est hardcore*; *Putain* («Чёрт!»). Лексема *la merde* служит для усиления негативной оценки в составе именной группы: *Sale de merde*; *Ce stylo de merde, il fait de fuir* («Чертова ручка протекает»).

Школьники не заботятся о том впечатлении, которое они производят на собеседников, и не стесняются в выражениях. Употребление обсценной лексики в речи в большом количестве отражает фамильярность во взаимоотношениях подростков.

4. Инвективы (оскорбления)

Существенными характеристиками во внутригрупповой коммуникации подростков являются вербальная агрессия и обилие инвектив. Инвективы – это «сниженные лексические единицы, нарушающие литературную норму и выражающие негативные эмоции говорящего» с целью «оскорбить, унизить, девалоризировать оппонента или продемонстрировать негативную оценку предмета речи» [Аристова, 2016, с. 86].

Школьники обмениваются остротами, оскорблениями, насмешками, постоянно ссорятся, ярко проявляют негативные эмоции. Ребята не сдерживают гнев, раздражение, они психологически напряжены, у них отсутствуют культурные и социальные запреты. Учитель называет словесную брань между школьниками «конкурсом оскорблений» (*un concours d'insultes*). Часть ругательств состоит из обсценной лексики: *le con* ('дурак'); *con* ('дурацкий, глупый'). Присутствуют оскорбления по поводу этнического происхождения: *Malien*; *Antillais*. В качестве инвектив используются зоонимы: *le cochon* ('свинья'); *le macaque* ('обезьяна'); *le mouton* ('баран'): *C'est toi, mouton* («Ты и есть баран»). Несколько раз применяются ругательства на тему сексуальных инверсий: *le pédophile* ('педофил'); *le pédé* ('гей'). Нейтральные лексические единицы также используются в качестве оскорблений с уничижительным смыслом: *le frimeur* ('воображала'); *la rappeuse* ('реперша'); *malade* ('больной'); *sale* ('грязный'); *vicieux* ('хитрец'). Самым частотным ругательством в кинодраме является слово *le bouffon/la bouffonne* ('урод/уродина') (четыре раза): *Sale bouffon!*

Резко сниженная тональность реализуется в использовании бранных глаголов, многие из которых употребляются в повелительном наклонении с восклицанием: *Je vais le baiser!*; *Va sucer!*; *Enleve ton slip!*; *Ferme ta gueule!*; *Ferme ta bouche!*; *Regarde ta gueule!*; *Tu pues de ta gueule!*; *Dégage!*; *Casse-toi!*; *T'as trop ouvert ta gueule, mon gars*; *Va sucer Thierry Henri, sale pédé*. Большинство фраз остаются без перевода в русской версии фильма. В некоторых случаях переводчики осуществляют перевод брани в стилистически сокращенном виде: *Pouet pouet!* («Заткнись!»); *Tu mérites des baffes* («Я тебе врежу»); *Met ça dans ton cul* («Отрежь свой поганый язык»); *Ferme ta bouche!* («Молчал бы!»); *Elle a la sale gueule* («Страхолудина!»).

Вербальная агрессия, грубо-уничижительная брань и вызывающее, провокационное поведение современных подростков из французских пригородов давно стали объектом серьезных научных исследований [Léglise, Leroy, 2008; Mateiu, 2016; Meunier, 2009; Moïse, 2011; Perea, 2011]. Ученые интерпретируют жестокое, конфликтное поведение, оскорбления, крики, угрозы, грубые интонации в коммуникации детей иммигрантов как:

- 1) эволюцию французских социальных норм [Кириянова, 2013, с. 70];
- 2) знаки солидарности (*des marques de solidarité*) [Meunier, 2009, p. 82];
- 3) ритуал, при котором оскорбления, сплетни, ссоры участвуют в процессе обучения, ведущему к социализации и освоению правил поведения [Perea, 2011, p. 58];

4) реакцию на отсутствие перспектив в жизни [Djachy, 2011, p. 444].

5) симптом неблагополучия, страданий (*un symptôme de mal-être*) [Moïse, 2011, p. 33].

Подростки нарочно шокируют говорящих, стремящихся к соблюдению норм культурной речи. Так, Ф. Переа утверждает, что поскольку школа требует от учеников овладения стандартными языковыми нормами и соблюдения правил речевого поведения, то неизбежно будут практиковаться и ритуализироваться и вызывающие отступления от нее: оскорбления и ссоры. Филолог считает, что вербальная агрессия подростков:

- приводит к катарсису при психо-эмоциональной разрядке;
- является неизбежным фактором в ходе культурной интеграции;
- не может быть изжита запретами на нее [Perea, 2011, p. 59].

Распространено также мнение, что подростки используют оскорбления без намерения причинить боль [Mateiu, 2016, p. 81]. Практика подросткового оскорбления отличается от оскорблений взрослого. Считается, что подросток унижает ради игры [Meunier, 2009, p. 9]. Соцработники французских пригородов предлагают разделять эти взаимные выпады на ироничные шутки, «подколы», «троллинг» (*se charrier*) и реальные оскорбления (*s'insulter*). «Подколы» содержат всевозможные едкие замечания, уничижительные прозвища и насмешки, которыми подростки и молодые люди обмениваются в шутовском тоне. Кажущиеся посторонним оскорбительными и обидными, они имеют среди иммигрантской молодежи положительное значение, дружелюбный подтекст, воспринимаются как ритуальные. Аналитики называют юношеские ссоры, брань и перебранки «словесными поединками» (*joutes verbales*), считают их безобидными и даже обнаруживают в них признаки словесного богатства, синтаксического мастерства, креативности [Léglise, Leroy, 2008, p. 8–9].

В трудах ученых приводятся сведения о том, что дети иммигрантов подвергались и подвергаются разным формам жестокого обращения, физическому и словесному агрессивному поведению в семье и обществе. Подростки проходят сложный жизненный путь, у многих нездоровое психологическое состояние. Французские педагоги, социологи призывают к сочувствию, эмпатии, поддержке [Moïse, 2011, p. 35–36].

Молодые люди, живущие на окраинах больших французских городов, не имеют доступа к социально регламентированному французскому языку. В их семьях практикуют национальные языки, родители многих подростков не говорят на французском. Во Франции без знания языка нельзя найти хорошую работу, как следствие, иммигрантам недоступно качественное жилье. Пригороды воспринимаются большей частью коренных французов районами проживания преступников и бедных людей. Юноши и девушки проявляют неодобрительное, агрессивное отношение к французской культуре и языку, чтобы выплеснуть злость и обиду за: 1) бедность; 2) трудное детство; 3) отсутствие перспектив в плане благополучной социальной, материальной жизни; 4) отвержение со стороны этнических французов; 5) нормы, предъявляемые французским обществом.

Ругательства и оскорбления молодого поколения следует признать маркером: 1) самоутверждения; 2) словесного поединка, внутригрупповой игры; 3) глубоких психологических травм, вызванных тяжелыми материальными, семейными и социальными обстоятельствами.

Провокативное и агрессивное речевое поведение школьников на уроках французского языка противопоставляется вежливости и учтивости учителей, что свидетельствует об оппозиции иммигрантов к французским культурным нормам.

Итак, речь действующих лиц предстает как естественный речевой поток, демонстрирующий образ культурной нормы обобщенного портрета подростков иммигрантского происхождения и их идеал языка.

Заключение

Противопоставление в фильме арготического лексикона школьников-иммигрантов и их «грязной» французской речи нормам «образцового» французского языка, то есть *bon usage*, идеалы которого целенаправленно культивируются во Франции со времен создания *Académie française* и относятся к высшим достижениям французской литературы, служит прежде всего целям показа провала французской политики инкультурации семей иммигрантов, покинувших свои родные страны с началом их деколонизации или позднее по экономическим или политическим причинам.

Желаемой ассимиляции не наблюдается; потомки первых иммигрантов и новые приезжие предпочитают жить культурными анклавами вокруг больших городов по нормам своих исходных – как правило, мусульманских – культур. В этом смысле, образ «нового» французского языка в фильме имеет «прикладную» – социоперативную – функцию, косвенно сигнализируя об очень острой культурно-политической проблеме. Не случайно именно она активно дебатировалась всеми представителями правых партий во время прошедших президентских выборов. Неблагополучие иммигрантских анклавов символически противопоставляется более благополучному обществу коренных жителей Франции.

В лексиконе персонажей фигурируют слова, заимствованные из других языков, переосмысленные устаревшие французские, а также верланизированные слова, входящие в пласт особой французской эмоционально окрашенной разговорной лексики, практикуемой иммигрантской молодежью в анклавах Парижа. Специфическое содержание лексикона юношей и девушек демонстрирует их гибридный культурный статус, нефранцузское происхождение (африканские, арабские страны и др.), геокультурную специфику (место проживания во Франции), низкий социальный статус, низкий материальный достаток, низкий культурный и образовательный уровень.

Между собой школьники используют оскорбления, поношения, грубость, которые следует рассматривать как особый ритуал и способ социального взаимодействия. Однако, если принять в качестве сигнала допустимости/недопустимости в речи воспитанного человека систему межкультурных помет словаря Collins-Robert, то большинство цитированных в данной статье единиц и выражений получит три звездочки, что категорически запрещает употребление единицы в пристойном обществе. По этой причине они никоим образом не рекомендуются к ведению в учебную практику и не могут быть образцом для подражания и в русскоязычной культурной среде. Так, М. Дебрэнн пишет, что «иностранец охотно изучает ненормативную лексику на новом для себя языке и использует ее охотнее, чем свою, не потому, что он не понимает, что говорит, или не знает формально, в каких ситуациях ее можно употреблять, а в каких нельзя, а потому, что иноязычная лексика кажется ему «безобиднее». Слова же родного языка бьют точно в цель и ранят более глубоко. С другой стороны, в некоторых случаях кажется, что употребление ненормативной лексики иностранцем оскорбляет больше, чем “своим”, – как будто ему так же, как ребенку, запрещается употреблять эти слова» [Дебрэнн, 2015, с. 12].

Подростки осознанно сопротивляются освоению французского *bon usage*, чужой для них культуры речи, французских культурных норм, ценностей и обычаев. Посредством внутригрупповой ритуальной вербальной агрессии, молодежного социолекта и верлана подростки неосознанно отстаивают свою гибридную культурную историю, инаковость, социальную идентичность. Но это есть проявление не обычной французской подростковой или молодежной контркультуры, «бунтующих» против лингвокультурных кодов своих родителей, а сигнал протеста против французской цивилизации как таковой.

Список литературы

Аминова Л. В. Особенности устной и письменной речи французской молодежи // Вестник Башкирского ун-та. 2011. Т. 16, № 1. С. 122–125.

- Аристова В. Н.** Французская инвективная лексика и проблема ее классификации // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 1. С. 86–93.
- Дебрени М.** Лингвистическая интроспекция плюрилингва // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 5–14.
- Кириянова А. А.** Вербальная агрессия как форма межсубъектной коммуникации (на материале франц. языка) // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. 2013. № 10 (670). С. 62–71.
- Копытина Н. Н.** Лингвистические особенности современного французского молодежного социолекта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 77–79.
- Непша Ф. С., Богатырева Т. Л.** Современные французское аргю: структурные и функциональные изменения // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 172–178. doi 10.15688/jvolsu2.2016.3.19
- Николаенко А. Д.** Верлан как вариант молодежного сленга на примере художественного фильма «Ненависть» // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 192–195.
- Нужная Е. А.** Определение сущности понятия «французская молодежная речь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-2 (34). С. 149–151.
- Овчинникова О. А.** Аргю французских мегаполисов конца XX века: пути и способы пополнения лексического репертуара городского жителя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 131–134.
- Пересторонина И. Л., Умрилова А. Д.** Арготическая лексика в языке молодежи (на примере французских художественных фильмов) // Вестник Тверского государственного технического ун-та. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 84–91.
- Пренко Л. И.** Функционирование молодежного жаргона в современном французском языке (на материале французской песни) // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 31, № 4. С. 65–75.
- Пылакина В. В.** Верлан в современном французском языке // Вестник Московского гос. лингвистического ун-та. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (772). С. 88–93.
- Сидоров А. А.** Формы молодежного общения и их влияние на состояние современного французского языка // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 209–213.
- Шигаревская Н. А.** Очерки по синтаксису современной разговорной французской речи. Ленинград: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова. 1970. 215 с.
- Auzanneau M., Juillard C.** Introduction. Jeunes et parlers jeunes: catégories et catégorisations // Langage et société. 2012. No. 3. Pp. 5–20. doi 10.3917/ls.141.0005
- Djachy K.** L'argot scolaire français dans le contexte des registres de langue [Online] // Registres de langue et argot(s). 2011. No. 9, Pp. 431–445. URL: [http://eprints.iliauni.edu.ge/112/1/registres%20de%20langue%20et%20argot\(s\).pdf](http://eprints.iliauni.edu.ge/112/1/registres%20de%20langue%20et%20argot(s).pdf) (accessed on 19.03.2022).
- De Féral C.** «Parlers jeunes»: une utile invention? // Langage et société. 2012. No. 3. Pp. 21–46. doi 10.3917/ls.141.0021
- Gadet F.** Les parlers jeunes et les représentations langagières, aujourd'hui en France // La Pensée. 2020. Vol. 403, no. 3. Pp. 45–55.
- Goudaillier J.-P.** La langue des cités [Online] // Communication & Langages. 1997. Vol. 112, no. 1. Pp. 96–110. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1997_num_112_1_2768 (accessed on 19.03.2022).
- Hazman N. A., Halim H. A., Magiman M. M.** The Use of Verlan In French Film: A Sociolinguistics Study // International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development. 2020. No. 9 (2). Pp. 81–95. doi 10.6007/IJARPED/v9-i2/7237

- Léglise I., Leroy M.** Insultes et joutes verbales chez les “jeunes”: le regard des médiateurs urbains [Online] // *Insultes, injures et vannes en France et au Maghreb*. Paris, Karthala, 2008. Pp. 155–174. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00292410/document> (accessed on 19.03.2022).
- Lykidis A.** Spatial allegories of democratic pluralism in Laurent Cantet’s «Entre les Murs» // *Crossings: Journal of Migration & Culture*. 2012. Vol. 3, no. 1. Pp. 3–17.
- Mateiu I.** Violence verbale en milieu scolaire: aspects génératifs et fonctionnels / Verbal violence in the school environment: generative and functional aspects // *Studii de Lingvistica*. 2016. Vol. 6. Pp. 61–83.
- Meunier D.** Du quolibet à l’insulte: analyse discursive des “gros mots” de la cour de récré. Les Insultes en français: de la recherche fondamentale à ses applications (linguistique, littérature, histoire, droit) [Online]. Université de Savoie, Chambéry, 2009. Pp. 155–170. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/156366/1/Meunier_Insultes%20en%20français.pdf (accessed on 19.03.2022).
- Moïse C.** Gros mots et insultes des adolescents // *La lettre de l’enfance et de l’adolescence*. 2011. No. 1. Pp. 29–36. doi 10.3917/lett.083.0029
- Perea F.** Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration // *La lettre de l’enfance et de l’adolescence*. 2011. No. 1. Pp. 53–60. doi 10.3917/lett.083.0053

References

- Aminova, L. V.** Peculiarities of oral and written speech of French youth. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2011, vol. 16, no. 1, pp. 122–125. (in Russ.)
- Aristova, V. N.** French invective vocabulary and the problem of its classification. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 1, pp. 86–93. (In Russ.)
- Auzanneau, M., Juillard, C.** Introduction. Jeunes et parlers jeunes: catégories et catégorisations. *Langage et société*, 2012, no. 3, p. 5–20. DOI 10.3917/lis.141.0005
- Debrenne, M.** A plurilingual’s linguistic introspection. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, p. 5–14. (in Russ.)
- De Féral, C.** «Parlers jeunes»: une utile invention?. *Langage et société*, 2012, no. 3, pp. 21–46. doi 10.3917/lis.141.0021
- Djachy, K.** L’argot scolaire français dans le contexte des registres de langue [Online]. *Registres de langue et argot(s)*, 2011, no. 9, pp. 431–445. URL: [http://eprints.iliauni.edu.ge/112/1/registres%20de%20langue%20et%20argot\(s\).pdf](http://eprints.iliauni.edu.ge/112/1/registres%20de%20langue%20et%20argot(s).pdf) (accessed 19.03.2022).
- Gadet, F.** Les parlers jeunes et les représentations langagières, aujourd’hui en France. *La Pensée*, 2020, vol. 403, no. 3, pp. 45–55.
- Goudaillier, J.-P.** La langue des cités [Online]. *Communication & Langages*, 1997, vol. 112, no. 1, pp. 96–110. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1997_num_112_1_2768 (accessed 19.03.2022).
- Hazman, N. A., Halim, H. A., Magiman, M. M.** The Use of Verlan In French Film: A Sociolinguistics Study. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*, 2020, no. 9 (2), pp. 81–95. doi 10.6007/IJARPEd/v9-i2/7237
- Kopytina, N. N.** Linguistic peculiarities of modern French youth sociolect. *Philology. Theory & Practice*, 2011, no. 3 (10). pp. 77–79. (in Russ.)
- Léglise, I., Leroy, M.** Insultes et joutes verbales chez les “jeunes”: le regard des médiateurs urbains [Online]. *Insultes, injures et vannes en France et au Maghreb*. Paris, Karthala, 2008, pp. 155–174. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00292410/document> (accessed 19.03.2022).
- Lykidis, A.** Spatial allegories of democratic pluralism in Laurent Cantet’s “Entre les Murs”. *Crossings: Journal of Migration & Culture*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 3–17.
- Kiryanova, A. A.** Verbal aggression as a type of interpersonal communication in French. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, no. 10 (670), pp. 62–71. (in Russ.)

- Mateiu, I.** Violence verbale en milieu scolaire: aspects génératifs et fonctionnels / Verbal violence in the school environment: generative and functional aspects. *Studii de Lingvistica*, 2016, vol. 6, pp. 61–83.
- Meunier, D.** Du quolibet à l'insulte: analyse discursive des “gros mots” de la cour de récré. Les Insultes en français: de la recherche fondamentale à ses applications (linguistique, littérature, histoire, droit) [Online]. Université de Savoie, Chambéry, 2009, pp. 155–170. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/156366/1/Meunier_Insultes%20en%20français.pdf (accessed 19.03.2022).
- Moïse, C.** Gros mots et insultes des adolescents. *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*, 2011, no. 1, pp. 29–36. DOI 10.3917/lett.083.0029
- Nepsha, F. S., Bogatyreva, T. L.** Contemporary French argot: structural and functional changes. *Volgograd State University. Linguistics*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 172–178. (in Russ.) DOI 10.15688/jvolsu2.2016.3.19
- Nikolaenko, A.** Verlan as the variant youth slang on the example of the feature film “Harted”. *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 2010, no. 1, pp. 192–195. (in Russ.)
- Nuzhnaya, E. A.** Definition of essence of concept “French youth language”. *Philology. Theory & Practice*, 2014, no. 4-2 (34), pp. 149–151. (in Russ.)
- Ovchinnikova, O. A.** Argot of the French metropolitan cities of the end of the XX century: ways and means of replenishing lexical repertoire of the urban dweller. *Philology Theory & Practice*, 2017, no. 12-1 (78), pp. 131–134. (in Russ.)
- Perea, F.** Les gros mots, paradoxes entre subversion et intégration. *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*, 2011, no. 1, pp. 53–60. DOI 10.3917/lett.083.0053
- Perestoronina, I. L., Umrilova, A. D.** Argotic lexis in youth language (case of French feature films). *Vestnik of Tver State Technical University. Series «Social Sciences and Humanities»*, 2018, no. 3, pp. 84–91. (in Russ.)
- Prenko, L. I.** Functioning of youth slang in modern French (French songs). *Herald of Dagestan State University Series 2. The Humanities*, 2016, vol. 31, no. 4, pp. 65–75. (in Russ.)
- Pylakina, V. V.** Verlan in modern French. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2017, no. 4 (772), pp. 88–93. (in Russ.)
- Shigarevskaya N. A.** Essays on the syntax of modern colloquial French speech. Leningrad, Zhdanov Leningrad State University, 1970, 215 pp. (in Russ.)
- Sidorov, A. A.** Youth communication forms and their influence on modern French language. *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2011, no. 1 (13), pp. 209–213. (in Russ.)

Информация об авторе

Ткачева Анна Николаевна, кандидат филол. наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the Author

Anna N. Tkacheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint-Petersbourg State Institute of Film and Television (Saint-Petersbourg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.03.2022;

одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 20.10.2022

The article was submitted 21.03.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 20.10.2022

Научная статья

УДК 81.373

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-46-53

Глаголы информационной семантики и их классификация

Рамиля Фанисовна Мустафина¹, Земфира Зуфаровна Кабирова²

Лилия Равилевна Шакурова³

Елабужский институт Казанского федерального университета
Елабуга, Россия

¹RFMustafina@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0376-3412>

²ZZMinekhanova@kpfu.ru

³LilRShakurova@kpfu.ru

Аннотация

В статье предлагается классификация обширной группы английских глаголов говорения и передачи информации с учетом результатов и методологии исследований, проведенных в России по различным типам глаголов. Глаголы информационной семантики в составе глаголов говорения предлагается разделить на глаголы информирования и глаголы запроса информации. Сфера функционирования глаголов информационной семантики представлена ситуациями передачи, запроса, обмена информацией и самоинформирования. Методология базируется на инструментах компонентного анализа семантической структуры слова. Выявляются составляющие семантические компоненты слова: архисемы, дифференцирующие и потенциальные семы. Было рассмотрено в общей сложности 244 глагола. В результате глаголы с архисемой «передача информации» были разделены на семь групп: «обучение / подготовка», «официальная обстановка + большое количество людей», «негативная / секретная информация», «объяснение, разъяснение», «основная информация», «достоверная / недостоверная информация», «дополнительная информация». Глаголы с архисемой «запрос информации» образовали пять групп: «официальный запрос», «большое количество вопросов», «поиск информации», «получение информации», «изучение информации».

Ключевые слова

глаголы говорения, передача информации, запрос информации, семантика, компонентный анализ, сема, группа глаголов

Для цитирования

Мустафина Р. Ф., Кабирова З. З., Шакурова Л. Р. Глаголы информационной семантики и их классификация // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 46–53. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-46-53

© Мустафина Р. Ф., Кабирова З. З., Шакурова Л. Р., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

Verbs of Information Transmission and Their Classification

Ramilya F. Mustafina¹, Zemfira Z. Khabirova², Liliya R. Shakurova³

Elabuga branch of Kazan Federal University, Elabuga, Russia
Elabuga, Russia

¹RFMustafina@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0376-3412>

²ZZMinekhanova@kpfu.ru

³LilRShakurova@kpfu.ru

Abstract

Based on the review of the research by Russian scholars on different types of verbs, the article looks at the English verbs of speaking and those of transmitting information. Information transmission verbs as a part of verbs of speaking may be divided into verbs of informing and verbs of requesting information. The componential analysis employed in these verbs analysis helped distinguish a number of differentiating semes in their definitions. As a result, verbs of informing were divided into seven groups: “training / preparation”, “official setting + a large number of people”, “negative / secret information”, “explanation, clarification”, “basic information”, “true / false information”, “additional information”. Verbs of requesting information include five groups: “official request”, “a large number of questions”, “information search”, “receiving information”, “study of information”.

Key words

verbs of speaking, transmission of information, request for information, self-information, componential analysis, seme

For citation

Mustafina R. F., Khabirova Z. Z., Shakurova L. R. Verbs of Information Transmission and Their Classification. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 46–53. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-46-53

Введение

Передача информации происходит посредством языка от источника (отправителя) к получателю. Процесс передачи можно представить следующим образом: 1) воспроизведение хранящейся в памяти информации (звуки, слова, жесты), т. е. облекание мыслей в материальную оболочку; 2) представление наиболее подходящим в той или иной ситуации способом; 3) воздействие на получателя; 4) обработка информации получателем. А. В. Логинов [2015] делит речевое действие на четыре этапа: подготовка высказывания, внутренняя структура речи, вербализация речи и декодирование речи собеседником, т. е. подготовка, репетиция, воспроизведение и восприятие результата.

По мнению многих исследователей, глагол, в силу своей многовалентности, составляет центральную часть синтаксической конструкции. Поэтому существует множество работ, посвященных глаголу и его различным видам. Исследовались, например, глаголы движения (Т. А. Майсак, А. М. Мурыгина, Н. Харшиладзе, В. А. Круглякова), мотивационные глаголы (В. В. Кузьмина), глаголы воображения (И. А. Шерсткова), фразовые глаголы (Ю. В. Столянков, Н. В. Андевич, С. Ю. Тарабрина), глаголы созидания (Л. В. Архипова), глаголы обучения (Я. В. Швайко), глаголы восприятия (С. А. Моисеева), ментальные глаголы (Т. А. Кадоло), глаголы уничтожения (С. Е. Кузьмина), экспериенциальные глаголы (Е. Г. Корнеева), глаголы изменения (А. Г. Рыжкова), глаголы видения (Н. В. Волкова), глаголы положительной оценки (Р. З. Байбурина), глаголы мнения (Е. В. Ильчук), глаголы понимания (Л. А. Ветюгова, В. И. Стаценко), глаголы межличностных отношений (Т. П. Акимова), глаголы поведения (А. М. Айдарова, Л. И. Гришаева), глаголы мышления (П. В. Морослин) и другие.

Общий класс английских глаголов говорения / речи / речевой деятельности / общения / коммуникации, в который и входят глаголы информационной семантики, тоже хорошо изучен учеными с разных точек зрения (Е. А. Мельникова, Н. В. Елисеева, С. Ю. Богданова, Ю. В. Вронская, Ф. Р. Имамутдинова, Н. В. Золотарева, И. О. Косова, Л. Ю. Стойкович, Е. Б. Цыганова, Л. М. Михайлова, Е. А. Калинина, Г. А. Паршутин). Е. А. Мельникова [1992]

исследует синтаксические конструкции с глаголами речи английского языка. Н. В. Елисеева [1996] применяет когнитивный подход к изучению семантики и функционирования английских глаголов речи. С. Ю. Богданова [1997] исследует фразовые глаголы речи и семантику их конструкций. Ю. В. Вронская [1998] проводит исследование когнитивно-прагматических особенностей высказываний с глаголами речи в английском языке в сопоставлении с русским языком. Ф. Р. Имамутдинова [1999] рассматривает функционально-когнитивный потенциал глаголов *говорить/сказать* в русском и *to tell/to say* в английском языках, в котором основными компонентами являются информативность, коннотация и интенциональность. И. О. Косова [2001] исследует информативно-насыщенные глаголы английского языка в коммуникативном аспекте. Л. Ю. Стойкович [2007] в своем исследовании проводит когнитивный анализ английских глаголов речепроизводства, выделяя различные фреймы (*говорение, произнесение, информирование, спрашивание, объяснение* и др.). Е. Б. Цыганова [2008] проводит сопоставительный анализ метафорических глаголов речи в русском и английском языках. Объектом исследования Л. М. Михайловой [2009] стали английские глаголы и глагольные сочетания со значением говорения с когнитивной точки зрения. И. В. Иванова-Мицевич [2009] исследует семантико-синтаксические особенности предложения с глаголами вербального информирования в английском языке. Она также приводит типологию ситуаций вербального информирования, выделяя ситуации предоставления (*рассказывать*), запроса (*спрашивать*), обмена информации (*обсуждать*) и самоинформирования (*читать*). В. А. Шарипова [2013] проводит сравнительный анализ русских и английских глаголов говорения в значении передачи информации. Е. А. Калинина [2015] в своем исследовании проводит оценку речевых действий человека, в том числе рассматривая глаголы говорения согласно критериям правильности, многословности, понятности, информативности, громкости, правдивости.

Глаголы информационной семантики в немецком языке хорошо изучены Л. П. Устиновой [2013], которая рассматривает их функционирование в основных регистрах общения (формальный, возвышенный, нейтральный, непринужденный, фамильярный). В своем исследовании она проводит комплексный анализ глаголов передачи и запроса информации в немецком и русском языках в сопоставительном аспекте. В ходе исследования были выявлены глаголы нисходящего и восходящего вектора общения в формальном регистре. Также были выделены глаголы содержания информации (степень достоверности, доступности, полноты). В возвышенном регистре рассматривались глаголы совета, клятвы, этикета, торжественности, религии и оценки. Для нейтрального регистра характерны глаголы передачи полной или частичной информации, достоверной, тайной информации, обещания и другие. В непринужденном регистре используются глаголы разглашения информации, полной или частичной передачи информации и другие. В фамильярном регистре общения также были найдены глаголы содержания информации и глаголы отношения к говорящему и предмету общения. Такой же анализ был проведен с глаголами запроса информации.

Данная работа представляет собой попытку функционально-лексикологической классификации глаголов информационной семантики английского языка на основе компонентного анализа.

Метод

Глаголы информационной семантики можно разделить на глаголы информирования и запроса информации. Для создания данной классификации использовался компонентный анализ семантической структуры слова, методика анализа которой доказала свою актуальность во многих работах (И. А. Стернин и М. С. Саломатина, И. А. Стадульская, И. А. Костина, Е. С. Дроздова, З. Г. Сидешова, А. О. Кагилева). Компонентный анализ значения слова представляет собой выявление составляющих значимых сем¹ слова, при этом выделяются архи-

¹ Сема (от греч. Σῆμα 'знак') – минимальная, предельная единица плана содержания.

семы, дифференцирующие и потенциальные семы [Лингвистический энциклопедический словарь]. Семы – это элементарные отражения в языке различных сторон и свойств обозначаемых предметов и явлений действительности. Они реализуются как компонент семемы – элементарного значения слова (лексико-семантического варианта слова). В отличие от семы семема – единица плана содержания более высокого уровня: будучи социально обусловленной, она выступает как содержательная сторона языковой единицы на коммуникативном уровне. Центральной и иерархически главной в структуре семемы является архисема – родовая интегрирующая сема, свойственная всем единицам определенного класса и отражающая их общие категориальные свойства и признаки [Там же].

Архисемы или основные семы являются общепризнанными и составляют основу слова, тогда как вспомогательные (то есть дифференцирующие и потенциальные) семы вытекают из основных и лишь уточняют значение, предполагая наличие специфического контекста употребления единицы. Так, в глаголе *to speak* архисема «произносить слова», дифференцирующая сема «способ действия» – вербальный; дифференцирующая сема «цель действия» – информирование.

В ходе компонентного анализа также изучаются связи между компонентами и их иерархичность, что позволяет дать полную характеристику семантики слова.

Кроме того, компонентный анализ можно провести и по словарным дефинициям той или иной языковой единицы. Так, в дефиниции глагола *speak* – “to say words, to use the voice, or to have a conversation with someone” (Cambridge Dictionary) или “say something in order to convey information or to express a feeling” (Oxford Dictionary) – можно выделить по меньшей мере три значимые семы: «произносить слова» (вербальное действие), «говорить с кем-либо» (в общем смысле) и «передавать информацию» (конкретная цель общения). Подобный анализ называют парадигматическим, так как он исследует слово вне его контекста, без связи с другими единицами речевого контекста. Он дает лишь общее описание значения, так как любая словарная дефиниция не может отражать все возможные варианты значения, приобретаемые в коммуникативных ситуациях.

Результаты

В качестве ядерного глагола в исследуемом лексико-семантическом поле (ЛСП) мы выделяем наиболее нейтральный глагол *inform* с лексико-семантическим вариантом *impart knowledge or some fact, state of affairs, or event to* (WordNet).

Основную группу в нашей классификации формируют глаголы с архисемой «передача информации» в общем смысле: *tell, say, speak, talk, communicate, chat, impart, apprise, answer, reply, respond, transmit, transfer, flash, recount, relate, record, transcribe, present, share, render, translate, relay*. Затем по признаку «цель информирования / говорения» выделяется несколько глагольных подгрупп.

В первую подгруппу вошли глаголы со значением «передача информации с целью обучения, подготовки»: *educate, teach, direct, guide, prepare, warn, introduce, lecture, instruct, rehearse, inculcate, convince, persuade, spin, discuss, dispute, formulate*. Следующая подгруппа имеет основное значение «информирование в официальной обстановке»: *notify, advise, announce, alert, declare, provide, (re)consider*. Сюда же можно отнести «информирование большого количества людей», так как официальная обстановка чаще всего предполагает некоторое количество людей: *spread, disseminate, circulate, promulgate, proclaim, broadcast, advertise, publicize, release, report, propagate*. В данном списке перечислены глаголы устной сферы общения, но они также могут употребляться и в письменной форме. Еще одна подгруппа объединяет в себе глаголы со значением «передача негативной информации», в том числе и секретной: *denounce, misinform, misreport, complain, bewail, expostulate, groan, grouch, grouse, grumble, kvetch, nag, criticize, condemn, beef, inculcate, betray, plead, reveal, threaten, disclose, divulge, sneak, snitch, retract*,

expose, squeal, transpire, allege, leak. В следующую большую подгруппу собраны глаголы с семой «объяснять, уточнять информацию»: explain, mean, update, unfold, delineate, paraphrase, interpret, highlight, stress, clarify, specify, simplify, elucidate, illuminate, perceive, convey, pinpoint, detail, specify, itemize, particularize, define, state, enunciate, brief, describe, portray, depict, paint, characterize, justify, expound, demystify, explicate, retail. К пятой подгруппе принадлежат глаголы «передача основной информации»: summarize, outline, mention, remind, chronicle, enumerate, list, narrate, catalogue. Другая подгруппа содержит глаголы с дифференцирующей семой «достоверность / недостоверность информации»: confirm, confess, admit, avow, assure, assert, affirm, aver, claim, plead, acknowledge, concede, verify, attest, dispel, maintain, contend, predicate, certify, vouch, testify, lie, deceive, deny, debunk, misinform, mislead, misreport, concoct, bluff, controvert, misrepresent, beguile, malign, fib, equivocate, fudge, invent, perjure, snow, profess, trick, fox, fabricate, prevaricate. Последняя подгруппа отличается значением передачи дополнительной информации, в том числе посредством намеков: comment, hint, insinuate, suggest, offer, propose, prompt, annotate, add, append, imply. В общей сложности было проанализировано 189 глаголов.

В общем виде наша классификация выглядит следующим образом. Архисема «передача информации»:

1. Дифференцирующая сема «обучение, подготовка».
2. Дифференцирующая сема «официальная обстановка + большое количество людей».
3. Дифференцирующая сема «негативная/секретная информация».
4. Дифференцирующая сема «объяснение, уточнение».
5. Дифференцирующая сема «основная информация».
6. Дифференцирующая сема «достоверность/недостоверность информации».
7. Дифференцирующая сема «дополнительная информация».

Как известно, при недостатке содержащейся информации возникает необходимость дополнительного поиска сведений в других источниках либо запроса информации в устном общении. Такой запрос отличается непосредственным обращением к обладателю информации, при этом связь может быть осуществлена как письменно, так и устно. В связи с этим были отобраны глаголы запроса информации как в устной, так и в письменной сфере общения. Запрос оформляется, как правило, вопросительными предложениями, которые изучены довольно широко в различных аспектах: структура (Н. Н. Самсонова, А. П. Долгова), семантика (Е. Б. Степанова, А. А. Старченко), стиль (Н. К. Рябцева, Х. Г. Косогорова), коммуникативная функция (Л. Ф. Бердник, Л. Б. Балашова).

Среди глаголов запроса информации основным является глагол ask с лексико-семантическим вариантом to speak or write to someone in order to get an answer, information, or a solution (WordNet). К основной группе относятся глаголы с общим значением «запрос информации»: enquire, solicit, interest, learn, wonder, puzzle, interview. Далее рассмотрим выделенные подгруппы. К подгруппе «официальный запрос» принадлежат глаголы: pose, request, apply, appeal, question. Подгруппа «задавать большое количество вопросов» содержит: interrogate, grill, quiz, examine, cross-question, cross-examine. Подгруппа «поиск информации» включает в себя: scan, skim, sift, dig, search, probe, pump, survey, seek, poll, pry, browse, canvass. К отдельной подгруппе относятся глаголы с семой «получение информации»: suss, trace, determine, ascertain, elicit, spy, doorstep, debrief, consult. К данной подгруппе отнесены глаголы со значением «получение информации как прямым путем, так и скрытым». Следующая подгруппа объединяет глаголы с семой «изучение информации» с уточняющими семами «тщательно» и «поверхностно»: investigate, research, examine, explore, scrutinize, inspect, analyse, review, vet, monitor, peruse, study, delve, check, query. В данной классификации 55 глаголов.

Данную классификацию можно представить следующим образом. Архисема «запрос информации»:

1. Дифференцирующая сема «официальный запрос».
2. Дифференцирующая сема «большое количество вопросов».

3. Дифференцирующая сема «поиск информации».
4. Дифференцирующая сема «получение информации».
5. Дифференцирующая сема «изучение информации».

Выводы

Таким образом, подразделение глаголов информационной семантики на глаголы информирования и запроса информации можно считать оправданным. Компонентный анализ позволил создать отдельные классификации по каждой группе глаголов. В результате семантические взаимосвязи 244 глаголов приобрели гораздо большую эксплицитность. В дальнейшем представляется возможным расширить и диверсифицировать данную классификацию глаголов, разграничивая их прямые и переносные значения. Ввиду огромного объема материала требуется также уточнять их признаки на основе дефиниций и контекстуальных значений.

Список литературы

- Богданова С. Ю.** Индексальные конструкции с фразовыми глаголами речи в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Иркутский гос. диагностич. ун-т. Иркутск, 1997. 15 с.
- Вронская Ю. В.** Когнитивно-прагматические особенности высказываний с глаголами речи в современном английском языке. В сопоставлении с современным русским языком: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Урал. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. 18 с.
- Елисеева Н. В.** Когнитивные аспекты семантики и функционирования английских глаголов речевой коммуникации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1996. 25 с.
- Иванова-Мицевич И. В.** Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Воронеж, 2009. 23 с.
- Имамутдинова Ф. Р.** Функционально-когнитивный потенциал глаголов речи в русском и английском языках: На материале ядерных компонентов сферы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 1999. 20 с.
- Калинина Е. А.** Оценка речевых действий человека в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2015. 23 с.
- Косова И. О.** Информативно-насыщенные глаголы английского языка в коммуникативном аспекте: На материале текстов англо-американских масс-медиа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2001. 17 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 16.01.2022).
- Логинов А. В.** Категория интеррогативности в современном русском языке: Автореф. дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Тамбов, 2015. 39 с.
- Мельникова Е. А.** Синтаксические конструкции с глаголами речи в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 1992. 21 с.
- Михайловой Л. М.** Глагольные способы репрезентации концепта «ГОВОРЕНИЕ» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
- Стойкович Л. Ю.** Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства: лингвокогнитивный подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2007. 23 с.
- Устинова Л. П.** Глаголы информационной семантики в основных регистрах общения: на материале немецкого и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2013. 19 с.

Цыганова Е. Б. Метафорическая номинация речевой деятельности: на материале глаголов русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 19 с.

Шарипова В. А. Объективация в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность»: на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2013. 22 с.

References

- Bogdanova, S. Yu.** Index Constructions with Phrasal Verbs of Speech in Modern English. Irkutsk. Cand. of Sc. Thesis. 1997. (in Russ.)
- Eliseeva, N. V.** Cognitive Aspects of Semantics and Functioning of English Verbs of Communication. Moscow. Cand. of Sc. Thesis. 1996. (in Russ.)
- Imamutdinova, F. R.** Functional and Cognitive Potential of Speech Verbs in Russian and English: On the Material of Nuclear Components of the Sphere. Ufa. Cand. of Sc. Thesis. 1999. (in Russ.)
- Ivanova-Mitsevich, I. V.** Denotative Field of Verbal Informing and Features of its Reflection in the English Sentence. Voronezh. Cand. of Sc. Thesis. 2009. (in Russ.)
- Kalinina, E. A.** Assessment of Human Speech in Modern English. Tambov. Cand. of Sc. Thesis. 2015. (in Russ.)
- Kosova, I. O.** Informatively-rich English Verbs of Communication. Volgograd. Cand. of Sc. Thesis. 2001. (in Russ.)
- Linguistic Encyclopedic Dictionary [Online]. <https://rus-lingvist-dict.slovaronline.com> (accessed on: 16.01.2022).
- Loginov, A. V.** The Category of Interrogativity in Modern Russian. Tambov. Dr of Sci. 2015 (in Russ.)
- Melnikova, E. A.** Syntactic Constructions with Verbs of Speech in Modern English. Saint-Petersburg. Cand. of Sc. Thesis. 1992. (in Russ.)
- Mikhaylova, L. M.** Verbal Ways of Representing the Concept of "SPEAKING" in Modern English. Rostov-na-Donu. Cand. of Sc. Thesis. 2009. (in Russ.)
- Sharipova, V. A.** Objectification in the Language of the Functional-cognitive Field "Speech Activity". Kazan. Cand. of Sc. Thesis. 2013. (in Russ.)
- Stoykovich, L. Yu.** Lexico-semantic Field of English Verbs of Speech: Linguacognitive Approach. Samara. Cand. of Sc. Thesis. 2007. (in Russ.)
- Tsyganova, E. B.** Metaphorical Nomination of Speech Activity. Kazan. 2008 (in Russ.)
- Vronskaya, Yu. V.** Cognitive and Pragmatic Features of Statements with Verbs of Speech in Modern English. Ekaterinburg. Cand. of Sc. Thesis. 1998. (in Russ.)
- Ustinova, L. P.** Verbs of Information in the Main Discourses: German and Russian Languages. Kazan. Cand. of Sc. Thesis. 2013. (in Russ.)

Информация об авторах

Мустафина Рамиля Фанисовна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт Казанского Федерального Университета. Республика Татарстан, Россия

Кабилова Земфира Зуфаровна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт Казанского Федерального Университета. Республика Татарстан, Россия.

Шакурова Лилия Равилевна, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Елабужский институт Казанского Федерального Университета. Республика Татарстан, Россия

Information about the Authors

Ramilya F. Mustafina, teaching assistant, Elabuga Institute of Kazan Federal University, Tatarstan Republic

Zemfira Z. Khabirova, teaching assistant of school of English philology and international communication, Elabuga Institute of Kazan Federal University, Tatarstan Republic

Liliya R. Shakurova, teaching assistant of school of English philology and international communication, Elabuga Institute of Kazan Federal University, Tatarstan Republic

Статья поступила в редакцию 07.03.2022;

одобрена после повторного рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 01.11.2022

The article was submitted 07.03.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 01.11.2022

Научная статья

УДК 811.512.157'22:398.831(=512.157)
DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-54-67

Колыбельные песни и алгыс в семиосфере культуры саха: лингвистический аспект

Ангелина Афанасьевна Кузьмина

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)
Якутск, Россия

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Аннотация

В статье анализируются язык и культурный код колыбельных песен и родильных заклинаний (алгыс), которые принадлежат к древнейшему пласту якутского фольклора. Адресатами являются богини – покровительницы родов Айысыт и богини-охранительницы Ийэйхсит. Осмысление языка культурных текстов приводит к нахождению прототипических концептуальных смыслов в сознании древних саха. Новизна исследования заключается в выявлении знаковой природы колыбельных песен и заклинаний, которые до настоящего времени не вызывали интереса со стороны якутских языковедов. Цель работы заключается в анализе семиотических знаков и символов колыбельных песен и родильных заклинаний в семиосфере культуры народа саха. Статья основана на архивных материалах и изданных фольклорных текстах. Архаичные тексты наделены магическими функциями: продуцирующей и апотропоической. В обрядовых песнях, особенно в обрядах перехода, совмещены и сосуществуют акциональный и звуковой коды (стон, звуковые повторы, манера пения в стиле дыиэрэтии или дэгэрэн). Звуковое поведение в доме роженицы во время и после родов строго регламентировано. Особую сакральность имеют иносказательные сообщения о приближении родов, которые выражены временным кодом. Представлен синтагматический ряд благоприятных знаков: к числовой характеристике присоединены цветовая и пространственная, которые моделируют тему творения Вселенной и Человека. Тема творения дается через технологический код изготовления колыбели. Наблюдается амбивалентность архаического представления, порожденная антропоической функцией: время/рождение, свое/чужое, верх/низ, смерть/жизнь.

Символом ребенка традиционно выступают яйцо и птичка; по гендерным признакам: у мальчика – нож, а у девочки – ножницы. Пожелания счастливой судьбы ребенку отображены концептом холода, что указывает на факт отрицательного отношения саха, пришедших с юга, к северному арктическому климату. Звуковой песенный код выражается набором культурных кодов: акциональным, который определяется как совокупность ритуально-обрядовых действий для привлечения внимания богини – покровительницы родов; временным, соответствующим трехмерному измерению Вселенной; пространственным, представленным восьмичленной горизонтальной и девятирусной вертикальной моделью. Знаковые системы народной культуры, функционирующие в колыбельных песнях и заклинаниях, неотделимы от их прагматики. Эти свернутые «сообщения», обладающие определенной целью, представляют архетипные воззрения древних саха, которые расшифровываются в результате семиотического и лингвистического исследования.

Ключевые слова

заклинания, колыбельные песни, народ саха, лингвокультура, концепт, символы, языковая картина мира, архетип, традиционное мировоззрение, якутский язык

Для цитирования

Кузьмина А. А. Колыбельные песни и алгыс в семиосфере культуры саха: лингвистический аспект // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 54–67. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-54-67

© Кузьмина А. А., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

Lullabies and Algys in the Semiosphere of the Sakha Culture: Linguistic Aspect

Angelina A. Kuzmina

National Library of the Republic Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Abstract

The article analyzes the language and cultural code of lullaby songs and maternity incantations (algyss) which belong to the oldest layer of the Yakut folklore. The addressees are the patron goddesses of clans Aysyt and the guardian goddesses Ieyekhsit. Understanding of the cultural text language leads to the finding of prototypical conceptual meanings in the consciousness of the ancient Sakha. The novelty of the research lies in the identification of the sign nature of lullabies and incantations, which until now have not been the subject of interest for the Yakut linguists. The aim of the paper is to analyze the semiotic signs and symbols of lullaby songs and maternity spells in semiosphere of the Sakha culture. The article is based on archival materials and published folklore texts. Archaic texts are endowed with magical functions: procreative and apotropaic. In the ritual songs, especially in the rites of transition, both the action code and the sound code (moaning, sound repetitions, the manner of singing: diyeretiya or daegeretiyan) are combined and coexist. Sound behavior in the house of a woman in labor during and after the delivery is strictly regulated. Special sacredness is expressed by allegorical messages about the approach of childbirth, which are expressed by the time code. A syntagmatic series of auspicious signs is presented: the numerical characteristic is joined by color and spatial ones, which model the theme of creation of the Universe and Man. The theme of creation is presented through the technological code of making the cradle. The ambivalence of archaic representation generated by the anthropic functions time/birth, our own/foreign, up/down, and death/life is observed. The symbol of the child is traditionally an egg and a bird, as for gender terms, the symbol of a boy is a knife, the symbol of a girl is a scissor. Wishes for the child's good fortune are displayed by the concept of cold, which preserves the fact of the negative attitude of the Sakha people from the south to the northern Arctic climate. The sound song code is expressed by a set of cultural codes: the action code, which is defined as a set of ritual and ceremonial actions to achieve the hearing of the patron goddess of childbirth; the time code, corresponding to the three-dimensional universe; the spatial code, represented by the eight-member horizontal and nine-tier vertical model. Sign systems of folk culture functioning in lullabies and incantations are inseparable from their pragmatics. They are "folded messages" which eventually represent archetypal beliefs of ancient Sakha, which are deciphered as a result of semiotic and linguistic research.

Keywords

incantations, lullabies, Sakha people, linguoculture, concept, symbols, language picture of the world, archetype, traditional worldview, Yakut language

For citation

Kuzmina A. A. Lullabies and Algys in the Semiosphere of Sakha Culture: Linguistic Aspect. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 54–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-54-67

Введение

Колыбельные песни и родильные заклинания (алгысы) представляют архаические воззрения древних саха. Это уникальный музыкально-этнографический материал, куда входят песни, исполняемые до, во время и после родов, а также песни-предзнаменования. Целью данной статьи является анализ семиотических знаков и символов колыбельных песен и родильных заклинаний в семиосфере культуры народа саха. Основное внимание в работе уделено архивным материалам, выявлению архаичного корпуса языковых текстов. В связи с этим была проведена тщательная текстологическая работа. В статье используются структурно-семиотический и лексико-семантический методы и лингвокультурологический подход. Исследование вносит вклад в дальнейшую разработку методики анализа слова в этнолингвистическом и семиотическом аспекте, механизма взаимодействия языка и культуры.

Методологическая база исследования опирается на научные труды С. М. Толстой, Г. С. Виноградова, А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, О. И. Капица; И. А. Худякова, А. А. Саввина,

А. А. Попова, Г. У. Эргис, Г. М. Васильева, Э. Е. Алексеева, Е. Н. Романовой, А. С. Ларионовой, А. П. Решетниковой, С. Д. Мухоплевой, Л. С. Ефимовой и др.

Записей якутских импровизаций существует немного: так, «Оҕо төрүүр уонна иитиллэр ырыата» была записана Сойкконеным в Таттинском районе в 1927 году, «Төрүүр дьахтар ырыата» (песня в народе известна под названием: «Дьахтар тоһоҕотун ырыата», букв. 'Песня о женском коле') записана счетоводом колхоза имени Энгельса Тебикского наслега Усть-Алданского района В. А. Поповым в 1940 году; «Харлаампыт» записан Н. А. Апросимовым в 1945 году в с. Томпо со слов народного певца и мелодиста Л. Н. Турнина; «Биһик ырыата» записана М. В. Мордовской в 1945 году со слов Н. С. Семеновской из Чемайкинского наслега Амгинского района; «Биһик ырыата» записали Н. М. Бачинская и К. Г. Свитова в 1946 году со слов У. Г. Нохсорова; «Оҕо уйатын тутууга Айыыһыты албааһын» записана И. Г. Слепцовым в 1946 году со слов Г. С. Винокурова; «Ийэ алгыһа» записана П. Н. Поповым от Н. А. Абрамова-Кынат и т. д.

Как отметила С. М. Толстая, «совершенно особым объектом в ряду звуковых знаков оказывается голос человека наделяемый несравненно более широким спектром значений и магических функций, чем звуки вообще. Голос как природная функция человека служит приметой «этого», звучащего мира в противоположность «тому», потустороннему миру, лишенному звуков и голосов» [Толстая, 1999, с. 10]. По мнению И. Л. Егоровой, народную песню можно рассматривать как «многоуровневую систему символов и кодов, которая проявляется на трех уровнях: вербальном (поэтический текст), кинестетическом (мимика, жесты, позы) и музыкальном (музыкальный язык)». Музыкальный уровень включает всю совокупность специфических выразительных средств музыки, от интонации до композиционной структуры. В момент исполнения происходит передача заключенной в песне информации, закодированной мысли. При этом напев и текст являются равноправными структурно-смысловыми компонентами, которые связаны между собой законом «несинхронного воплощения идеи в музыкальном и поэтическом тексте» [Егорова, 2014, с. 31–37]. Песенные образы «своих» и «чужих» сакральных ритуальных адресатов, пишет Решетникова [2005, с. 66], носят знаковый характер, связанный с образностью воззренческих представлений, поэтому музыкальная система любого этноса стройна и логична. Об истории возникновения и развития образной знаковой системы музыки, звучащей в контексте ритуалов, с точки зрения онто-, фило- и культурогенеза отмечается, что «возникнув в процессе культурогенеза в качестве воображаемого орудия магического воздействия человека на реальность, песенные формулы эволюционировали. Семейные предки-охранители призывались, и очевидно, “отвечали” своими “личными” песнями. Родовые духи и божества “понимали” и “изъяснялись” ладомелодическими формулами родовых песен» [Решетникова, 2005, с. 66].

Необходимо отметить особенность момента в жизни женщины, когда пелись песни-обращения к Айысыт и Ийэхсит. Цель таких песен – привлечение внимания богини – покровительницы родов и богини-охранительницы. Звуковое поведение в доме роженицы во время и после родов строго контролируется. Запрещается ссориться, браниться, разговаривать громко, кричать. Колыбельная песня характеризуется тихим пением, стоном, придающим задумчивость, задушевность, и звуковыми повторами, характерными для сакральных текстов.

С. Д. Мухоплевой отмечено следующее: «В дородовой песне богиню просили прийти и помочь роженице. В послеродовой, которая исполнялась во время обряда проводов Айысыт, к богине обращались с просьбой хорошо воспитать данного ребенка и посетить их в будущем» [Мухоплева, 1993, с. 38].

Испрашивание ребенка у Айысыт (дородовые заклинания)

При высокой смертности среди детей и бездетности применялись различные обряды испрашивания души-*кут* ребенка. Исходя от того, каким образом был проведен такой обряд, родившиеся дети назывались так: *орук обото* 'ребенок, который родился из лиственницы с бо-

лезненным выгоном веток, после совершения обряда испрашивания души-кут', *хотой төрүт-тээх оҕо* 'происходившие от орла', *ойуун аҕалбыт оҕото* 'дитя, принесенное шаманом'. В дородовом заклинании шамана, записанном у вилюйских якутов А. А. Поповым, интерес вызывает символика длинных волос, сохранившаяся в следующем тексте: *саннын байаатыгар диэри кыһыл көмүс нyalбан баттахтаах, арыы саһыл астаах, кыһыл көмүс кырааска хааннаах, ... утүө дьоллоох уол оҕону түүлээх ытыспар таба нүөбүлээн кулу* – 'кинь, не ошибаясь, на мою шерстистую ладонь имеющего нежно-золотые волосы и светлую косу до середины плеч, имеющего цветущий румянец ... счастливого мальчика' [Попов, 2008, с. 76]. Этот символ рассматривается как одна из форм связи с иным миром: «У многих народов волосы являются универсальным, в котором заключено представление о жизни и душе... У якутов при большой смертности детей в семье соблюдался обычай оставлять на затылке у мальчика длинный пучок волос, за которой, по верованиям, его держала богиня-охранительница Иэйэхсит» [Там же]. В старину якутский род, который считал своим предком лебедя, должен был соблюдать запреты в отношении этой священной птицы. Невестки при виде лебедя покрывали волосы, а если не успевали, то прятались под копну. Не должны были показываться старшим братьям мужа и свекру без головного убора и без кафтана *таналай*. Также на свадьбе для жениха и невесты было обязательным прятанье своего лица и волос от родителей с обеих сторон специально сшитым *амнах* – покрывалом из шкур почитаемых животных (бобр, росомаха, лиса и др.). Очевидно, культурная семантика волос обладала особой жизненной силой, метафорой души человека.

Символами гендерных признаков выступают нож и ножницы. Древние саха считали, что при движении Млечного пути раскрывается верхний мир, и в это время было принято обращаться инсоказательно с просьбой дать души детей: *көмүс быһахта биэрээрийи, көмүс кыптыыйда биэрээрийи* ('надели нас золотым ножом (мальчиком), надели нас золотыми ножницами (девочкой)')» [Попов, 1949, с. 261]. Нож символизирует душу-кут мальчика, а ножницы – девочки.¹ Мы полагаем, что эти символы связаны с технологическим кодом.

Такие сакральные предметы также обладали антропоической² функцией: мать ребенка, когда впервые укладывала младенца в колыбель, клала ножницы, если это девочка, а если мальчик – нож (иногда лук со стрелой).

Песня во время родов

В обрядовых песнях, а особенно в обрядах перехода (инициации), совмещены и сосуществуют как акциональный код в форме наставления мужу (застелить пол зеленой травой, обтесать шест, за который роженица будет держаться во время родов и т. д.), так и звуковой код (стон, манера пения в стиле *дьиэрэтии* или *дэгэрэн*). Песню поет сама роженица:

*Хардан отун ханнаный?
Хаппахчыга киллэртэр,
Салаалардаах салбахтаах
Хатын тоһоҕон ханнаный?
Хаба тардаи аҕалтаа.*

[Якутские песни, 1977, с. 245].

¹ «Предполагалось, что лексема кыптыый 'ножницы' образована от глагола *kip*- 'резать' с помощью аффикса *-ti* [ЭСТЯ, 2000, с. 221–222]. Однако теперь в качестве корневой морфемы рассматривается глагол *kip*- 'сжимать'. В якутском языке он образуется иным способом: *kip*- 'сжимать' + аффикс понудительного залога *ti*- + наращение аффиксом образования имени *-j*. Вероятно, это можно объяснить агглютинативными рефлексам, которые получили активность в результате лингвистического взаимодействия с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, так как похожие наращенные наблюдаются и в заимствованных основах. Аффикс *-й* в тюркских языках придает значение уменьшительности» [Кузьмина, 2021, с. 106]. Образование лексемы *byhax* 'нож' происходило следующим образом: **bič-* / **bič-* 'резать': др.-тюрк. *bič-* (орх., др.-уйг.) 'резать' + *-ak* [Там же, с. 184].

² Имеется в виду, что эти предметы обладают защитной функцией.

В этой песне перечисляются все необходимые ритуальные атрибуты, используемые в родильном обряде: саламат, масло, сметана, суп из мяса полосатого двухлетнего бычка и пестрой двухлетней телки, сухое сено, березовый кол, участие женщин. Символика действий задана глаголами-просьбами, наставлениями, вопросами при обращении-величании мужа. Вопросно-ответные диалоги были характерной чертой ритуалов перехода. Это означает, что в начале пути рождения ребенка «стоит выбор мужчины, оставшийся отрезок пути и времени должна была пройти женщина» [Романова, 1999, с. 88–120]. В песне выражается особое уважительное отношение к повитухе: *Идьэн Иэйиэхсит энгээрдэхэр, Ийэ буолар эмээхсин эдьийбин* ‘быть сопутствованной Идьэн ехать вдогонку за старушкой-сестрой, которая станет мне матерью’. Особую сакральность отражают иносказательные сообщения о приближении родов, которая выражена акциональным и временным кодом: *экирэтэр кэмим буолла* ‘ехать вдогонку’, *тон күүс быстыгын ааспакка, тулатыгар чугаһыыр буоллум* ‘мне приблизиться пора настала не позже, чем через час’.

Здесь как бы происходит соревнование по времени двух миров: ускоренного верхнего мира и земного. Когда у роженицы начинаются схватки, ставят вариться горшок с мясом: «это делается для того, чтобы беременная разрешилась скорее, нежели сварится горшок» [Худяков, 1969, с. 183]. Такое варево называлось *сырсыы кюес* ‘горшок перебежки’: роженица состязается с варевом, пытается догнать Айысыт и чтобы ей сопутствовала Идьэн (Иэйэхсит). Иное время в трех мирах в якутской культуре согласно архаическим представлениям рассмотрено А. П. Решетниковой: «Мы полагаем, что относительно малые изменения зодиакастояния должны были резонансно породить представления о глобальном ином времени в Верхнем мире, с разницей продолжительности единиц земного и небесного времени» [Решетникова, 2005, с. 129].

Колья из березы для родов наделены сакральным значением: *хатын³ маста быһан киллэрэнгин, тоһобото саайа оххон кулу* ‘руби березовое дерево, и сделай из него быстрее кол’. Колья предварительно смазывали жиром, что символизировало кормление духов, затем держали над огнем. По представлениям древних саха, в березе обитала дух-хозяйка плодородия Аан Алахчын Хотун: «У тюркских народов Южной Сибири береза символизирует мировое дерево. В мифологическом плане, если дом осмысляется как модель Вселенной, то березовые колышки символизируют мировую ось, проходящую через прошлое, настоящее, будущее пространственно-временного континуума» [Слепцов, 1989, с. 110].

В этой песне представлен синтагматический ряд благоприятных знаков: к числовой характеристике присоединены цветовой и пространственные: *тобуус салаалаах локуора күүх отто* ‘девятиветвистую зеленую траву локуора’, *абыс таналайдаах саар ыабаастаах аранас арыгыттан* ‘из средней берестяной посуды в восьми узорах желтое масло’; *сырдык-ыраас түүлээх сылгы сүөһүн* ‘со светлой шерстью конный скот твой’, *хара сылгы тириитэ хаймылаах харалаах аас тэллэбин тэлгээнгин* ‘окаймленную из шкуры черной лошади чистую подстилку подстели’, *ханас диэки хаанын таһаарангын* ‘и на левой стороне выпустив кровь’. Семантика чисел 8 и 9 в якутской мифологии выражает «мужское» и «женское», девятка символизирует жизненную силу мальчика, восьмерка – девочки; в пространственной символике 8 обозначает горизонтальную плоскость, а 9 выступает маркером вертикальной оси. Белый цвет – цветовой код божеств саха, создателей мира и людей. Символика числа 9 в якутской традиции связана с сакральным, божественным началом. Коврик из конской шкуры являлся символом модели четырехсторонней земли: «На Ысыахе, четырехугольный коврик тэллэх был обязательным атрибутом, он ассоциировался с образом Земли и выступал ритуальным символом, моделирующим творение мира» [Романова, 1999, с. 50–60]. В общем композиция этих сакральных предметов и цветочисловая символика моделируют тему творения.

³ Модель образования неразложимой основы як. *хатын* ‘береза’ следующая: *kad-* ‘кора дерева’ + *-in* [ЭСТЯ, 1997, с. 214; СИГТЯ, 2001, с. 122].

Послеродовые песни и заклинания-алгысы

Через три дня после родов проводят обряд проводов Айысыт. Пришедшие на проводы богини наряженные женщины садятся на пол, образуя круг, смазывают лицо и хохочут, как будто от большого счастья. Смех обладает магической силой жизнеутверждения, и та, кто больше всех смеялась, одаривалась душой дитя. С. Е. Ноева связывает смеховые коллективные обряды с архаическим культом рождающей земли, изобилия⁴.

В романе Болот Боотур «Уһуктуу» («Пробуждение») рассказывается о том, как пожилые женщины предсказывали по пищевым предпочтениям беременной пол новорожденного. Если роженица хочет есть больше глины, костей, связок, угля, то считается, что родится мальчик. Заметим, что древние саха не говорят *төрөөбүт* 'родила', вместо этого слова использовалось слово *олорбут* 'села': «*Бу аата Айыыһыта ыксаластаба. Сотору олоруо, оболонуо бу-олаба...* *Сүрэхтэтэн туойу, көмөрү сизэбин, силгэни, унуоһу тиниктиэбин бабарарын билэн-нэр, эмээхситтэр – Уолланаары гыммыккын, хотуой, сиртэн-буортан силистээх эр бэрдин төрөтүөн», – дэһэллэрэ» [Боотур, 1975, с. 6–10].*

Далее описывается рождение мальчика. Любопытны сведения об использовании при проводах Айысыт маски из бересты в виде смеющегося лица, сделанной девушкой Даайыс. Из романа мы также узнаем, как отец ребенка Аба Миитэрэй с помощью Иничит Байабантай сделал колыбель и о том, что повитуха предсказывает, каким человеком станет младенец.

Перед проводами Айысыт послед завертывают в заячью шкуру, потом в траву и вешают на дерево недалеко от дома, куда повитуху должна проводить сама роженица; в некоторых же семьях его зарывали в землю в том месте, где происходили роды.⁵ Заклинание при выносе последа таково: «*Айбыт Айыыһыт хатын, иһин ирэн, таһын сылааран, күн диэкки көрөн күлэ мүчүйэн табыс! Айбыт Айыыһыппыт, нһирэйгин нһиккирэтэнгин, балчыргын барбардангын, оһобун уйалаах гына тэрийэн табыс! Түүнүн утуйума, күнүһүн өрөөмө, айбыт Айыыһыт хатын, күнүстэри-түүннэри эргийэ тур!*» [Худяков, 1969, с. 187].

Образ богини формируется мольбой, развивающей характерную для жителей Крайнего Севера концептуальную метафору холода, обогащенную эпитетами, описывающими серебряное украшение и спинную кость жеребенка: «*надень на руку твой серебряный наигольник, подобный спинной кости жеребенка, воспиатного богатым человеком; ласково взгляни / выходи с расставившею внутренностью / с разнеженной наружностью*».

В рукописных материалах И. С. Гурвича мы нашли также отрывок заклинания Айысыт, где образ богини создается при помощи описаний мехов рыси и соболя в ее одежде. Эти архетипические представления народа саха связаны с пластом верований древних таежно-тундровых охотников Восточной Сибири:

*Үүс илин тыһа – утүлүгэ,
Үүс кэлин тыһа – сутуруота,
Киис мэйиитин тириитэ – бэргэһэтэ
Тоһус тимэбин кэмчигилээн...*

[Рукописный фонд Национальной библиотеки № 2,
оп. 19, д. 57].

Архаичные по своему содержанию обряды, связанные с добычей лисицы, рыси, соболя, росомахи и горностая, были зафиксированы И. С. Гурвичем у оленекских саха. Последние

⁴ О функциях смеха в якутских фольклорных текстах см. подробнее в [Ноева (Карманова), 2022].

⁵ Схожий ритуал существовал и у других народов, которые «подвешивали пуповину к дереву, если родился мальчик, чтобы он стал хорошим охотником, и закапывали под ступой или у очага, если родилась девочка, – чтобы она была хорошей хозяйкой» [Фрэзер, 1980, с. 51–52].

принимали убитого зверя дома как почетного гостя. За «гостем» ухаживала обычно пожилая женщина: смазывала морду зверя жиром и клала в рот кусочек сала. После этого обращалась к зверьку с импровизированной песней [История Якутии, 2022, с. 322].⁶

Укладывание ребенка в колыбель происходило после отпадения пуповины. Ее помещали затем в мешочек из замши, называвшийся *атах хаата*, букв. ‘мешок ноги’. Когда ребенка укладывали в *биһик* ‘колыбель’⁷ в первый раз, требовалось выполнить ряд ритуалов. Их семантика означала придание новорожденному самостоятельного статуса, приобщения к своему роду. В ритуале гадания, например, бабушка-повитуха притворяется спящей и, положив голову на колыбель, предсказывает судьбу новорожденного «по сновидению».

Песня – предзнаменование будущего младенца записана И. А. Худяковым: «*Видел! Вижу во сне, будто иду по полю, вижу... И среди всех их заметил я важного видного старика, важную толстую старуху и спросил я у людей кто это такие. Тут сказали мне: «Неужели ты не знаешь людей, родоначальников народа, начале скотоводства? Это Н. Н. (тут рассказчик называет по имени ребенка). Услышав я это, обрадовался и от радости проснулся»* [Худяков, 1969, с. 188].

Особо сакральными функциями обладает заклинание Айысыт при освящении детской колыбели, которое исполнял белый шаман. Один из таких текстов заклинания, исполненного уроженцем Верхнеколымского наслега Среднеколымского района Г. С. Винокуровым, был записан в 1946 году И. Г. Слепцовым: «Сам исполнитель, хотя и не был шаманом, не раз слушал камлания шаманов и часто с ними беседовал. Как вспоминает исполнитель, шаман Ньапта в начале камлания призывал своих предков. Во время камлания Ньапта называл свою мать Кюнтяс мамой, а себя железным – шальным резвым шаманом. Себя он считал шаманом со светлой (доброй) дорогой. Значит, он только спасал людей, делал им добро». При исполнении шаман вначале указывает место, в которое камлает, затем закликает:

*Самалыктаах дьабылым аннынаабы
Абыс салаалаах
Аал-кудук тиит* ортотуттан
Аттарыллан-анньыллан үөскээбит
Аар манан уйабын
Айгыратар буолаарабын!*

[АЯНЦ, ф. 5, оп. 3, д. 786, л. 26–26 об.].

Здесь гнездо символизирует колыбель, маркируемую белым цветом и эпитетом *серебряная*. Важно отметить наличие в этом заклинании символа мирового дерева и восьмичленной горизонтальной и девятирусной вертикальной модели Вселенной, в центре которой находится эта колыбель. Архетип образа колыбели и значимость в развитии мифопоэтической мысли имеет тюркские корни: «У тюрков Южной Сибири присутствуют подобные мифологические образы – на *ветвях мирового дерева* висят *колыбели* будущих, еще не родившихся детей» [Традиционное мировоззрение, 1988, с. 32].

Особенностью таких сюжетов является образное расширение всех трех сфер рассматриваемого феномена, то есть его пространственного, персонажного и акционального планов. Акциональный код задан глаголами отрицательной формы повелительного наклонения: «не дай потускнеть! не дай потемнеть! не дай развалиться! не дай разрушиться!». Наблюдается амбивалентность архаического представления, порожденная антропоической функцией: время/рождение, свое/чужое, верх/низ, смерть/жизнь.

⁶ Рысья и соболя шкуры наделены схожей функцией в якутской сказке «Бэйбэрикээн эмээхсин»: они вывешены на восточной – «положительной» – дороге, тогда как на западной – «отрицательной» – висит медвежья шкура.

⁷ Лексема *биһик* ‘колыбель, люлька’ ~ тоф. *bečik* ‘детская колыбель’ [БТСЯЯ, 2005, с. 333]. У северных саха колыбель называли *оо балаана* ‘жилище ребенка’.

В песне «Оҕо төрүүр уонна иитиллэр ырыата» тема творения продолжается через технологический код изготовления колыбели:

*Үрүҥ ынабым үүтүн иһэрдэн
Өрбөбүркээн киһи оҥордум,
Кугас ынабым үүтүн иһэрдэн
Куонабыркаан киһи оҥордум*
[Якутские песни, 1977, с. 264].

Здесь символическую функцию носят повторяющиеся сочетания *молоком поила / человеком сделала*, которые выступают как основной концепт развития, так как молоко считалось священным, выступало символом изобилия и жизненной силы.

В песне «Ийэ баҕата» (записанной в 1934 году со слов А. Н. Жиркова, уроженца II Хому-стахского наслега Намского района) символами ребенка выступают яйцо и птичка: *ньээкэлээн ииппит толбонноох сымытым, ытыспар бүөбөйдээбит чырылыыр чыычаабым*⁸. Эти символы широко распространены и в мировом фольклоре. Фрэзер приводит целый ряд славянских, германских, скандинавских, кельтских и ирландских сказок, где душа отождествляется с яйцом [1980, с. 454]. Наряду с тем, что яйцо заключает в себе универсальный символ сотворения мира, возникновения жизни в первоначальной пустоте, отмечается, что оно является символом перерождения [Макарова, 2014, с. 134].

*Эдэр дьахтар сиэрин ситэрэннин
Ийэ дьахтар кэскилин силэннин
Олорор күннэр...
Төрөтөр оҕон
Үс хос бүтэй ньээкэ уйаланнын...*
[Национальный архив, фонд 607-р,
оп. № 1, дело № 20].

В этой песне ключевыми являются слова *эдэр дьахтар сиэрин ситэрэннин*, букв. ‘по обычаю молодой женщины’⁹. В песне в иносказательной форме выражается пожелание стать матерью, чтобы рожденная дочь имела трижды опоясанное гнездо. Сакральность гнезду придается числительным *три*, которое используется в качестве основных ритуально-мифологических единиц, что символизирует защиту, завершенность, наделение счастливой судьбой.

Песня «Ийэ алгыһа» начинается со слов *Дьуэ буо*, повторяющихся на каждом этапе, что является паравербальным средством, сопровождающим словесный текст песни. Адресатами выступают триада божеств: Ахтар Айыыһыт, Одун Хаан и Уордаах Дьөһөгөй. Одун Хаан предопределяет жребий, отвечает за предназначение судьбы человека. Э. К. Пекарским функция божества Дьесегей определена следующим образом: «небесный бог, посылающий любимым людям с неба конный скот», почему и считается *сылгы айыысыта* ‘создателем конного скота’; Уордаах Дьөһөгөй – «бог, покровительствующий тому или другому отдельному человеку», варианты его имени Уордаах Дьөһөгөй, Күрүө Дьөһөгөй и т. д. [Пекарский, 1958–1959, стб. 854].

⁸ Лексема *сымытым* ‘яйцо’ имеет следующую этимологию: **jumurtka* ‘яйцо’: др.-тюрк. *jumurtqa*, *jumurya* (др.-уйг.), карах. *jumurtqa*, тур. *jumurt*, долг. *himī*, тув. *čiurqa* и т. д. [EDAL, 2003, с. 1499]. Лексема *чыычаах* ‘птичка’ < эвенк. *чичакан* ‘воробей’.

⁹ Этимологию якутской лексемы *дьахтар* ‘женщина’ связываем с монгольским *давхр* ‘двойная’. Так, калмыки и буряты беременную женщину называют *давхр*, «поскольку она несет в себе две жизни» [Борджанова, 2007, с. 168–170].

Улаатан, унуобуран иһит!
 Дьиз-буо! **Анды кус сымыатын** курдук
 Арыллан, тэлэллэн тахсангын
 Аан ийэ дойдуга
 Алаһа дьизэлэнэн...
 Ахтар Айыыһыттан
 Ананан-минэнэн
Аҕа баһын тосту олороор...

[Национальный архив, фонд 607-р,
 оп. № 2, дело № 21].

Эта песня записана в 1940 году П. Н. Поповым со слов известного певца-олонхосута Н. А. Абрамова-Кынат. Символ яйца здесь тоже присутствует: «словно яйца утки турпана вылупляясь, развиваясь». В тексте также употреблен фразеологизм *аҕа баһын тосту олороор*, который означает ‘превзойти отца своими делами, затмить славу своего отца; заткнуть за пояс отца; букв. сломать своей жизнью голову отца’ [Нелунов, 1998, с. 90]. В основе идеи заклинания лежит пожелание преодоления пути с препятствиями, которое выражено словами *айдааннаах айан суолун айгыраччы аһангын, айылгылаах дьолу булангын*, букв. ‘широко открывая шумную дорогу, находя отменное счастье’, адресованными сыну. Все они являются признаками мужской культуры якутов в традиционном обществе, описывая «стратегию путевого поведения мужчины», радикально отличавшуюся от женской: «если женщина осваивала пространство, то мужчина его завоевывал/добывал. Мужское пространство выступало пространством новых, необжитых территорий вне границ дома» [История Якутии, 2022, с. 360].

В песне «Чырылык дьолугар» пожелания счастливой судьбы ребенку выражены с помощью понятия «холод», что указывает на живость исторической памяти саха, сохраняющей отрицательное отношение пришедших с юга предков к северному арктическому климату: «пусть покровы снежные растают», «пусть прошлогодний лед взломается», «пусть льдины могучие уйдут-исчезнут», «пусть пернатые птицы прилетают», «пусть покровы земные цветами-травками оденутся». В общекультурном плане «холод выступает, как многомерная экзистенциальная категория, концепт, метафора и образ-архетип, благодаря которым во многом формируются жизненные миры человеческих сообществ и отдельных людей».

Көмнөх хаар ууллун...
Кур муус көтөбүлүннун,
Аан муус аттаннын,
Көтөр-сүүрэр кэллин...

[Якутские песни, 1977, с. 268–270]

Следующий блок задан эпитетами, относящимися к изобразительному искусству. В материальной культуре якутов все орнаменты, наносимые на изделия, имели собственное сакральное значение. Образы и символы Вселенной, Земли, Мирового древа, плодородия видны даже в узорах на кумысной посуде: «... во многих [ее] элементах обнаруживаются связи с универсальными общечеловеческими представлениями, которые характеризуют чувственно-эстетическое восприятие человеком окружающего мира» [Петрова, 2020, с. 25].

Если сюжеты проанализированных выше типов дифференцировали и структурировали языковую картину мира саха, выражали оценочный взгляд на его составляющие, включали назидания и запреты, то многочисленные колыбельные песни представляли собой, скорее, поэтические миниатюры, описывающие природу и семейный быт: «колыбельные песни были приурочены к родильному обряду. Впоследствии они уже могли приобрести бытовую, утилитарную функцию» [Ларионова, 2000, с. 64–66].

Такова, например, песня «Биһик ырыата», которая отмечена музыковедами как «редкий образец лирической напевной колыбельной, гибкой по ритму и песенно выразительной» [Алексеев, 1976, с. 50–51]. Она является показательным примером «раскрывающегося лада, а в ее тексте и интонационных оборотах заметно органически претворенное эвенкийское песенное влияние» [там же].

Заключение

Таким образом, колыбельные песни и заклинания можно условно разделить на две большие группы: 1) те, которые транслируют архаичные сюжеты, дифференцирующие языковую картину мира народа саха, тесно связанные с обрядовыми действиями и приобщающие к традиционной культуре, что было особенно важно в период бесписьменной цивилизации; 2) современные поэтические миниатюры, описывающие природу, семейный быт, формирующие духовное сознание носителя культуры.

В обрядовых песнях, особенно в обрядах перехода, совмещены и сосуществуют два кода: акциональный (ритуальный) и звуковой (стон, звуковые повторы, манера пения в стиле дьи-эрэтии или дэгэрэн). Особая сакральность третьего – временного – кода заключается в том, что он иносказательно вербализует сообщения о приближении момента родов, появления ребенка на свет. Символом ребенка традиционно выступают яйцо и птичка, а в соответствии с гендерными признаками: мальчик – нож, девочка – ножницы. Пожелания счастливой судьбы ребенку выражены референцией к концепту холода, который сохраняет факт негативного отношения пришедших с юга саха к северному арктическому климату. В песнях закодирован синтагматический ряд благоприятных знаков: к числовой характеристике присоединяются цветовая и пространственная, которые моделируют тему творения Вселенной и Человека. Сама тема творения выражается через технологический код изготовления колыбели. При этом в оппозициях время/рождение, свое/чужое, верх/низ, смерть/жизнь наблюдается многогранность и системность архаического представления темы, порожденная антропоической функцией.

Звуковой песенный код выражается набором культурных кодов: акциональным, который мы определяем как совокупность ритуально-обрядовых действий для привлечения внимания богини – покровительницы родов; временным, соответствующим трехмерному измерению Вселенной; пространственным, представленным восьмичленной горизонтальной и девяти-русной вертикальной моделью.

Знаковые системы народной культуры, функционирующие в колыбельных песнях и заклинаниях, неотделимы от их прагматики. Эти свернутые «сообщения», переданные определенным отправителем определенному адресату/адресатам с определенной целью представляют собой архетипические образы мифопоэтического мышления древних саха, которые реконструируются и расшифровываются только в результате лингвокультурологического и этнографического исследования.

Список литературы

- Абрамов Н. А.** Заклинания матери (Ийэ алгыһа) // Национальный архив, фонд 607-р, оп. № 2, дело № 21.
- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1992. 242 с.
- Алексеев Э. Е.** Проблемы формирования лада (на материале якутских народных песен). М.: Музыка, 1976. 287 с.
- Борджанова Т. Г.** Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Гоголев И. М.** Черный стерх (Хара кыталык). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. 357 с.

- Егорова И. Л.** К вопросу о корреляции вербального и музыкального компонентов фольклорного текста // *Этномузыкология*. 2014. № 1. С. 31–37.
- Жирков А. Н.** Пожелание матери (Ийэ баҕата) // Национальный архив, фонд 607-р, оп. № 1, дело № 20.
- Закливание Айыысыт при освящении детской колыбели (Оҕо уйатын тутууга Айыыһыты алҕааһын) // АЯНЦ, ф. 5, оп. 3, д. 786, л. 26 об.
- История Якутии: в 3 т. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.
- Кузьмина А. А.** Лексика якутского языка: формирование одно- и двусложных основ имен существительных. Новосибирск: Наука, 2021. 244 с.
- Ларионова А. С.** Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов / Отв. ред. Г. Г. Алексеева. Новосибирск: Наука, 2000. 151 с.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1988. 225 с.
- Макарова И. С.** Мифопоэтические образы «яйцо», «птица», «змея» в мировой культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 133–136.
- Мухомлева С. Д.** Якутские народные обрядовые песни: (Система жанров) / Отв. ред. Х. Г. Корголы. Новосибирск: Наука. 1993. 110 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ. Т. 1: А–К. 1998. 286 с.
- Ноева С. Е.** Смех как инициация: функционирование элементов смеховой культуры в якутских фольклорных текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 139–150.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: в 3 т., 2-е изд. Л.: изд-во АН СССР, 1958–1959. 3858 стб.
- Петрова А. Г.** Традиционное и изобразительное искусство народов Якутии: конспект лекций. Якутск: АГИКИ, 2020. 58 с.
- Попов А. А.** Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа / Сост. Р.И. Бравина. Новосибирск: Наука, 2008. 464 с.
- Попов А. А.** Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. 1928. Т. XI. С. 255–323.
- Решетникова А. П.** Фонд сюжетных мотивов и музыка олонхо в этнографическом контексте. Якутск: Бичик, 2005. 406 с.
- Романова Е. Н.** Мифология и ритуал в якутской традиции: Дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1999. 388 с.
- Романова Е. Н., Добжанская О. Э.** Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–258.
- Рукописный фонд Национальной библиотеки № 2, оп. 19, д. 57
- Слепцов П. А.** Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начала XX в.). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1989. 157 с.
- Соловьев В. С.** Пробуждение (Уһуктуу). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1975. 374 с.
- Толстая С. М.** Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Под общ. ред. С. М. Толстой. М.: Индрик, 1999. 336 с.
- Фрэзер Дж.** Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. В 2 т. Т. 1: Гл. I–XXXIX / Пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2001. 528 с.
- Худяков И. А.** Краткое описание Верхоянского округа. Л.: изд-во «Наука», 1969. 437 с.

Якутские народные песни (Саха народнай ырыалара). Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. Ч. 2. 411 с.

Словари

- БТСЯЯ, 2005 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. II (Буква Б). Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.
- ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 388 с.
- ЭСТЯ, 2000 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ». М.: Индрик, 2000. 261 с.
- СИГТЯ, 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
- EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 с.

References

- Abramov, N. A.** Mother's Spells (Ije algyha). National Archives, 607-r Foundation, op., no. 2, case no. 21. (in Yakut)
- Ajyyhyt algyha Spell Aiyysyt. Manuscript collection of the National Library. No. 2, op. 19, d. 57. (in Yakut)
- Alekseev, E. E.** On formation of the musical harmony (based on the material of Yakut folk songs). Moscow, Music, 1976, 287 p. (in Russ.)
- Alekseev, N. A.** Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, Nauka, Sib. Branch, 1992, 242 p. (in Russ.)
- Borjanova, T. G.** Ritual poetry of the Kalmyks (system of genres, poetics). Elista: Kalmyk Publ. House., 2007, 592 p. (in Russ.)
- Egorova, I. L.** To the question of the correlation of the verbal and musical components of the folklore text. In: *Etnomuzykologija* [Ethnomusicology]. 2014, no. 1, p. 31–37. (in Russ.)
- Fraser, J.** The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. In 2 vols. Vol. 1: Ch. I–XXXIX. Transl. by M. Ryclin. M.: TEPPA, 2001, 528 p. (in Russ.)
- Gogolev, I. M.** Black wipe (Hara kytalyk). Yakutsk. Yakut Book Publ., 1977, 357 p. (in Yakut)
- History of Yakutia. Ed. by R. I. Bravina, E. N. Romanova, A. N. Alekseev. Novosibirsk: Science Publ., 2020, vol. I, 536 p. (in Russ.)
- Yakut folk songs (Saha narodnaj yryalara). Yakutsk, Yakutsk book publ., 1977, 411 p. (in Yakut)
- Khudyakov, I. A.** A Brief description of the Verkhoyansk area. Leningrad, Science Publ., 1969, 437 p. (in Russ.)
- Kuz'mina A. A.** Vocabulary of the Yakut language: formation of one- and two-syllable stems nouns. Novosibirsk, Science Publ., 2021, 244 p. (in Russ.)
- Larionova, A. S.** Song lyrics of the Yakuts. [Degeren area]. Ed. by G. G. Alekseev. Novosibirsk, Nauka, 2000, 151 p. (in Russ.)
- Makarova, I. S.** Mythopoetic images of “egg”, “bird”, “serpent” in world culture. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2014, no. 3 (33), pt. 2, pp. 133–136. (in Russ.)
- Mukhopleva, S. D.** Yakut folk ritual songs: system of genres. Ed. by H. G. Korogly. Novosibirsk, Science. 1993, 110 p. (in Russ.)
- Nelunov, A. G.** Yakut-Russian phraseological dictionary. Novosibirsk, RAS Siberian Branch Publ. Vol. 1, A–K. 1998, 286 p. (in Russ.)
- Noeva, S. E.** Laughter as Initiation: The Functioning of the Elements of Laughter Culture in Yakut Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 139–150. (in Russ.)

- Pekarsky, E. K.** Dictionary of the Yakut language in 3 vols, 2nd ed. Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1958–1959, 3858 stb. (in Russ.)
- Petrova, A. G.** Traditional and figurative arts of the peoples of Yakutia: lecture notes. Yakutsk, AGIKI, 2020, 58 p. (in Russ.)
- Popov, A. A.** Texts of Shamans' Rituals of the former Vilyui region (Yakutia). Comp. By R. I. Bravina. Novosibirsk, Nauka, 2008, 464 p. (in Russ.)
- Popov, A. A.** Materials on the Yakuts' religion history (based on the former Vilyui region). *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*, 1928. Vol. XI, pp. 255–323. (in Russ.)
- Reshetnikova, A. P.** Olonkho music plot motifs' variety in the ethnographic perspective. Yakutsk, Bichik, 2005, 406 p. (in Russ.)
- Romanova, E. N.** Mythology and ritual in the Yakut tradition: Dr Sc. in Hist. thesis. Moscow, 1999, 388 p. (in Russ.)
- Romanova, E. N., Dobzhanskaya, O. E.** Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of the indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Tomsk State University Bulletin. Cultural studies and art history*. 2019, no. 35, pp. 255–258. (in Russ.)
- Sleptsov, P. A.** Traditional family and rituals among the Yakuts (XIX—early XX century). Yakutsk, Yakut book publ., 1989, 157 p. (in Russ.)
- Soloviev, V. S.** Awakening (Uhuktuu). Yakutsk, Yakut Book Publ., 1975, 374 p. (in Yakut)
- Tolstaya, S. M.** Sounding and silent worlds: Sound and speech semiotics of in the traditional culture of the Slavs. Ed. by S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik Publ., 1999, 336 p. (in Russ.)
- Lvova, E. L., Oktyabrskaya, I. V., Sagalaev, A. M., Usmanova, M. S.** Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The world of things / Ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk: Science. Sib. Department, 1988, 225 p. (in Russ.)
- Aiyysyt' Spell for dedication of a baby's cradle (Оҕо ујатын тутууга Ајууһыты алҕааһын). AYANTS, f. 5, op. 3, d. 786, 26 rev. (in Yakut)
- Zhirkov, A. N.** Mother's wish (Ije bagata). National Archives, fund 607-r, op. no. 1, case no. 20. (in Yakut)

Dictionaries

- БТСЯЯ. A large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols. Vol. II (Letter B). Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p.
- ЭСТЯ. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic lexical stems beginning with K, Қ. Moscow: Languages of Russian culture, 1997. 388 p.
- ЭСТЯ. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems beginning with K. Moscow: Indrik Publ., 2000. 261 p.
- СИГТЯ. Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexika Publ., Moscow: Nauka, 2001. 821 p.
- EDAL — Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Comp. S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden, 2003. 1556 p.

Информация об авторе

Кузьмина Ангелина Афанасьевна, канд. филол. наук, Национальная библиотека РС(Я), старший научный сотрудник Научно-исследовательского института чтения, Россия

Information about the Author

Angelina A. Kuzmina, Sakha (Yakutia), PhD, senior researcher at the Research Institute of Reading, Russia

*Статья поступила в редакцию 11.06.2022;
одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 27.09.2022;
accepted for publication 27.10.2022*

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-68-76

The Leading Function Analysis of the Confucius Institute Linguistic Landscape in Teaching Standard Chinese to International Learners

Wenli Fu¹, Zhigang Liu²

Northwest Normal University
Lanzhou, China

¹wenli.fu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7649-0702>

²liuzhglzu@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-6478-6191>

Abstract

This paper is based on the Scollon & Scollon's place semiotics framework combined with the Kress & van Leeuwen's multimodal theory and Sockett and other scholars' informal learning theories. By means of qualitative and quantitative methods, the leading function of the Confucius Institute linguistic landscape in teaching Chinese to foreigners is analyzed. It is shown that the Confucius Institute linguistic landscape plays a leading role at the initial stage of the Chinese language acquisition. This role is based on the main function of the Confucius Institute and is manifested in three mechanisms: attracting attention, shaping an image, and stimulating further learning of Chinese. The results show that to be effective in international communication, mastering Chinese should not be limited to classroom teaching, but it should also focus on various language practices outside the classroom. The linguistic landscape of the Confucius Institute serves as a supplement to classroom teaching, and the visual space it provides is obviously different from that of Chinese textbooks and test papers which are mainly focused on text reading. In addition to keywords, linguistic landscapes also provide other symbolic means, such as multimodal visual media, image symbols, plate-like structures, and color patterns. This pioneering method of teaching can greatly enhance foreign students' cognition and understanding of the Chinese culture and their interest in learning Chinese. Linguistic landscape and Chinese classroom teaching complement each other in teaching Chinese internationally. To sum up, this research focuses on the leading function of the Confucius Institute linguistic landscape, attempting to explore its mechanism and role in the international spread of the Chinese language.

Keywords

International spread of Chinese, Chinese teaching as a foreign language, Confucius Institute, linguistic landscape, multimodality, leading role.

Funding

This research is funded by the General Project of Social Science Planning of Gansu Province "Survey and Research on Mutual Assistance Chinese Dialects in Qinghai from the Perspective of Language Contact" (Project approval number: 2022YB045) and major project of Humanities and Social Sciences of the Ministry of Education as part of the project "Research, Development and Application of Chinese International Communication Resources and Push Platform" (Project approval number: 16JJD740004).

For citation

Fu W., Liu Z. The Leading Function Analysis of Confucius Institute Linguistic Landscape in Teaching Standard Chinese to International Learners. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 68–76. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-68-76

© Fu W., Liu Z., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

Анализ основных функций языкового ландшафта Института Конфуция в обучении китайскому языку как иностранному

Вэньли Фу¹, Чжиган Лю²

Северо-Западный педагогический университет
Ланьчжоу, Китай

¹wenli.fu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7649-0702>

²liuzhglzu@163.com <https://orcid.org/0000-0002-6478-6191>

Аннотация

Основой для данной статьи послужили концепция семиотики места Р. Сколлона и С. В. Сколлон (R. Scollon & S. Wong Scollon), теория мультимодальности Кресса и ван Лёвена (Kress & Van Leeuwen), а также теории неформального обучения Дж. Сокетта (G. Sockett) и других ученых. Сочетая качественный и количественный методы, авторы статьи анализируют роль языкового ландшафта Института Конфуция в обучении китайскому языку как иностранному. В ходе исследования удалось выяснить, что языковой ландшафт Института Конфуция играет ведущую роль на начальном этапе обучения китайскому языку. Она связана с основной функцией языкового ландшафта и реализуется с помощью трех механизмов: привлечения внимания, формирования образа, впечатления и стимулирования интереса к дальнейшему изучению китайского языка. Как показывают результаты, чтобы быть эффективным, общение на китайском языке не должно ограничиваться обучением в классе: следует также уделять внимание различным языковым практикам за его пределами. В процессе изучения китайского языка еще до освоения правил важнейшее значение приобретает языковой ландшафт. Языковой ландшафт Института Конфуция служит дополнением к аудиторным занятиям, а визуальное наполнение пространства явно отличается от того, что представлено в китайских учебниках и сборниках заданий, которые в основном предполагают чтение текстов. Кроме того, языковые ландшафты предоставляют и другие символические средства, такие как мультимодальные визуальные средства, изобразительные символы, пластинчатые структуры и цветовые шаблоны. Такая передовая форма общения может значительно повысить уровень понимания китайской культуры иностранными студентами и их интерес к изучению китайского языка. Лингвистический ландшафт и преподавание китайского языка в классе дополняют друг друга, обеспечивая более эффективное международное общение на китайском. В данном исследовании рассматривается основная функция лингвистического ландшафта Института Конфуция, предпринимается попытка изучить механизм и роль лингвистического ландшафта в международном обучении китайскому языку, а также проанализировать пути и методы реализации его главной функции.

Ключевые слова

международное распространение китайского языка; обучение китайскому языку; Институт Конфуция; языковой ландшафт; мультимодальность; ведущая роль

Благодарности

Исследование финансируется в рамках общего проекта плановой группы провинции Ганьсу по социальным наукам «Обзор и исследование взаимного влияния китайских диалектов в Цинхае в контексте языкового контакта» (регистрационный номер проекта 2022YB045) и проекта Министерства образования по гуманитарным и социальным наукам как части проекта «Исследование, разработка и применение китайских международных коммуникационных ресурсов и push-платформ» (регистрационный номер проекта 16JJD740004).

For citation

Фу В., Лю Ч. Анализ основных функций языкового ландшафта Института Конфуция в обучении китайскому языку как иностранному // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 68–76. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-68-76

Introduction

Confucius Institutes overseas mainly use Chinese classroom teaching and often teach and practice relevant rules in grammar and vocabulary development [Kramsch, 2008; Peng, 2012; Jiang, 2013]. However, informal language learning environments are also very helpful in language learning. Sockett believes that “informal learning is the basic knowledge of language that results from language learning outside the classroom” [2014, p. 7]. Scholars, such as Ellis et al. [1994], suggest that the basic cognition of language is related to various types of language learning, including learning in informal

contexts. The Confucius Institute, as the main venue for the international promotion of the Chinese language, has a linguistic landscape as an informal language learning environment outside the classroom, which is connected with the formal classroom environment, creating a language ecosystem and enabling international learners to master Chinese. The linguistic landscape of the Confucius Institute plays a leading role in teaching Chinese to foreigners at the initial stage.

Firth [1997] criticizes the traditional concept of L2 acquisition that separates language acquisition and language socialization and proposes that there should be balance between the cognition and society in applied linguistics. The new approach emphasizes the important role of the environment in language learning. Combining the two activities (learning language rules and use of the language in a social environment) impacts the development of language teaching and students' language learning activities. Van Lier [2004] also believes that language learning is a social activity. Language learning environment enhances the effect of language learning, at the same time, the learning activities impact the learning process cognition. Thus, the social dimension emphasizes an important role of the language environment in language learning and the interaction and cooperation between actors and the environment. On the one hand, language functions and mechanisms are achieved in different language environments, on the other hand, different language environments combine and interact with each other to form a new language learning environment effect [Bronfenbrenner, 1979]. In teaching Chinese as an international language, the leading function of the Confucius Institute linguistic landscape that implements classroom teaching in social environment should be taken into account.

1. Literature Review

Teaching Chinese to international learners is a process that requires some preparatory work. However, this stage of Chinese international teaching is often neglected. Therefore, this research provides some effective ways in formalized Chinese learning on the one hand, and on the other hand, it introduces the linguistic landscape of the Confucius Institute for further consolidation of the learners' knowledge of Chinese. Foreign scholars have done a lot of empirical research on the characteristics and laws of language use in linguistic landscapes from the perspective of multilingualism, globalization, and teaching [Backhaus, 2007]. However, as far as the current domestic linguistic landscape research is concerned, most scholars focus on the systematic review of the theory and the empirical discussion of the urban multilingual linguistic landscape and the linguistic landscape of ethnic minority areas [Shang, Zhao, 2014a, 2014b; Tian, Zhang, 2014]. While this paper, starting with the social dimension of language learning, focuses on analyzing the leading function of the Confucius Institutes linguistic landscape and discusses its important role and mechanism in language learning in general.

2. Theoretical Framework for Multimodal Linguistic Landscape Research

The linguistic landscape within a certain domain may seem chaotic and disordered, but the linguistic landscape formed within a specific domain and place has obvious unity, integrity and indexicality [Vickers et al. 2015]. To be more exact, the language or images in the linguistic landscape are not simply present in public space, but there are often deep-seated laws and creation mechanisms behind them. This paper focuses on the linguistic landscape of Confucius Institutes. The Confucius Institute, as foundation for Chinese education, the multimodal linguistic landscape of pictures and texts reflect the essence of the Chinese language and culture promotion. Therefore, when discussing and analyzing the linguistic landscape of Confucius Institutes, we should proceed from a multidisciplinary approach and adopt a multidisciplinary theoretical perspective. This paper is based on the place semiotics framework proposed by R. Scollon & S. Scollon [2003], combined with the multimodal theory of Kress & van Leeuwen [2006] and the informal learning theory of Sockett [2014]. This study analyzes the function of the linguistic landscape of the Confucius Institute in the international promotion of Chinese.

2.1. Place Semiotics Framework—Visual Semiotics Perspective

Based on the visual semiotics framework proposed by Kress & van Leeuwen, Scollon & Scollon studied “discourse in place”, also known as geosemiotics, looking at how words express meaning in specific places. Place semiotics is a subsystem of geosemiotics, a set of frameworks for analyzing the language symbol system in the real environment. It consists of code preference, inscription, emplacement and other subsystems.

Code orientation refers to the position or priority relationship among various languages on multilingual signage. When language signs involve more than one language, the problem of code sequence arises, thus reflecting its social status within the language community. Word engraving refers to the meaning system of the way the sign language is presented, including fonts, materials, additional components or extensions, state changes, etc. Placement studies the meaning activated by the act of placing a sign at a location, which is the most fundamental concern of geosemiotics. Placement includes three forms: decontextualized placement, deviant placement, and scene placement.

2.2. Multimodality-Social Semiotics Perspective

Symbolic linguistic landscape is the combination and interactive generation of language and visual communication [Kress & van Leeuwen, 2006]. The biggest goal of multimodal image-text combination is to achieve the interaction between language and visual communication and to exert its symbolic meaning and function. The text is composed of multiple compatible and coexisting languages in the context of a variety of written languages that are mixed on the linguistic landscape logo. The colors, words and pictures on the logo are not just simple explicit decorations. Having a symbolic nature, this multimodal text forms a new visual literacy text, the written style itself being a form of visual communication [Kress, 2006]. Linguistic landscape is a cultural landscape that is communicative and indicative. For foreign students who do not fully understand Chinese and are studying Chinese at Confucius Institutes, the linguistic landscape is a multimodal text with symbolic meaning and retrieval function, which helps foreign Chinese learners to form a preliminary understanding of the Chinese language. What happens is a transition from shallow understanding to deep understanding of Chinese characters and knowledge popularization. Chinese in the linguistic landscape fully reflects the transition from “spatial intervention” to “cultural intervention”. The symbols occupying visual space gradually penetrate into students’ ideological concepts and cultural awareness through the symbolic function of linguistic landscape. In the process of “cultural intervention”, the symbolic function of the Confucius Institute linguistic landscape has a significant impact on acquisition of Chinese.

3. Research Design

3.1. Research Questions

Based on the above mentioned theories, the most topical question in the study of the Confucius Institute linguistic landscape is: what role does the linguistic landscape of the Confucius Institute play in teaching Chinese? Specifically: (1) What elements and mechanisms are used to realize the function of the Confucius Institute linguistic landscape in teaching Chinese to foreigners? (2) What role does the linguistic landscape of the Confucius Institute play in international teaching of Chinese?

3.2. Research Methods and Research Objects

This research combines qualitative and quantitative analyses. First of all, from the official website of the Confucius Institute, the official WeChat account, as well as from the field investigations of Confucius Institutes in some countries (such as the Confucius Institute at the University of Lagos,

etc.), through website screening and field photography, we collected information covering Asia, Africa and Europe. 672 valid Confucius Institute linguistic landscapes from 32 countries along the “Belt and Road” (Russia, Cambodia, Thailand, etc.) were collected and photographed from September 20, 2019 to November 5, 2021. In defining statistics, we adopted the following criterion: if the vector had more than two sides, then each side was regarded as an independent research sample.

Secondly, in addition to data collection, we also conducted interviews on a series of issues such as learning Chinese, the status of Chinese, the attitudes of local overseas people towards Chinese and their understanding of China, etc. The interview results show that overseas people and students in particular think that Chinese not only exists in the Confucius Institute classrooms, but also gradually becomes popular among people, an example of which is the Russian-Chinese Culture Film Festival organized by consulates and the Confucius Institute classrooms. These activities promote international spread of the Chinese language, contribute to a deeper understanding of China, and create a positive image of the country. This makes it obvious that teaching Chinese internationally should not be limited to classroom teaching, but should also focus on the middle-level context, so as to find diverse ways to ensure its effective dissemination.

4. Results Analysis

4.1. *The Leading Function*

The leading function of the linguistic landscape of the Confucius Institute in teaching Chinese to foreigners needs to be realized through three basic elements: (1) attracting attention—by means of the sequence of spatial positions, getting students’ attention before the classroom; (2) shaping an image—through the multimodal interpretation of the same keyword via multimodal structure of the linguistic landscape, the meaning associated with the keyword can be retrieved for foreign students, and help them shape an image of China and Chinese culture before regular language instruction begins; (3) cultivating interest—by shaping images, foreign students can increase their interest in learning Chinese, thus facilitating classroom teaching. These three basic elements generally take place in a diachronic form, and together constitute the leading mechanism of the linguistic landscape of the Confucius Institute at the preparatory stage of the Chinese language acquisition.

4.1.1. *Strategies for Attracting Attention*

From the perspective of space, the environment in which the linguistic landscape of the Confucius Institute occurs is not a Chinese classroom, although there is a spatial connection with the Chinese classroom [Bronfenbrenner, 1979]. Before entering the classroom and receiving formal instruction, foreign students actually have to go through the transfer of space. Therefore, the first step in the space transfer is the language environment of the Confucius Institute outside the classroom. The language environment in and outside the classroom form a language learning ecosystem that facilitates the transition from micro-context to meso-context, thus producing the meaning and value of language learning.

The mechanism of attracting foreign students’ attention is the first step in the process requiring a variety of design strategies. A typical strategy is concerned with the transformation of spatial carriers. Placement comes in three forms: decontextualization placement, deviant placement and scene placement [Scollon & Scollon, 2003].

Character inscription refers to the meaning system of the linguistic landscape presentation, including fonts, materials, additional components or extensions, state changes, etc. Placement mainly studies the meaning activated by the behavior of linguistic landscape setting in a certain space (Scollon & Scollon, 2003). The linguistic landscape of the Confucius Institute is presented in form of metal plates, banners and posters, and is posted on the outer walls of the Confucius Institute build-

ings. This means that students are exposed to these linguistic landscapes after entering the Institute, before entering the classroom, and during the practical activities within the Confucius Institute space. These linguistic landscapes create a field of Chinese elements, which fulfills a preparatory and guiding symbolic function in students' classroom learning.

As a Chinese educational space, Confucius Institute is an excellent place for learners to carry out their daily activities. This kind of linguistic landscape has existed for a long time as an important part of its visual space. Before entering the classroom, an international student first feels this special atmosphere. In the long-term process of classroom instruction, the impact of the visual atmosphere will be repeated and strengthened continuously. Its effect is largely determined by the spatial location design of the linguistic landscapes.

Another important strategy to attract foreign college students' attention, is the choice of materials and design of the board. The hardness of materials is closely related to the fixity of places [Scollon & Scollon], and the choice of materials is related to the type of the linguistic landscape discourse. Among all kinds of linguistic landscapes, the linguistic landscapes made of metal are often more grave, while those made of plastic and paper are more lively. This shows that there is a certain relationship between the style of the linguistic landscape and its material. Metal materials are stronger and therefore more official and formal. We usually see the name and logo of the Confucius Institute on the linguistic landscape of this type of material.

4.1.2. Forming Means of Multimodal Structure to Shape an Image

Informal language learning is unorganized and seemingly purposeless, but it is the most extensive and important learning content in people's daily life. In contrast, formal language learning is structured, purposeful and classroom-based. The linguistic landscape of the Confucius Institute is neither a grammaticalized sentence structure nor a complex sentence combination, but a display of keywords with the colored subject words. Keywords are not clearly decomposed, and there are no rules to follow. The study of non-clear keywords by foreign college students is a preparatory process before they formally accept the rules of learning. Secondly, classroom learning is more reflected in the interaction between teachers and students, while the linguistic landscape of the Confucius Institute aims to transmit a relatively vague and general information about the Chinese society and Chinese culture to the recipients. Therefore, at the initial stage of learning Chinese, the Confucius Institute linguistic landscape, which is a silent and non-grammatical language before formal and regular learning, has initially played a preparatory role in the process.

Impression-making (or shaping an image) is an important part of the leading function. Kress & van Leeuwen [2006] propose that linguistic landscape symbols have a representational function. This function is not only the reproduction of specific things, but also that of abstract features, which is especially well-felt in the Confucius Institute linguistic landscape design. Designers often present images of typical Chinese cities, buildings, and cultural elements corresponding to the text content to promote Chinese images to viewers, in order to provide a certain foundation for classroom teaching.

This study conducted a questionnaire survey through the Questionnaire Star platform, with a total of 635 valid questionnaires (the start and end time of the survey was January 20, 2019—October 22, 2021), SPSS23.0 was used to correlate it. Through questionnaire analysis, it can be seen that foreign students' learning of Chinese is highly correlated with two important factors: the practical value of Chinese (0.459) and its beauty (0.515), and it is moderately correlated with the additional use of Chinese (0.383). The practical value of Chinese, as well as its aesthetic value correspond to the two poles of the "life-aesthetic" dimension. From this point of view, the content keywords of the linguistic landscape pictures are mainly based on these two endpoints, which meet the needs of foreign learners of the language. Thus, the Confucius Institute linguistic landscape may be a good motivator for international learners of Chinese. Some of the Confucius Institute linguistic landscapes amply demonstrate the strategy of shaping images through their content. For example, a picture of

men looking directly at the audience and smiling. The men's facial expressions are the external manifestation of their self-confidence. In the picture the smiling characters are writing the word "success", as if sending the viewers the message "Success is in your hands!" [Kress & van Leeuwen, 2006]. What makes it still more meaningful is that the word "success" is spelt in Chinese. So, another message of the picture is "learning Chinese leads to success".

4.1.3. Forming elements and means of cultivating interest

Another manifestation of the leading function is cultivating interest. Before foreign students enter the classroom, they go through an informal language learning linguistic landscape stage. Language is a symbolic system that expresses meaning in social culture. Linguistic landscape is actually a kind of "symbolic landscape", which is constructed by multimodal semiotic resources collaboratively to construct spatial discourse [Jaworski, Thurlow, 2010]. This, in fact, corresponds to the above mentioned function of shaping an impressive image, which is further achieved by arousing an interest in the viewer. So, the designer is continuously trying to arouse the viewer's interest in participating in the activities they are involved into.

4.2. "Indexing" Function of Keywords

To sum up, the leading function of the Confucius Institutes linguistic landscape in popularizing the Chinese language is realized through three basic elements: attracting attention, shaping an image and cultivating interest. This function plays its own unique role. Its core is that the linguistic landscape often presents a certain meaning in form of a "keyword". The process of assigning meaning to keywords is referred to as the "indexing function" of keywords. The "indexing meaning" of the Confucius Institute's linguistic landscape through the "indexing function of keywords can increase the interest of foreign students in learning Chinese, and it is also the leading mechanism of the Confucius Institute's linguistic landscape.

4.2.1. Indexing of Chinese Cultural Background by Keywords

The referential meaning pointed to by the index of the Chinese cultural activities is fun. To help students index the meaning of fun, the keywords of the linguistic landscape must revolve around the recreational nature of the activity.

First, as mentioned before, the linguistic landscape itself attracts the viewer's attention through its spatial location and then shapes an image in their minds. However, the linguistic landscape itself does not have many elements that directly point to "interest" here. Secondly, the linguistic landscape uses some keywords, such as "the New Year's party", pointing to the activities outside the linguistic landscape. The relationship between linguistic landscapes and activities is intertextual. These two texts are juxtaposed to each other, there are elemental associations: the common use of Chinese and the common appearance of Chinese elements, in this way a referential relationship in meaning is formed. That is, the words "the New Year's Party" in the linguistic landscape just point to the event itself. Through these three basic strategies, linguistic landscapes and activities constitute an intertextual text system. Furthermore, the "fun" meaning of the activity itself will be indexed by the linguistic landscape through the mechanism of intertextuality, thus arousing the viewer's further interest. Through this indexing of the "fun" meaning of the activity, the linguistic landscape may be helpful to complete three basic functions of attracting attention, shaping an image and cultivating further interest, all through the keywords "The New Year's Party".

4.2.2. Index Reference of Keywords to Chinese Cultural Background

The indexed meaning points to the index of the Chinese culture. Based on this, this kind of linguistic landscape often requires the indexing of meaning around the knowledge-based keywords. For example, the Confucius Institute linguistic landscape about the Mid-Autumn Festival uses “Mid-Autumn Festival” as the meaningful elements contained in it can be roughly divided into three categories. The first category directly corresponds to the keyword “Mid-Autumn Festival”, including the words *Mid-Autumn Festival* and their English translation, moon-related legends, such as the Moon, the goddess of the Moon’s jade rabbit (嫦娥), and moon-related poems. The second category is another group of elements related to China, such as Chinese classical architecture. The third category includes the elements that represent the image of official institutions, such as the logo of the Confucius Institute. These three types of elements point to the symbolic function of linguistic landscapes [Landry & Bourhis, 1997], and such linguistic landscapes symbolize *Chineseness* to a high degree. In the meantime, the intertextuality between the activity and the linguistic landscape forms a visual and spatial re-symbolization, which further highlights the symbolic meaning [Kramsch et al. 2008].

4.3. The Value and Role of the Linguistic Landscape

In the past, applied linguistics focused more on teaching Chinese in the Confucius Institute classrooms, ignoring the impact of other language elements in the spaces outside the classroom. Therefore, the leading role of the Confucius Institute linguistic landscape is mainly manifested in two functions: preparing and guiding. In formal language learning settings, the focus of learning is the language itself. In contrast, in informal settings, the focus of language learning is meaning [Lightbown & Spada, 2001]. Therefore, at the preparatory stage of acquisition of Chinese, foreign college students will be exposed to the language elements in the Confucius Institute linguistic landscape before engaging in formal classroom learning. This preparatory stage is related to the formal learning stage in the classroom. There is not only the order relationship of spatial transformation, but also the transformation from the irregular state to the regular state. The rule is the regular classroom teaching rule, before international students enter the classroom; at this stage occurs spatial transformation and transformation from the irregular state to the regular one before the rule.

At the same time, the linguistic landscape plays a guiding role when learners enter the long-term process after formal classroom learning. As far as this stage is concerned, foreign college students are in the process of accepting a formal Chinese classroom situation, and when they enter the space on which the linguistic landscape is based, they are integrated with the relevant activities of the Confucius Institute. Linguistic landscapes help students to reflect on what they have learned and provide knowledge and impressions about it. At this point, the linguistic landscape of the Confucius Institute enters a guiding stage.

Conclusion

Based on Scollon & Scollon’s place semiotics framework, combined with Kress & van Leeuwen’s multimodal theory and Sockett and other scholars’ informal learning theories, through corpus collection and questionnaire interviews, this paper explores the role of the Confucius Institute linguistic landscapes in teaching Chinese internationally. The research shows that the Confucius Institute linguistic landscape is indexed and functions by keywords. This indexing function is reflected in the fact that foreign students who learn Chinese can participate in different activities (from the interest in watching to the interest in participating), and finally realize the “leading effect” of keywords.

References

Backhaus, P. *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo.* Clevedon: Multilingual Matters, 2007.

- Bronfenbrenner, U.** The Ecology of Human Development. New York: Harvard University Press, 1979.
- Ellis, N.** Introduction: Implicit and explicit language learning—An overview. In: *Implicit and Explicit Learning of Languages*; Ed. N. Ellis. London: Academic Press, 1994.
- Firth, A., Wagner, J.** On discourse, communication, and fundamental concepts in SLA research. *The Modern Language Journal*, 1997, no. 1, pp. 285–300.
- Jiang, L.** The Framework of the “Task-Activity” Chinese Classroom Teaching Model. *Language Teaching and Research*, 2013, no. 6, pp. 1–8. (in Chinese)
- Kramsch, C., Whiteside, A.** Language Ecology in Multilingual Settings: Towards a Theory of Symbolic Competence. *Applied Linguistics*, 2008, no. 4, pp. 645–671.
- Kramsch, C.** Language and Culture. *Applied Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 30–55.
- Kress, G., van Leeuwen, T.** Reading Images: The grammar of visual design. London & New York: Routledge, 2006.
- Lightbown, P. M., Spada, N.** How Languages are Learned. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Peng, Z.** The Setting and Utilization of “Intralingual Context” in Chinese Classroom Teaching. *Chinese Teaching in the World*, 2012, no. 1, pp. 133–140. (in Chinese)
- Scollon, R., Scollon, S. W.** Discourses in Place: Language in the Material World. London and New York: Routledge, 2003.
- Socket, G.** The Online Informal Learning of English. UK: Macmillan Publishers, 2014.
- Shang, G., Zhao, S.** Perspectives, Theories and Methods of Linguistic landscape Research. *Foreign Language Teaching and Research*, 2014a, no. 2, pp. 214–223 + 320. (in Chinese)
- Shang, G., Zhao, S.** Analysis Dimension and Theoretical Construction of Linguistic landscape. *Foreign Languages*, 2014b, no. 6, pp. 81–89. (in Chinese)
- Tian, F., Zhang, W.** **Global Sociolinguistics: A New Theory of Linguistic Landscape Research.** — A Case Study of Bilingual Public Signs on Xueyuan Road in Beijing. *Application of Language and Characters*, 2014, no. 2, pp. 38–45. (in Chinese)
- Van Lier, L.** The Ecology and Semiotics of Language Learning: A Sociocultural Perspective. New York, Boston, Dordrecht, London & Moscow: Kluwer Academic Publishers, 2004.
- Vickers, C. H., Lindfelt, C., Greer, M.** The co-influence of the natural, built, and linguistic landscape: Indexing security. *Language Policy*, 2015, no. 1, pp. 25–47.

Information about the Author

Fu Wenli, Lecturer, PhD, Northwest Normal University, Lanzhou, Gansu Province, China

Liu Zhigang, Associate Professor, PhD, Northwest Normal University, Lanzhou, Gansu Province, China

Информация об авторе

Вэньли Фу, преподаватель, канд. филол. наук, Колледж международного культурного обмена, Северо-Западный педагогический университет, Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская народная республика

Чжиган Лю, доцент, канд. филол. наук, Колледж китайского языка и литературы, Северо-Западный педагогический университет, Ланьчжоу, провинция Ганьсу, Китайская народная республика

Статья поступила в редакцию 05.08.2022;

одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 28.10.2022

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 28.10.2022

Научная статья

УДК 519.765, 004.912

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-77-89

Исследование модели коммуникативного поведения индивидов на основе анализа открытых текстовых данных

Анна Владимировна Чижик

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

afrancuzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-5167>

Аннотация

В данной статье описаны результаты исследования открытых текстовых данных, на основании которых были выявлены особенности коммуникативного взаимодействия пользователей с мобильными приложениями. Методом автоматического сбора и анализа данных проанализировано 150 приложений из Google Store для выделения фактов, способствующих вступлению индивида в коммуникативный акт с мобильным приложением. В статье приводятся визуализации структуры текстов. На основании полученных данных удалось выделить основные характеристики коммуникативного взаимодействия индивида с приложением, в частности, выдвинуты гипотезы относительно линейности используемой пользователями коммуникативной модели.

Ключевые слова

обработка естественного языка, анализ тональности, компьютерная лингвистика, машинное обучение, векторные представления текста, коммуникативная модель

Для цитирования

Чижик А. В. Исследование модели коммуникативного поведения индивидов на основе анализа открытых текстовых данных // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 77–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-77-89

Motivation of Individuals to Install Medical Applications: Analysis of the Open Text Data Using Machine Learning Methods

Anna V. Chizhik

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

afrancuzova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4523-5167>

Abstract

This paper describes the results of the open text data study, and on the basis of these data the features of the communicative interaction of individuals with mobile applications have been identified. Using the method of automatic data collection and analysis, 150 applications from the Google Store were analyzed in order to highlight the facts that motivate an individual's entry into a communicative act with a mobile application. The article provides visualization of the text structures. Based on the data obtained, it was possible to identify the main characteristics of the communicative interaction of a user with the application; in particular, some hypotheses were put forward regarding the linearity of the communicative model used by individuals.

Keywords

natural language processing, natural language understanding, word embeddings, text vectorization, sentiment analysis

© Чижик А. В., 2022

For citation

Chizhik A. V. Motivation of individuals to install medical applications: analysis of open text data using machine learning methods. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 77–89. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-77-89

Введение

Коммуникационный потенциал новых и социальных медиа эпохи WEB 2.0 стал движущей силой принципиального изменения среды коммуникации индивидов и социальных групп. На фоне возможности интеграции виртуальной реальности как канала коммуникации в повседневные практики стала возможной трансформация современного коммуникативного процесса, выражающаяся в изменении путей распространения информации и ролей адресанта и адресата.

В рамках анализа классических коммуникативных моделей мы исходим из допущения, что передача любого типа информации предполагает обязательное наличие двух антропо-центров, без которых сам процесс коммуникации не представляется возможным: адресанта и адресата. Однако современная формация мобильных приложений дает возможность выстроить линейные коммуникативные модели взаимодействия с адресатом без фигуры адресанта в стандартном понимании. Живой адресант заменяется в этом случае интерактивным стимулом, который, побуждая адресата (человека) к действию, устраняет необходимость присутствия двух человек как непереносимого условия успешного прохождения информации между точками входа и выхода.

Кроме того, стоит отметить, что коммуникативные ограничения, с которыми общество столкнулось в различных сферах на фоне борьбы с COVID-19, а также концепция удаленной работы, получившая максимальное распространение как философия сохранения работоспособности бизнес-процессов именно на фоне распространения коронавирусной инфекции, повысили интерес к установке мобильных приложений разного типа. Смартфон – это устройство, которое сопутствует человеку во всех его повседневных маршрутах, поэтому вне зависимости от актуальности использования в повседневных практиках компьютера (или ноутбука) люди в текущей формации мировосприятия стремятся решить большинство своих задач при помощи именно мобильного устройства. А значит, подобная система коммуникативного взаимодействия («мобильное приложение – человек») является перспективной областью научного анализа как с точки зрения выявления фундаментальных особенностей трансформации сознания индивидов под влиянием интеграции виртуальной реальности в повседневные коммуникативные практики, так и с позиции их прикладных потребностей (выстраивание моделей мотивации к использованию продукта, основанного на коммуникативном взаимодействии с ним).

Наибольший интерес вызывают два вопроса: с какой мотивацией человек устанавливает приложение (какова цель вступления в коммуникативный акт?) и какие потребности он испытывает при его многократном использовании (например, какой тип интерактивности сможет достаточно точно симулировать коммуникатор для того, чтобы коммуникативный акт длился необходимое время?).

Важно отметить, что при выстраивании модели мотивации разработчики практически всегда используют систему коммуникативных мотивационных (нередко имплицитных) триггеров, побуждающих человека вернуться к приложению. Этот прием может рассматриваться как одна из форм интерактивности, но, в целом, скорее имеет другую природу активации сознания индивида, нежели стремление к поддержанию коммуникативного акта. На наш взгляд, мотивационные триггеры усложняют схему взаимодействия пользователя с приложением, поэтому имеет смысл рассмотреть для начала ее функционирование без учета внешних триггеров в качестве базиса интеракции.

Для проведения первичных исследований на эту тему, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к такой сфере прикладных разработок мобильных приложений, которая еще не устоялась в полной мере, то есть не приобрела достаточное количество сформулированных и оттранслированных со стороны пользователей потребностей (что подразумевает возможность рефлексии на тему коммуникативного акта без четко определенной рациональной составляющей в виде цели), и потому, как следствие, еще не имеет набора шаблонных триггеров, которые побуждали бы человека к постоянному взаимодействию с приложением. Манипулятивные триггеры создают психологическую привязанность: так, приложения социальных сетей используют уведомления о новых сообщениях и/или событиях, которые пользователю необходимо просмотреть, что практически всегда приводит к быстрому возвращению к интеракции. Такой ход был заимствован из игровой индустрии и имеет людическую природу; он оказался адекватным интенциям индивидов по отношению к социальным медиа, которые за годы присутствия в повседневных практиках укоренили в сознании идею о том, что они являются средством развлечения. Иначе говоря, выяснилось, что в культурный код современного общества быстро проникают те или иные мотивационные модели (имплицитные), которые за неимением лучшего мы воспринимаем как оптимальные. Однако применительно к устоявшимся сферам использования мобильных приложений доподлинно все же не известно, являлась ли описанная триггерная схема действительно наилучшим способом установить стабильную коммуникацию с пользователем, то есть обеспечить его лояльность «адресанту».

Пандемия COVID-19 спровоцировала в мировом сообществе трансформацию мировоззрения, которая, в частности, была связана с новым витком осознания ценности человеческой жизни как таковой. Переход на дистанционное оказание услуг, который был спровоцирован пандемией и подтолкнул к взаимодействию с потребителем вне привычной схемы офлайн-контактов, а также уже устоявшийся за последнее пятилетие под влиянием информационно-коммуникационных технологий тренд на мобильность и сепарированность от производителя легли в основу интереса к мобильным приложениям, связанным со здоровьем. При этом пользователи стали отдавать предпочтение в большей степени таким разработкам, которые нацелены на поддержание здоровья или на получение релевантной информации, а не на связь с конкретными медучреждениями.

В результате этот новый запрос стал стимулом для формирования социальной среды, которая хорошо подходит для заявленного выше анализа коммуникативных моделей, так как подразумевает отсутствие конкретного адресанта сообщения в офлайн-среде, поскольку индивид предполагает вступать во взаимодействие не с отправителем, а лишь с интерфейсом приложения. Закономерность такой гипотезы обусловлена тем, что из-за отсутствия подробных маркетинговых исследований потребностей индивидов у разработчиков на данный момент нет устоявшихся схем взаимодействия с пользователями, а значит, мы можем надеяться найти репрезентативные закономерности и саму первооснову мотивации потенциального адресата поддерживать такого рода диалог, не отвлекаясь на преодоление шумов в виде системы имплицитных мотивационных триггеров и культурных стереотипов (как базиса взаимодействия в привычных моделях).

Таким образом, целью данного исследования стало выявление трендов потребительского поведения пользователей ряда медицинских мобильных приложений. Для этого использовались методы компьютерного анализа текстов, представляющих собой краткие отзывы, описывающие пользовательский опыт клиентов, причины установки и/или удаления приложения, а также информирующие о потребности в новом функционале или неудовлетворенности уже существующим. Наша нулевая гипотеза заключалась в том, что текст отзыва на мобильное приложение поможет найти ответы на три основных вопроса, объясняющих механизм коммуникативного акта в новых условиях, а именно:

1. Что послужило мотивацией вступить в коммуникативное взаимодействие?
2. Какую эмоцию испытал при этом пользователь?
3. Будет ли повторная коммуникация (и от чего это зависит)?

Для этого был собран набор данных, состоящий из описаний приложений, опубликованных разработчиками; отдельно по каждому из них были собраны текстовые отзывы пользователей с фиксацией числовой оценки, которой они сопровождали свой комментарий.

В первую очередь нас интересовал анализ концепции «чистого» коммуникативного акта между приложением и пользователем, поэтому за пределами исследования мы оставили многочисленные разработки, связывающие пациента и клинику (то есть приложения типа «запись к врачу», «личный кабинет пациента» и т. п.), а внимание уделялось приложениям с функционалом мониторинга здоровья (трекеры уровня сахара в крови, фиксация артериального давления, напоминания о приеме лекарств). Суть таких программ заключается в поддержке самостоятельного проживания в пожилом возрасте, управлении хроническими заболеваниями в среднем возрасте, управлении ходом терапии с помощью приложения: график и контроль приема лекарств, дневник состояния и т. д.

Соответственно, были поставлены следующие лингвистические задачи:

- провести анализ тональности отзывов для выявления факторов, которые вызывают позитивные и негативные эмоции у пользователей;
- выявить по вербальной реакции пользователей на приложения триггеры отказа от модели многократного вступления во взаимодействие с интерфейсом коммуникативного акта;
- визуализировать достоверную вербальную статистику в виде облака слов, которая была бы полезна для изучения потребительского поведения современного российского социума (фокусная группа данного исследования) и маркетингового продвижения различных продуктов.¹

Результаты этого исследования могут быть также использованы для выстраивания социальной политики, мотивирующей людей к использованию телемедицины в повседневной практике.

1. Сбор данных и анализ описаний приложений

Для первичной разведки данных было выбрано несколько разделов данной базы мобильных приложений:

- 1) приложения для мониторинга показателей здоровья;
- 2) мониторинг давления и пульса (288 шт.);
- 3) трекеры уровня сахара (373 шт.);
- 4) приложения для напоминания о приеме лекарств (382 шт.);
- 5) запись к врачу (292 шт.).

Чтобы найти данные приложения, использовались обычные поисковые запросы к базе данных двух крупных каталогов мобильных приложений (Google Play и App Store); далее с помощью библиотеки BeautifulSoup html-страницы с карточками приложений, подходящих под запрос, были распарсены. На рисунке 1 приведена статистика по разделам, с которыми соотносятся выделенные приложения в каталоге Google Play Store.

Текстовые данные были предобработаны в следующей последовательности: разбиение текстов на токены; удаление спецсимволов, ссылок и пунктуации; удаление стоп-слов и лемматизация токенов.

¹ В последнее время выдвигается идея некой маркетинговой лингвистики [Борисова, 2016]. Если она когда-нибудь появится как оформившаяся междисциплинарная дисциплина, то ее подходы будут, вероятно, близки к методологии нашего исследования. Е. Г. Борисова лишь фокусирует внимание преимущественно на хорошо изученном рекламном тексте. Ср. яркий пример, случайно перекликающийся с нашей предметной областью: «Похудей на всю жизнь!» [Там же, с. 141].

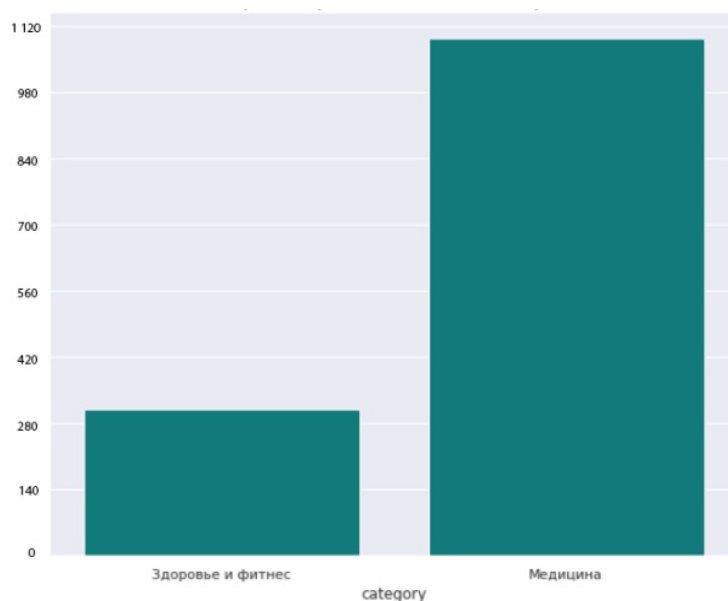

Рис. 1. Соотнесение собранных в датасеты приложений с категориями Google Play Store
Fig. 1. Correlation of applications collected in datasets with Google Play Store categories

Для каждого типа приложений был создан отдельный датасет и изучены основные общие характеристики: средняя оценка приложений, наличие обратной связи от пользователей (в виде текстовых отзывов), частота обновлений, дата первого релиза. Выяснилось, что в большинстве случаев для написания отзыва и выставления оценки мотивацией являются скорее положительные эмоции; для всех рассматриваемых типов приложений повторялась одна и та же ситуация: присутствующая оценка была не ниже трех баллов (что, в целом, является достаточно хорошим рейтингом).

Как видно из графиков, приведенных на рисунке 2, наиболее однозначны оценки для трекеров сахара и для приложений с функционалом органайзера по приему лекарств, чуть хуже статистика для приложений мониторинга давления и пульса, самые неоднозначные оценки относятся к приложениям для записи к врачу.

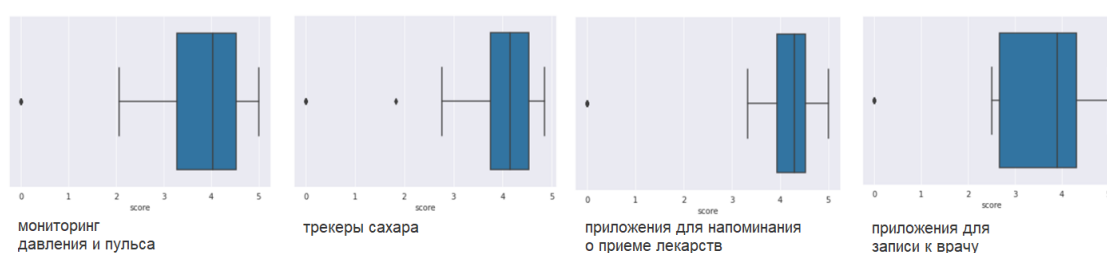

Рис. 2. Динамика рейтинга (количество баллов) в четырех рассматриваемых типах приложений
Fig. 2. Rating dynamics (number of points) in the four types of applications considered

Далее наступила фаза анализа тональности отзывов, которая подразделяется у нас всего на три категории: положительная, отрицательная и нейтральная.² Ниже будут приведены описания анализа двух приложений.

² Необходимость более подробной категоризации для решения поставленных задач вызывает большие сомнения. Русскоязычный термин «(автоматический) анализ тональности текста» является производным от зарубежного термина «сентимент-анализ» [Майорова, 2020, с. 78]. Он представляет собой процедуру идентификации мо-

2. Анализ отзывов на приложение Medisafe

Для анализа мотивационных стимулов к использованию продукта нужно иметь статистическую информацию о двух компонентах потребительского поведения: 1) об общем настрое пользователя (который важен для выявления потребительского тренда) и 2) о содержательной (вербальной) части отзыва. В прикладных исследованиях принято определять удовлетворенность потребителей, опираясь исключительно на тональность отзывов. Соответственно, наша гипотеза заключается в том, что та эмоция, которой адресат руководствуется при написании комментария о своем опыте использования приложения (с какими интенциями он выходит из первого коммуникативного акта), является самой репрезентативной метрикой определения. Именно она позволяет надежнее всего спрогнозировать, будет ли индивид повторно использовать продукт. Мы решили усложнить анализ и соотнести тональность вербального отзыва с итоговой оценкой в баллах, которую автор комментария выбирает в конце процесса на пятибалльной шкале, выражая тем самым собственное резюме об эмоциональном опыте взаимодействия с продуктом (то есть перед нами оказывается размеченный в баллах градиент эмоционального фона пользователя, согласно его собственному мнению, от позитивного ощущения через нейтральное в сторону негативного).

На рисунке 3 представлена динамика оценок продукта и взаимосвязь этого показателя с тональностью вербальных отзывов пользователей (датасет состоит из 6 372 отзывов).

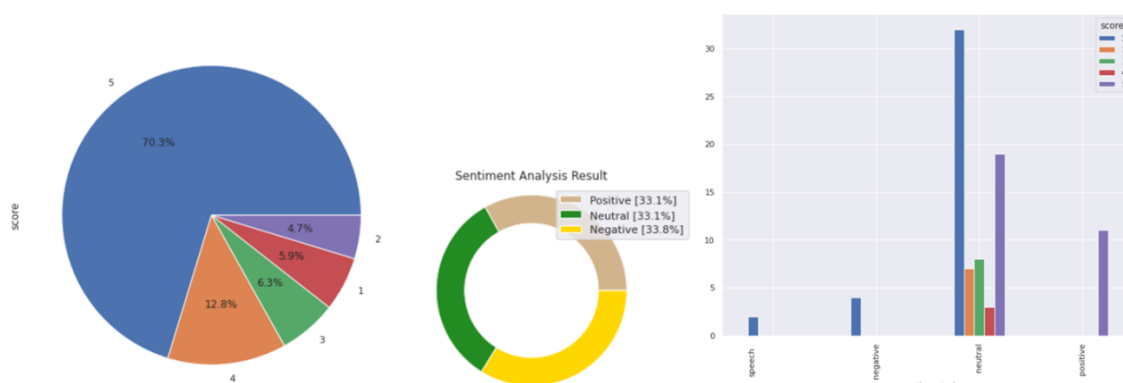

Рис. 3. Соотношение оценок пользователей для приложения Medisafe (слева), оценка тональности словесных отзывов (посередине), соотнесение числовой оценки и тональности отзывов (справа)

Fig. 3. Ratio of user ratings for the Medisafe app (left), sentiment score of text reviews (middle), correlation of numerical score and sentiment of reviews (right)

Для анализа отзывов использовались языковая модель, полученная на наборе данных RuSentiment, и сверточная нейросеть с ELMo-эмбедингами. Классификация тональности включила в данном случае четыре категории: к трем указанным выше видам оценки добавились благодарственные/поздравительные посты, то есть более развернутый речевой акт (который, однако, не несет особого содержательного и эмоционального смысла). На приведенных диаграммах видно, что нейтральная тональность в содержании отзыва часто коррелирует с са-

дальности высказывания, транслируемого через слова и синтаксис, и выявления отношения индивида к предмету высказывания. По этой причине коммерческие организации стали использовать анализ тональности для изучения настроений потенциальных покупателей относительно своих продуктов [Там же, с. 79]. Но для этого не нужно выделять девять категорий эмоций [Там же, с. 80] или различать в тексте тональность/эмоции *радости, грусти, гнева*, например. Во-первых, это крайне ненадежно, и, во-вторых, для понимания коммуникативной реакции потребителя на продукт абсолютно **избыточно**. Наши три категории дополняются иногда поздравительными постами, в которых тональность связана теснейшим образом с жанровой формой.

мой низкой оценкой при выставлении балла. Рисунок 4 иллюстрирует эту тенденцию более четко.

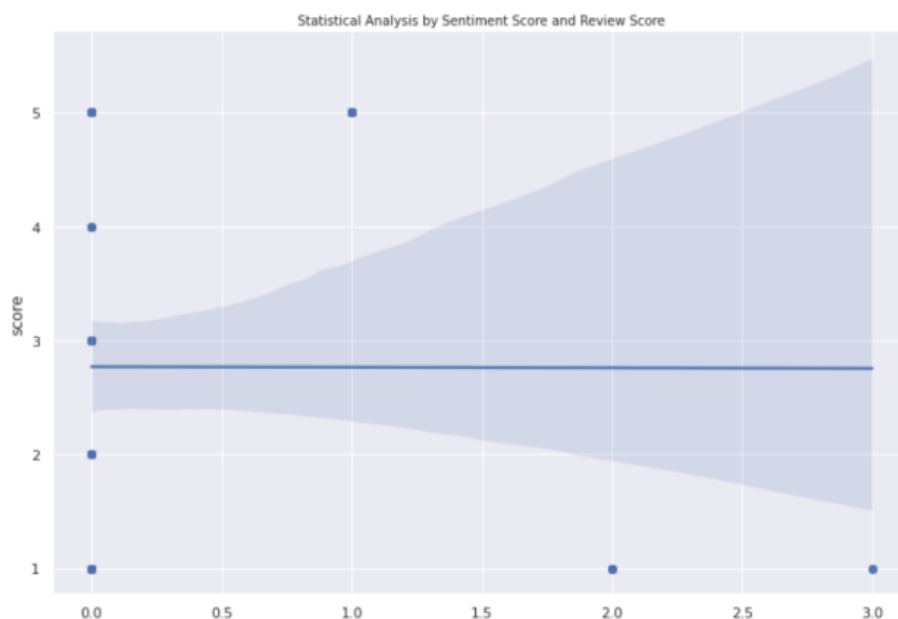

Рис. 4. Соотношение оценки и настроения в текстовом отзыве (приложение Medisafe)

Fig. 4. The ratio of rating and mood in the text review (Medisafe app)

Из графика следует, что более низкий рейтинг в обзоре имеет тенденцию к нейтральному настрою (0). Так, проведенный анализ сделал возможным предположение о следующей тенденции: человек может быть недоволен пользовательским опытом (что выражается в разбросе тональности отзыва от негативной до нейтральной), однако его цель – донести до разработчиков, что именно в состоявшемся коммуникативном акте неприемлемо. Обратившись к точечному анализу сообщений с такой оценкой, мы выяснили, что достаточно часто такие отзывы заканчиваются прямой просьбой провести доработку: <...> *Очень напрягает, исправьте плиз* (отзыв написан 10.12.2018, тональность – «нейтрально», балльная оценка – «3»).

Даже если предположить, что не все отзывы с низкой или средней оценкой будут соответствовать выведенной гипотезе, их главный посыл сохранится. При этом анализировать явно хвалебные отзывы не имеет смысла, так как никакой конкретики об опыте коммуникативного взаимодействия с приложением мы не получим. Наоборот, при тональности от негативной до нейтральной пользователь ставит более низкую оценку, однако именно эти отзывы могут содержать наиболее важную информацию о потребностях потребителя, то есть информировать о важных характеристиках желаемого коммуникативного взаимодействия.

Ниже приведено облако слов с визуализацией их значимости для содержания текстов. В анализе учтены отзывы с низкой оценкой (1 и 2 балла) и нейтральной тональностью (рис. 5).

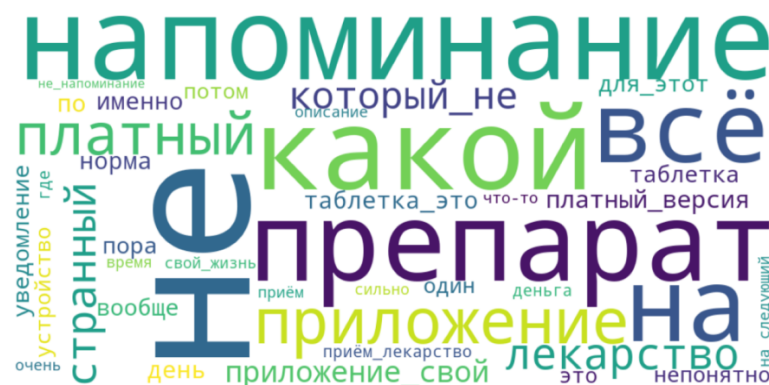

Рис. 5. Облако слов, вносящих вклад в содержание отзывов с низкой оценкой и нейтральной тональностью

Fig. 5. Word cloud contributing to the content of low-scoring reviews with neutral sentiment

Такое облако дает представление о ряде проблем, на которые пользователи чаще всего обращают внимание при использовании продукта. Характерным оказалось, например, что пользователей раздражают «избыточные» и назойливые уведомления, что существенно отличает данную сферу мобильных разработок от коммуникативного взаимодействия с приложениями, ориентированными на разные способы обмена информацией (социальные и новые медиа) или игровые ситуации (игры, квесты, учебные приложения). Можно предположить, что система интеракций, завязанных на уведомлениях, – это надстройка над линейной коммуникативной моделью, которая по сути является ложным базисом в процессе взаимодействия пользователя и приложения. Это означает, что в чистом виде коммуникативный акт в системе «приложение – пользователь» на самом деле начинается со стороны пользователя как инициатора, а не приложения. Ранее это не являлось очевидным (как и во многих других сферах применения мобильных разработок) с учетом концепта «напоминания» как идейной основы выбранного сегмента приложений.

Дополнительную информацию о коммуникативном поведении потребителей и модели дает анализ квази-синонимов и взаимосвязей семантических кластеров графа, полученного на основании тематического моделирования текстов отзывов (рис. 6).

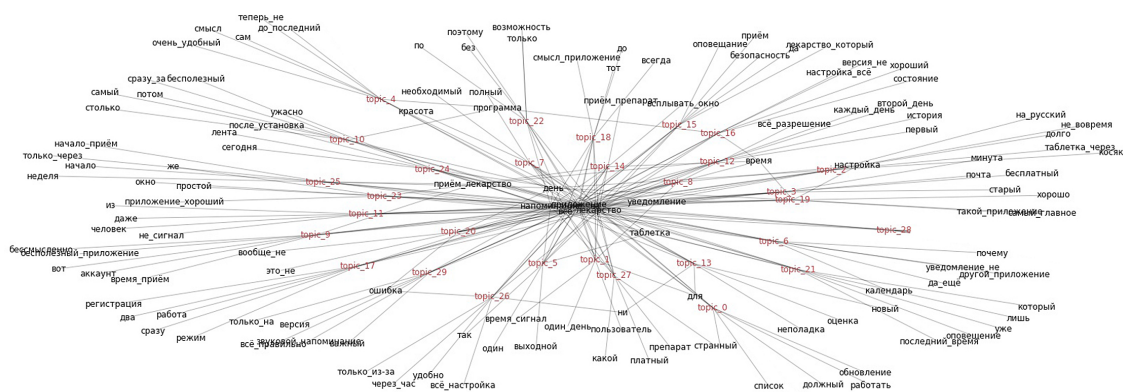

Рис. 6. Взаимосвязь тем, поднимаемых в содержании отзывов с низкой оценкой и нейтральной тональностью

Fig. 6. Correlation of topics raised in the content of reviews with a low rating and neutral sentiment

Особого внимания заслуживают замечания пользователей относительно концепции авторизации в приложении, которые представляют немаловажную отличительную черту ана-

лизируемого типа коммуникативного акта. Оказываясь в ситуации сознательного исключения из коммуникативной модели дистантного антропоцентра³, пользователь хочет сохранить максимальный уровень анонимности. Эта установка коррелирует в отзывах с его заявлением об отсутствии желания регистрироваться в приложении. Действительно, если провести параллель с соседними сферами применения мобильных приложений, то вопрос о необходимости личного кабинета редко возникает в сознании человека. Это можно объяснить наличием устоявшихся правил поведения большинства, выступать против которых нет смысла. Однако сфера медицинских приложений к устоявшимся не относится, а потому хорошо проявляет негативную реакцию индивида на запрос информации о себе.

Соответственно, на графе четко выделились две особенности коммуникативного акта с приложением: 1) индивид хочет выступать актором диалога (в терминах ролевой модели – хочет управлять приложением, а не подчиняться ему); 2) индивид хочет оставаться неузнанным настолько, насколько это возможно. Психологический мотив может быть следующим: отказ от контакта с «живым» адресантом для выстраивания линейной цепи коммуникативного взаимодействия, конечной точкой которого должно стать решение поставленной задачи, связан с тем, что человек не хочет посвящать третьих лиц в суть проблемы. Этот вывод становится очень важным в текущей обстановке, когда в сфере прикладных гуманитарных разработок активно создаются всевозможные чат-боты для оказания психологической помощи.⁴ Концепция анонимности в рамках создания ролевой модели взаимодействия «индивид – бот» в принципе продиктована юридическими особенностями сферы применения, однако неочевидно, что и достаточно пространные вопросы (например, «Сколько вам лет?» и «Из какого вы города?») также затрудняют возможность продолжения коммуникации.

В рамках анализа содержания отзывов на приложение также был выявлен тематический кластер, содержательная специфика которого заключалась в замечаниях пользователей относительно особенностей интерфейса: их не устраивали методы назначения дозировок и времени начала приема препарата. Кластер помог сформулировать третью важную особенность коммуникативного акта в системе «пользователь – приложение». Она заключается в том, что у человека появляется запрос на самоочевидность и адаптированность интерфейса под конкретный запрос. В этой связи стоит отметить, что в устоявшихся сферах использования мобильных приложений коммуниканты довольно лояльно относятся к редизайну «старых» концепций работы приложений, иными словами, следуют за намерениями разработчика. Однако в системе, где инерция поведения еще не выработалась, такие «новшества» противоречат изначальным интересам пользователя, который предполагает коммуницировать с приложением для решения своих задач, а значит, точно знает, какая логика действий и какой функционал внутри интерфейса ему подходит лучше всего.

3. Коммуникативные факторы, влияющие на загрузку приложений

В рамках исследования массивов комментариев была предпринята попытка выделить закономерные факторы, влияющие на мотивацию загрузить приложение, мотивацию индивида к первой итерации коммуникативного акта с приложением. Это стало возможным благодаря выявленной на предыдущем шаге тенденции пользователей сообщать в своих отзывах предысторию установки. На рисунке 7 показано облако, демонстрирующее ключевые слова, которыми характеризуются причины установки (то есть интерес) приложения пользователями. Слева отражена общая картина, справа – вариант с предобработкой полученного массива текстовых

³ Это утверждение справедливо, поскольку в целом индивид, выбирая мобильное приложение, всегда совершает выбор в пользу погружения в легкую виртуальную реальность, отказываясь тем самым от возможностей офлайн-среды для решения поставленных задач.

⁴ Такие разработки проводятся со стороны организаций, занимающихся проблемами насилия, зависимостей и т. п.

данных (был сформирован список стоп-слов, не релевантных для нашего исследования, которые касались таких параметров, как выбор операционной системы, рефлексия пользователей о цене приложения и т. п.).

Рис. 7. Ключевые слова, иллюстрирующие основные мотивации к установке приложения

Fig. 7. Keywords illustrating the main motivations for installing the application

Как видно из правой части приведенного облака слов, мотивация установить приложение связана с тремя основными факторами: 1) решение задачи; 2) потребность в коммуникации с людьми, имеющими схожие проблемы; 3) влияние социальной группы.

Чтобы сделать дальнейшие выводы о факторах, влияющих на мотивацию к установке, тексты пользователей были векторизованы с помощью Laser. Данная модель позволяет обобщать различные языки речевого обращения в общем векторном пространстве, в котором векторы одинаковых по смыслу слов находятся близко друг к другу вне зависимости от языков, используемых пользователями [Artetxe et al., 2018]. Кроме того, данная модель позволяет векторизовать целые приложения. Чтобы интерпретировать отношения между векторами, мы использовали метод визуализации многомерного пространства векторного представления слов t-SNE [Maaten, Hinton, 2008], базовый принцип работы которого заключается в сокращении попарных расстояний между точками при сохранении их относительного расположения. Метод сводился в нашем конкретном случае к выделению весомого ключевого слова и просмотру связанных с ним слов, которыми пользователи описывали свою мотивацию. В результате через визуализацию был получен доступ к облакам взаимосвязанных слов.

Стоит отметить, что детальный анализ рассказов пользователей о принятии решения установить приложение выявил чувство незащищенности у людей при вступлении в акт коммуникации с приложением. В 71 % от общего количества отзывов упоминалось, что установка приложения тесно связана с анализом потенциальных рисков (его безопасностью, сохранностью персональных данных, оценкой вероятности получения нужного функционала и т. п.). Для преодоления этого барьера 76 % пользователей подробно изучали отзывы о приложении, его рейтинг (продемонстрировав тяготение к разработкам с текущим рейтингом 4 балла и выше) и количество загрузок (значимость параметра упоминается в 79 % текстов, пользователи анализируют соотношение рейтинга и количества скачиваний). В целом эти данные подтверждают отсутствие импульсивности будущего коммуникативного акта: человек предпочитает быть инициатором взаимодействия с приложением и тщательно выбирает его. Соответственно, последующее разочарование и удовлетворение от коммуникативного взаимодействия будут связаны в первую очередь с оценкой соответствия приложения запросу на безопасность.

Среди проанализированных ключевых слов особое внимание привлекает упоминание важности чата с другими пользователями. Следовательно, несмотря на стремление сохранить анонимность и сэкономить время (в том числе через упоминание доступности мобильного приложения в любое время суток), для пользователя важна возможность перейти в многомерное пространство, которое будет одновременно содержать интеракцию с приложением и чат с собеседниками. Для виртуальной реальности концепция наличия социальной сети является уже непереносимым условием коммуникативного комфорта человека: он получает возможность в любой момент проверить полученную информацию или свой вывод с помощью обращения к сгенерированной вокруг определенной проблемы социальной группе [Шабаев, Садохин, 2012]. Таким образом, коммуникативный акт внутри виртуальной реальности – это возможность для индивида пребывать сразу в двух состояниях одновременно: быть свободным от «широкого» социума, решая проблемы с помощью основного функционала приложения, и быть генератором временной социальной группы вокруг своей частной проблемы. Другими словами, мы наблюдаем перемещение вектора коммуникативной активности, влекущее за собой трансформацию способа решения поставленной в начале коммуникации задачи. Наш вывод совпадает с рядом исследований (см., например, [Antoniadis et al., 2019]), в рамках которых ученые на основании работы с фокус-группами выявили, что интерактивность может выражаться не только через интерфейс, но также через предоставление возможности социального взаимодействия.

Однако необходимо упомянуть, что из общего количества исследуемых приложений только 9 % разработок предлагают инструменты обмена информацией между пользователями или функцию социальной сети.⁵

Анализ отзывов выявил также запрос индивидов на простоту использования интерфейса приложения. Это связано с конкретностью целей его установки, что заметно на рисунке 7: выбирая интерактивность интерфейса в качестве «собеседника», пользователь желает получить не многофункциональную игрушку, а только нужный ему ответ, потратив при этом на взаимодействие максимально короткое время. Вместо привычной открытости диалога, когда расчет на «правильный» ответ отсутствует как повод для коммуникации, в нашем случае, наоборот, видна потребность в конечности (результативности, «закрытости») коммуникативного взаимодействия. В этом случае справедлива следующая схема: начало диалога со стороны пользователя → ожидаемый ответ интерфейса → конец коммуникации и переход индивида в режим ожидания следующей активации взаимодействия.

В ходе анализа текстов была выявлена тенденция упоминать в качестве мотиватора к установке условное или конкретное третье лицо (друга, советчика, лидера мнений). Подробный анализ этого фактора проведен не был, но появилась гипотеза, что среди аудитории пользователей мобильных приложений можно выделить социальную группу, объединенную по признаку возраста; предположительно это люди до 25 лет, которые склонны следовать за трендами, популярными среди ровесников. Такая тенденция подразумевает наличие еще одного базисного свойства: получается, что некий претендент на роль лидера мнений должен был изначально просмотреть каталоги приложений, выявить новые разработки, оценить их функционал, а затем распространить информацию среди своей социальной группы (нулевая точка распространения информации). Гипотеза такого уровня может частично подтверждаться общими правилами распространения трендов в обществе. Более подробное исследование процесса формирования трендов в контексте вербальных интеракций с мобильным приложением кажется достаточно перспективной темой, так как здесь также прослеживается многоуровневая коммуникативная модель в качестве основы явления. Однако, судя по данным, которые анализировались в рамках предложенного анализа, для исследования этого феномена актуальнее

⁵ По крайней мере, такой вывод можно сделать при анализе их официальных описаний.

уход от методов компьютерного анализа текстов в сторону классического аппарата прикладной социологии (выделение фокус-групп и проведение опросов).

Заключение

В рамках данного исследования проанализирована возможность рассматривать взаимодействие пользователя с мобильным приложением как коммуникативный акт. Нулевая гипотеза заключалась в том, что для проверки предположения необходимо обратиться к анализу мобильных разработок из такой сферы, где система триггеров и шаблонов, которые «заслоняют» изначальные интенции пользователя через культурный код и пиар-деятельность разработчиков, еще не сложилась. Поэтому внимание было сфокусировано на мобильных приложениях в сфере здравоохранения. Первый и главный вывод исследования таков: взаимодействие с мобильным приложением можно действительно интерпретировать как разновидность коммуникативного взаимодействия. Роль адресанта, детерминированная классической линейной коммуникативной моделью (адресант – канал – адресат) в таком случае передается интерфейсу приложения или, в нашей терминологии, интерактивности. Характеристиками интерактивности являются: 1) подчеркивание индивидом своей интенции стать активным актором, отказавшись от пассивности адресата на первой итерации в классическом варианте диалога; 2) потребность в анонимности; 3) желание получить единственно верный ответ (неприятие развития сюжета диалога); 4) потребность выйти за рамки коммуникации типа «один к одному» в пользу коммуникации «один ко многим», удовлетворяемая функционалом чата как функции приложения.

Последняя характеристика задает важную особенность рассматриваемого коммуникативного акта: потенциальную возможность быстрой трансформации линейной коммуникативной модели в многомерную и, как следствие, изменение через эту трансформацию стратегии решения проблемы человека. Стоит отметить, что в ходе исследования выявилась зависимость пользователей от базовых характеристик виртуальной реальности, предоставляемых интерфейсом мобильных приложений. Отсутствие установленных приложений является своеобразным барьером в коммуникации с социальными группами, с которыми индивид себя соотносит как в офлайн-, так и онлайн-среде. Отсюда следует вывод, что намерение вступить в коммуникацию с приложением строится на двух мотивационных факторах: 1) потребности в решении конкретной задачи, 2) желании оставаться в контакте со своей группой.

Список литературы

- Antoniadis I., Paltsoglou S., Patoulidis V.** Post popularity and reactions in retail brand pages on Facebook. *Int J Retail Distrib Manag.* 2019. Vol. 47. Pp. 957–973.
- Artetxe M., Schwenk H.** Massively multilingual sentence embeddings for zero-shot cross-lingual transfer and beyond // *Transactions of the Association for Computational Linguistics.* 2018. Vol. 7. Pp. 597–610.
- Maaten L., Hinton G.** Visualizing data using t-SNE // *Journal of machine learning research.* 2008. Vol. 9. Pp. 2579–2605.
- Борисова Е. Г.** Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // *Верхневолжский филологический вестник.* 2016. № 4. С. 140–143.
- Майорова Е. В.** О сентимент-анализе и перспективах его применения // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал.* 2020. № 4. С. 78–87.
- Шабает Ю. П., Садохин А. П.** Культурные границы и маркеры в этническом пространстве современной России. Опыт Case Study // *Общественные науки и современность.* 2012. № 6. С. 166–173.

References

- Antoniadis, I., Paltsoglou, S., Patoulidis, V.** Post popularity and reactions in retail brand pages on Facebook. *Int J Retail Distrib Manag.*, 2019, vol. 47, pp. 957–973.
- Artetxe, M., Schwenk, H.** Massively multilingual sentence embeddings for zero-shot cross-lingual transfer and beyond. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 2018, vol. 7, pp. 597–610.
- Maaten, L., Hinton, G.** Visualizing data using t-SNE. *Journal of machine learning research*, 2008, vol. 9, pp. 2579–2605.
- Borisova, E. G.** Marketing linguistics: prospects and trends. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 140–143. (in Russ.)
- Mayorova, E. V.** On sentiment analysis and prospects for its application. *Social and humanitarian sciences. Russian and foreign literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract journal*, 2020, no. 4, pp. 78–87. (in Russ.)
- Shabaev, Yu. P., Sadokhin, A. P.** Cultural boundaries and markers in the ethnic space of modern Russia. Case Study Experience. *Social Sciences and Modernity*, 2012, no. 6, pp. 166–173. (Russ.)

Информация об авторе

Чижик Анна Владимировна, кандидат культурологии, ведущий аналитик, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; кафедра информационных систем в искусстве и гуманитарных науках, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Information about the Author

Anna V. Chizhik, leading research engineer, National Center for Cognitive Technologies of ITMO University; senior lecturer, Department of Information Systems in Arts and Humanities, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 23.03.2022;
одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 31.10.2022
The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 23.06.2022;
accepted for publication 31.10.2022*

Научная статья

УДК 81.33, 81.322.2

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-90-106

Об одном подходе к автоматической суммаризации потребительских отзывов

Надежда Сергеевна Чечнева

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

chechnevanadegda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1987-0244>

Аннотация

Потребительские отзывы являются важным аспектом электронной коммерции, они влияют на коммуникативное поведение потенциального адресата (покупателей). Пользователи часто читают их, чтобы получить общее либо конкретное представление о продукте или услуге. Компании анализируют отзывы клиентов для усовершенствования своих продуктов и/или для корректировки маркетинговой стратегии. Однако из-за слабой структурированности отзывов и быстро возрастающего количества, их изучение становится трудоемким процессом как для пользователей, так и для компаний. Вследствие этого повышается актуальность проблемы автоматической суммаризации потребительских отзывов. В данной статье предлагается новый подход к решению этой задачи, разработанный на основе проведенного и апробированного исследования отзывов о цифровой и бытовой технике. Он позволяет структурировать и расположить тексты отзывов в соответствии с тематической иерархией аспектов, предоставить сводную информацию об их тональности (количестве положительных и отрицательных упоминаний тех или иных аспектов), а также показать наиболее релевантные предложения. Исследование строится на материале текстов отзывов, собранных с интернет-ресурса «Яндекс.Маркет». Подробно описан процесс суммаризации отзывов, включающий несколько этапов: 1) экспертное формирование перечня тематических классов аспектных терминов; 2) классификация предложений по заданным классам аспектов; 3) распределение предложений на два класса – положительные и отрицательные – с подсчетом количества положительных и отрицательных предложений внутри каждого класса аспектов; 4) этап ранжирования предложений; 5) этап визуализации результатов, полученных на предыдущих шагах. Качество работы алгоритма по созданию резюме из большой коллекции отзывов было протестировано на пяти моделях товаров из следующих категорий: кофемашины, роботы-пылесосы, электронные книги, телевизоры, стиральные машины.

Ключевые слова

компьютерная лингвистика, машинное обучение, суммаризация отзывов, анализ тональности, векторизация предложений, ранжирование предложений

Благодарности

Мы благодарим «Яндекс.Маркет» и «УМ Сканнер» за материалы для исследования.

Для цитирования

Чечнева Н. С. Об одном подходе к автоматической суммаризации потребительских отзывов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 90–106. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-90-106

© Чечнева Н. С., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

An Approach to Summarizing Product Reviews

Nadezhda S. Chechneva

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

chechnevanadegda@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1987-0244>

Abstract

Product reviews are an important feature of e-commerce because they influence the communicative behavior of a potential addressee (customers). Users often read online product reviews to get either general or specific information about a product or service. Besides, companies analyze customer reviews to improve their product quality or to adjust their marketing strategy. However, many reviews are unstructured and long. With the number of product reviews growing rapidly, reading a large number of reviews becomes a time-consuming process for both users and companies. Therefore, review summarization becomes a serious issue. In this paper, we propose a new approach to summarizing reviews of electronics and household appliances. The proposed approach makes it possible to structure information for every aspect category; it provides calculation sentiment score for each aspect category, and shows the most relevant sentences for each aspect. We used product reviews from Yandex.Market as target data. Our task was performed in five main phases: 1) expert identification of thematic aspect categories; 2) classifying sentences into the predefined aspect categories; 3) sentence classification into two classes—positive and negative—with calculating the number of both type sentences within each aspect category; 4) sentence ranking; 5) visualization of the results obtained in the previous phases. The quality of the algorithm for creating a resume from a large collection of reviews has been tested on five models of products from the following categories: coffee machines, robot vacuum cleaners, e-books, TV-sets, and washing machines.

Keywords

computational linguistics, machine learning, review summarization, sentiment analysis, sentence embeddings, sentence ranking

Acknowledgements

We are grateful to Yandex.Market and YM Scanner for the research materials.

For citation

Chechneva N. S. An Approach to Summarizing Product Reviews. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 90–106. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-90-106

Введение

В условиях информационного общества сфера электронной коммерции с каждым годом расширяется. Одним из ее неотъемлемых атрибутов являются отзывы на продукцию, которые выступают в качестве проводника между пользователями и компаниями. В них пользователи делятся своим опытом использования товара, рассказывают, по каким критериям они его выбирали, указывают на достоинства и недостатки. Компании, в свою очередь, могут использовать отзывы как источник обратной связи от покупателей для усовершенствования своих продуктов или для корректировки стратегии. Отзывы богаты такого рода информацией, но сложность заключается в ее извлечении. Дело в том, что такие тексты обычно слабо структурированы. Кроме того, если какая-то модель товара популярна, то только на одну эту модель могут быть написаны десятки тысяч отзывов. Все это затрудняет получение необходимой информации как для пользователей, так и для компаний.

Вышеописанные трудности привели к возникновению такого направления, как суммаризация отзывов (product reviews summarizing). Первые работы по суммаризации отзывов появились примерно в то же время, когда зародилась новая область, получившая название «Анализ тональности» (Sentiment Analysis), то есть в начале 2000-х гг. В отличие от аспектного анализа тональности (aspect-based sentiment analysis), задача которого заключается в определении отношения к конкретному аспекту основного объекта, суммаризация отзывов предполагает некое обобщение мнений людей относительно аспектов на основании нескольких документов.

Задача суммаризации отзывов проистекает из традиционной задачи суммаризации текстов. Однако, согласно статье [Mithun, 2009], суммаризация субъективных документов¹ сложнее, чем суммаризация объективных документов. Так, в статье приводится сравнение суммаризации новостей и блогов, и результаты для блогов – субъективных текстов – хуже, чем для новостей. Это объясняется тем, что в субъективных текстах люди выражают мнения неформальным (то есть обиходно-разговорным) языком, отвлекаясь на темы, не имеющие, строго говоря, отношения к предмету обсуждения (хотя сам пишущий может быть уверен в обратном). Все это усложняет суммаризацию.

Примером суммаризации может послужить задача извлечения наиболее часто упоминаемых аспектов и вычисление их усредненных оценок. Возможен и другой вариант – автоматическое создание краткого резюме на основе множества отзывов на определенный товар. Реализуя подобные задачи, онлайн-сервисы значительно упрощают процесс ознакомления с отзывами. Так, сервис для выбора и покупки товаров «Яндекс.Маркет» реализовал алгоритм, который определяет, какие достоинства и недостатки данного товара упоминают чаще всего.

Таким образом, существует потребность в структурной организации отзывов. Одним из возможных вариантов решения этой задачи могло бы стать, с одной стороны, выявление перечня тематических классов аспектов верхнего уровня, присущих широкому кругу товаров из разных категорий, а с другой – детализация и адаптация полученной системы тем под конкретную категорию или модель товара. В данной работе предложен аспектно-ориентированный алгоритм суммаризации отзывов на товары из нескольких категорий.

1. Подходы к суммаризации отзывов

В работах по суммаризации отзывов можно выделить два подхода:

- *экстрактивный*, заключающийся в извлечении из исходных текстов наиболее «значимых» блоков;
- *абстрактивный*, целью которого является генерация нового текста, обобщающего исходные документы.

Сравнение экстрактивного и абстрактивного подходов к суммаризации дается в работе [Condori, 2017]. Мы же в своем обзоре сфокусируемся на экстрактивном, поскольку он наиболее близок к методологии нашего исследования.

Один из первых экстрактивных подходов к суммаризации отзывов, ставший к настоящему времени классическим, был предложен в работе [Hu, Liu, 2004]. Авторы ставят задачу суммаризации отзывов, мотивируя ее возрастанием количества онлайн-отзывов, что затрудняет их прочтение потенциальным покупателем, которому нужно принять взвешенное решение о покупке. Авторы подчеркивают, что от традиционной суммаризации текстов задача суммаризации отзывов отличается тем, что для последней значение имеют только те характеристики продукта, по которым потребители выразили свое мнение в той или иной форме. Данную задачу они решают в три этапа: 1) извлечение аспектов продукта, наиболее часто упоминаемых в отзывах; 2) идентификация положительных и отрицательных предложений, относящихся к каждому аспекту; 3) составление итогового резюме.

Результат такой суммаризации для цифровых камер они иллюстрируют в виде схемы, представленной на рисунке 1, которая основана на характеристиках.

В работе [Mukherjee, 2012] решается задача отнесения аспектных терминов к тематическим классам. Авторы предлагают подход, который предполагает описание предметной области в виде исходных слов для каждой категории аспектов. Так, категория STAFF описывается следующими исходными словами: staff, service, waiter, hospitality, upkeep. Авторы проводят эксперименты с разным количеством исходных слов, от двух до пяти, при этом общее число

¹ То есть документов, в которых обычно не соблюдаются нормы официально-деловой речи.

аспектных терминов в каждой категории – 30. В работе приводятся данные о том, как меняется точность соотнесения аспектов с категориями при разном количестве исходных слов.²

<i>Цифровая_камера_1:</i>	
Характеристика: качество фотографий	
Положительные: 253	<примеры предложений>
Отрицательные: 6	<примеры предложений>
Характеристика: размер	
Положительные: 134	<примеры предложений>
Отрицательные: 10	<примеры предложений>
...	

Рис. 1. Пример суммаризации

Fig. 1. Example of a summary

В работе [Zhai et al., 2011] основное внимание уделяется задаче кластеризации аспектных терминов. Поскольку один и тот же аспект продукта люди могут называть множеством разных слов, то целесообразно сгруппировать их в кластеры. Для решения этой задачи в статье используется алгоритм Expectation-Maximization.

В статье [Yu et al., 2011] авторы предлагают собственный подход к иерархическому представлению аспектов продукта. Он состоит из четырех этапов: 1) построение исходной иерархии аспектов товара на основе перечня характеристик товара, представленных в спецификации; 2) извлечение потенциальных аспектов из «достоинств» и «недостатков» отзывов; 3) подсчет семантической близости аспектов; 4) итоговая генерация иерархии аспектов.

У [Kim, 2013] также формулируется гипотеза о том, что отзывы содержат скрытую структуру аспектов, которые естественным образом могут быть организованы в иерархию, и каждый из узлов этой иерархии состоит из аспекта и связанных с ним оценок. Для подтверждения этой гипотезы они ставят задачу порождения такой иерархии. Для этого в работе используется непараметрический байесовский метод «Китайский ресторан».

В работе [Akhtar et al., 2017] представлен подход к суммаризации отзывов на отели. Авторы мотивируют актуальность исследования тем, что при бронировании отелей пользователи опираются на отзывы и рейтинги, однако у большинства туристов нет времени на прочтение всех отзывов, а рейтинги не дают полного представления об отелях. Поэтому авторы предлагают подход, включающий: 1) классификацию предложений из отзывов на десять предопределенных классов, полученных экспертным путем; 2) применение тематического моделирования LDA для выявления тем внутри каждого класса.

В рамках нашего исследования была выбрана реализация экстрактивного подхода. Мы исходили из того, что, во-первых, данный подход более популярен на сегодняшний день в электронной коммерции, во-вторых, такой подход относительно проще адаптировать к разным предметным областям, и, в-третьих, этот подход позволяет получить доступное для интерпретации структурированное резюме. При этом следует отметить, что абстрактный подход имеет свои преимущества и является популярным и перспективным направлением исследований.

² В других терминах это фрейм и его базовые лексические компоненты, ситуативно и ассоциативно связанные с именем фрейма. – Прим. авт.

2. Предложенный подход к суммаризации отзывов и материал исследования

2.1. Характеристика и обоснование предложенного подхода

Мы предлагаем подход к суммаризации отзывов, который является модификацией классического экстрактивного подхода. Основное отличие заключается в том, что в качестве первого этапа происходит не извлечение наиболее упоминаемых аспектов отдельно для каждого товара, а экспертное установление перечня тематических классов аспектов для широкого класса товаров.

Из характеристики отзыва и огромного количества предметных областей само собой следует, что в данный момент невозможно выработать совершенно законченный и исчерпывающий перечень классов аспектов, подходящий для любого вида отзывов. Тем не менее было бы неверным утверждать, что у отзывов не существует общих тем. Так, интуитивно понятно, что отзывы на фильмы и на смартфоны будут иметь мало общих аспектов, а отзывы на ноутбуки и смартфоны будут иметь больше пересечений. Можно предположить, что потребитель в процессе написания отзыва опирается на определенные представления о качестве продукта, что позволяет выделить наиболее часто встречающиеся группы характеристик. Таким образом, составление тематических классов для всех видов отзывов представляется слишком обширной задачей, поэтому в нашем исследовании мы ограничиваемся конкретным, но достаточно широким классом товаров – бытовой и цифровой техникой.

В общем виде предложенная нами модель включает следующие этапы³, представленные на рисунке 2.

Рис. 2. Этапы предложенного подхода к суммаризации отзывов

Fig. 2. Steps of the approach to product reviews summarization

2.2. Материал исследования и предобработка данных

В качестве материала для исследования мы использовали отзывы о цифровой и бытовой технике с сервиса для выбора и покупки изделий «Яндекс.Маркет».

Было отобрано пять моделей товаров, относящихся к разным категориям: кофеварки, роботы-пылесосы, стиральные машины, телевизоры, электронные книги.

Разметка отзывов проводилась экспертным путем. Процедура разметки включала следующие шаги:

1. Отзывы автоматически разбивались на предложения при помощи библиотеки nltk.
2. Предложения, не содержащие аспектов, на этапе аннотирования экспертом исключались, поскольку задачу извлечения предложений, содержащих мнения, мы не решаем.
3. Предложения, содержащие два и более аспекта, вручную разделялись (в тех случаях, где это было возможно) на разные предложения. Так, предложение *Отличное качество, прочная сборка* разделялось на два: *отличное качество* и *прочная сборка*. В тех случаях, когда пред-

³ Исходный код и материалы исследования доступны по ссылке: <https://github.com/nchechneva/summarizing-customer-reviews>.

ложение нельзя было разделить без изменения синтаксической структуры (переписывания) или добавления новых слов, оно помечалось как содержащее несколько аспектов и в итоговый датасет не включалось.

4. Каждому предложению присваивалась метка класса аспекта из установленного перечня и метка тональности: положительная или отрицательная.

Итоговый размер тренировочной и тестовой коллекции данных для каждой модели товара представлен в таблице 1.

Таблица 1

Размер тренировочной и тестовой коллекции данных для каждой модели товара

Table 1

The Training and Test Dataset Size for Each Product

Товар	training/test	Количество отзывов	Количество предложений
Кофеварка рожковая VT-1518	test	204	596
	train	171	412
Робот-пылесос RV- R304	test	157	597
	train	147	409
Стиральная машина EW6S4R06W	test	173	530
	train	151	352
Телевизор 42PFL5405H	test	121	589
	train	114	402
Электронная книга PRS-T2 2 ГБ	test	117	599
	train	111	402
Итого		1 466	4 888

3. Характеристика этапов процесса суммаризации отзывов

3.1. Установление перечня тематических классов аспектов

Задача установления тематических классов аспектов довольно сложна, поскольку требования и ожидания относительно продуктов у всех пользователей разные, и, следовательно, спектр затрагиваемых аспектов чрезвычайно широк.

Помочь в выделении тематических классов аспектов, на наш взгляд, может обращение к концептуальному представлению рассматриваемого класса изделий, а именно понятия «техника». Согласно В. Ш. Рубашкину [2012, с. 221], объекты техники описываются тремя группами характеристик:

- Функциональные – описание предназначения изделия.
- Структурные – описание конструкции изделия, то есть его подсистем, модулей, деталей, узлов и их пространственной взаимосвязи.
- Специфические параметры, имеющие точное количественное выражение: мощность, номинальное напряжение питания и т. д.

Далее нам необходимо перейти к выделению классов аспектов, затрагиваемых в отзывах.

Вопрос о номенклатуре тематических классов аспектов можно отнести к малоизученным, однако здесь можно провести аналогию с близкой по своей сути проблематикой, обсуждавшейся задолго до появления анализа тональности. В экономике и маркетинге было проведено большое количество исследований в области анализа потребительского поведения. Начиная

с 1950-х годов широкое распространение получили мультиатрибутивные модели товара, основная идея которых заключалась в том, что покупатель формирует целостное отношение к товару по совокупности его отдельных характеристик. М. Розенберг [Rosenberg, 1956], М. Фишбейн [Fishbein, 1963] и К. Ланкастер [Lancaster, 1966] предложили модели количественной оценки отношения к продукту. В 1960-х годах получила распространение модель Ф. Котлера [Kotler, 1967], согласно которой в любом товаре можно выделить три уровня:

1. Товар по замыслу – основная функциональная характеристика товара, основная выгода для потребителя.
2. Товар в реальном исполнении – набор полезных для потребителя характеристик, его внешний вид, эргономические, эстетические свойства.
3. Товар с подкреплением – дополнительные признаки, включая послепродажное обслуживание, гарантию, сервис, доставку.

Затем стали исследовать атрибуты товаров, появляются работы о потребительском выборе как иерархическом процессе [Howard, 1977], о континууме атрибутов от конкретного к абстрактному и об отношениях между атрибутами [Johnson, 1984].

В плановой советской экономике осмысление процессов потребительского поведения носило рационально-прикладной характер. Это привело к возникновению различных ГОСТов, методических рекомендаций. Так, в 1979 году был разработан документ «Товары народного потребления. Выбор номенклатуры потребительских свойств и показателей качества. Основные положения» (РД 50-165-79). В нем выделяется шесть групп потребительских свойств, оказывающих влияние на восприятие качества товара: показатели социального назначения, функциональные свойства, надежность в потреблении (эксплуатации), эргономические, эстетические и экологические показатели, показатели безопасности.

Однако позднее модели рационального выбора подверглись критике со стороны экономистов-эмпириков, декларировавших иррациональность потребительского поведения при принятии решений [Tversky, Kahneman, 1974; Thaler, 1980]. По их мнению, люди зачастую принимают решения под воздействием информации, не связанной напрямую с потребительскими свойствами продуктов.

Результаты исследований в области потребительского поведения компании активно применяют для продвижения своих товаров, что отражается и в языке маркетинговых коммуникаций. В настоящее время появилось много работ, посвященных изучению языка рекламы и других «продающих текстов». Е. Г. Борисова предлагает выделять такие исследования в отдельную область лингвистики – маркетинговую лингвистику [Борисова, 2016]. Действительно, вопрос о влиянии «продающих текстов» на языковые оценки товаров в отзывах интересен. Однако эта задача требует подготовить специальный набор данных, включающий в себя помимо отзывов также рекламные материалы, и может стать темой отдельного исследования.

Предлагаемый обзор развития науки о потребительском поведении, конечно, не исчерпывающий. Однако он дает понять, что некоторые достижения в этой области могут быть использованы и в анализе языкового поведения потребителей. Так, идея мультиатрибутивных моделей товара перекликается с аспектным анализом тональности в том, что потребитель формирует свое отношение к продукту по набору его атрибутов. Поэтому результаты исследований в области коммуникативного поведения потребителей могут быть использованы в качестве теоретической базы для анализа тональности.

На основе этих теоретических положений и опыта эмпирического ручного аннотирования более 1,4 тыс. отзывов мы выделили шесть тематических классов аспектов, а именно:

- 1) *функциональные характеристики,*
- 2) *эксплуатационные характеристики,*
- 3) *конструкция,*
- 4) *внешний вид,*
- 5) *цена,*
- 6) *общие характеристики.*

Функциональные характеристики выделяются как В. Ш. Рубашкиным [2012], так и в модели Ф. Котлера [Kotler, 1967] и в методических указаниях о номенклатуре потребительских свойств РД 50-165-79, поэтому их выделение в отдельный класс аспектов полностью обоснованно.

Далее мы выделяем класс эксплуатационных характеристик, объединяющий специфические для техники параметры (по В. Ш. Рубашкину [2012]), признаки товара с подкреплением и часть признаков товара в реальном исполнении в модели Ф. Котлера [Kotler, 1967], а также ряд показателей качества из методических указаний о номенклатуре потребительских свойств РД 50-165-79: надежность в эксплуатации, эргономические показатели, показатели безопасности.

Следующий класс – конструкция, который мы выделяем на основе структурных характеристик по В. Ш. Рубашкину [2012]. Внешний вид мы выделяем по аналогии с эстетическими характеристиками в РД 50-165-79 и в модели Ф. Котлера [Kotler, 1967].

Потребительские отзывы как специфический вид текста связаны с покупкой, и это значит, что, помимо свойств объекта, они очень часто содержат информацию о цене. По этой причине, аспекты, связанные с ценой, мы выделяем в отдельный класс. К общим оценкам мы относим оценки товара в целом, а также аспекты, которые не вошли в другие классы.

3.2. Классификация предложений на шесть классов

Baseline-модель

На следующем этапе решалась задача сортировки предложений согласно шести описанным классам аспектов. Для этого мы разработали базовый подход (baseline), в котором в качестве признаков использовались векторы TF-IDF. Векторизации предшествовала предобработка текстов, включающая приведение к нижнему регистру, удаление небуквенных символов и удаление стоп-слов. Мы протестировали несколько популярных алгоритмов машинного обучения: Random Forest, Gradient Boosting, Naive Bayes, k-NN, SVM, Decision Tree. Для оценки качества классификации использовалась F-мера, представляющая собой гармоничное среднее точности и полноты. Она вычислялась с макро-усреднением, поскольку в наших данных наблюдается дисбаланс классов, при этом все классы одинаково важны. Результаты классификации с применением базового подхода представлены в таблице 2.

Таблица 2

Размер тренировочной и тестовой коллекции данных для каждой модели товара

Table 2

The Training and Test Datasets Size for Each Product

Продукт	Подход	Random Forest	Gradient Boosting	Naive Bayes	k-NN	SVM	Decision Tree
Кофеварка рожковая VT-1518	TF-IDF (baseline)	0,74	0,71	0,67	0,76	0,8	0,61
Робот-пылесос RV-R304	TF-IDF (baseline)	0,69	0,71	0,68	0,73	0,77	0,59
Стиральная машина EW6S4R06W	TF-IDF (baseline)	0,77	0,77	0,71	0,78	0,81	0,66
Телевизор 42PFL5405H	TF-IDF (baseline)	0,65	0,62	0,64	0,71	0,71	0,62
Электронная книга PRS-T2 2 ГБ	TF-IDF (baseline)	0,55	0,43	0,56	0,54	0,61	0,54

Для дальнейшей обработки были отобраны алгоритмы SVM, k-NN, Random Forest, показавшие лучшие результаты.

Предлагаемая модель

В качестве альтернативы базовому подходу мы предлагаем подход, который использует модель векторного представления слов FastText [Joulin et al., 2016; Bojanowski et al., 2017], обученную на собственной коллекции из ~1,1 млн отзывов. Модель обучалась со следующими параметрами: *size* = 50, *window* = 8, *min_count* = 5, *workers* = 2, *sg* = 1. Для получения векторных представлений предложений использовался метод центроидов [Brokos et al., 2016], который вычисляет вектор предложения как сумму векторов отдельных слов в предложении, взвешенных по TF-IDF, и деленных на сумму этих весов TF-IDF. Полученные векторные представления предложений далее используются в качестве данных для моделей машинного обучения.

В рамках предложенного подхода мы провели два эксперимента: первый только на размеченных данных; во втором эксперименте в полуавтоматическом режиме была расширена обучающая коллекция. Поскольку размер нашей размеченной коллекции отзывов не очень большой, мы хотели проверить идею улучшения качества работы классификатора за счет расширения обучающих данных.

Остановимся подробнее на втором эксперименте. Проблема расширения обучающего датасета возникает достаточно часто из-за отсутствия достаточного количества размеченных данных для задач классификации с применением моделей машинного обучения [d'Sa et al., 2020]. Однако мы предлагаем свой подход к расширению тренировочного набора данных с использованием метода ключевых слов (КС). Для этого эксперимента мы сформировали дополнительный корпус отзывов на интересующие нас пять категорий товаров. При этом из дополнительного корпуса были исключены отзывы на модели, участвующие в первоначальном эксперименте. Затем были выделены две категории ключевых слов (КС): *общие* (которые в целом характеризуют данный класс аспектов вне зависимости от категории товара) и *специальные* (характеризующие данный класс аспектов применительно к конкретной категории товара).

Для первичного отбора кандидатов мы рассчитали меру TF-IDF для отдельных слов, биграмм и триграмм, но немного модифицировав ее: считая вместо частоты слова в документе частоту слова в категории. В качестве обратной частоты использовалась частота по всей коллекции отзывов. Затем списки слов сортировались по убыванию меры TF-IDF и выделялись первые 100 слов для каждой из пяти категорий товара. Далее эти списки были оценены экспертом. В итоге сформировались списки тех слов, которые, по мнению эксперта, наиболее точно соответствуют тематическому классу аспектов и используются активнее других в его описании. Окончательные списки ключевых слов представлены в таблице 3.

Следующий шаг – извлечение из дополнительного корпуса предложений, содержащих КС. Для этого мы применили подход, использующий регулярные выражения. Извлеченным предложениям автоматически присваивалась метка тематического класса аспектов, соответствующая классу КС. Если предложение содержало слова из нескольких классов, то они не включались в расширенный датасет. Мы провели три эксперимента с разным размером расширенного датасета: в 10, в 30 и в 50 раз больше исходной тренировочной коллекции. Результаты всех экспериментов в сопоставлении с базовым подходом представлены в таблице 4.

Таблица 3

Ключевые слова для предустановленных классов аспектов

Table 3

Manually Defined Aspects and Their Most Frequent Keywords

Аспект	Тип ключевых слов	Ключевые слова
1	2	3
Внешний вид	общие	красив*, внешний вид, стильн*, симпатичн*, дизайн, эстет*, изящн*
Конструкция	общие	сборк*, материал, пластик, пластмасса, желез*, металл, покрытие, хлипк*, поверхность*, габарит*, занимает мало, занимает много, компактн*, узк*, зазор, легк*, тяжел*, собран, размер
Эксплуатационные характеристики	общие	надежн*, удобн*, инструкция, управление, быстр*, легко, эксплуатация*, обслуживан*, мощн*, простота, понятн*, шум, тих*, запах, интуитивн*, использован, нужно, расход, чистить, хранить, чистк*, уход, сломал, ремонт, долговечн*, потребл*, комплект, запасн*
	Специальные (кофемашины)	мыть, нагрев, наливать, проливает*, капает
	Специальные (роботы-пылесосы)	большой пылесборник, вместительный контейнер, вреза, застрев*, заряжается, заряд, батарея, аккумулятор, станц*, базу
	Специальные (стиральные машины)	вибрир*, прыгает, скачет, окончании стирки, отсек для порошка, класс энергопотребл*
	Специальные (телевизоры)	долгое переключение, переключать, hdmi, излучение, меню
Функциональные характеристики	Специальные (электронные книги)	сенсорный, навигация, подсветка, держать, аккумулятор, заряд
	общие	программ*, функц*, режим
	Специальные (кофемашины)	получается, кофе, варит, готовит, взбивает, вкус, пенка, вспенивает, аромат, эспрессо, латте
	Специальные (роботы-пылесосы)	автоматическ*, помощник, пылесосит, уборка, убирает, засасывает, всасывает, моющий, собирает, пыль, влажн*, моет, шерсть, залезает, график, угл*
Функциональные характеристики	Специальные (стиральные машины)	одеял*, отстирыв*, стир*, отжим, глажка, полоск*, сушк*, вместител*, загрузка

Окончание табл. 3

1	2	3
	Специальные (телевизоры)	скайп, плеер, тюнер, эфир, full hd, цвет, изображение, картинка, углы обзора, прием, флешка, герц, фильм, гц, засвет, звук, приём, usb, читает, формат
	Специальные (электронные книги)	ink, pdf, djvu, читает, формат, контраст, epub, pdf, шрифт, поддерживает
Общие характеристики	общие	советую, рекомендую, доволен, супер
Цена	общие	цена, ценник, дорог*, дешев*, стоимость, деньги*, цена-качество, цена/качество

Таблица 4

Оценка результатов разных моделей классификации предложений на шести предустановленных классах аспектов, выполненная при помощи F-меры

Table 4

Comparison of Different Models F-Scores in Sentences' Classification for Six Predefined Aspect Categories

Продукт	Подход	Random Forest	k-NN	SVM
	2	3	4	5
Кофеварка рожковая VT-1518	TF-IDF	0,74	0,76	0,8
	fasttext_small	0,8	0,84	0,86⁴
	fasttext_expanded_10	0,83	0,85	0,86
	fasttext_expanded_30	0,84	0,82	0,84
	fasttext_expanded_50	0,81	0,81	0,81
Робот-пылесос RV-R304	TF-IDF	0,69	0,73	0,77
	fasttext_small	0,79	0,82	0,82
	fasttext_expanded_10	0,82	0,84	0,86
	fasttext_expanded_30	0,81	0,83	0,82
	fasttext_expanded_50	0,82	0,83	0,82
Стиральная машина EW6S4R06W	TF-IDF	0,77	0,78	0,81
	fasttext_small	0,8	0,81	0,85
	fasttext_expanded_10	0,83	0,8	0,86
	fasttext_expanded_30	0,86	0,82	0,8
	fasttext_expanded_50	0,84	0,83	0,82
Телевизор 42PFL5405H	TF-IDF	0,65	0,71	0,71
	fasttext_small	0,71	0,74	0,81
	fasttext_expanded_10	0,78	0,81	0,81
	fasttext_expanded_30	0,87	0,84	0,79
	fasttext_expanded_50	0,85	0,84	0,8

⁴ Жирным выделены лучшие результаты.

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
Электронная книга PRS-T2 2 ГБ	TF-IDF	0,55	0,54	0,61
	fasttext_small	0,64	0,71	0,72
	fasttext_expanded_10	0,67	0,74	0,77
	fasttext_expanded_30	0,74	0,78	0,77
	fasttext_expanded_50	0,75	0,78	0,76

Как видно из таблицы выше, расширение тренировочной коллекции при помощи КС положительно влияет на качество классификации. В 13 из 15 случаев расширение приводит к улучшению метрики качества классификации.

Анализ тональности

На следующем шаге проводился анализ тональности на уровне предложений внутри каждого класса аспектов. Предложения были поделены на два класса: *положительные* и *отрицательные*. В тренировочную коллекцию также были добавлены предложения из расширенного датасета, полученного на предыдущем этапе. Для автоматического присваивания метки тональности мы использовали метаинформацию из той части отзыва, в которой находилось предложение (достоинства, недостатки, комментарий). Метка «-» автоматически ставилась предложениям из группы «Недостатки», а «+» – из группы «Достоинства». Предложения из «комментария» для расширения тренировочной коллекции не использовались. В качестве признаков для моделей классификации использовались те же векторы предложений, что и на предыдущем шаге. Оценка результатов классификации представлена в таблице 5.

Таблица 5

Оценка результатов разных моделей классификации предложений
по тональности, выполненная при помощи F-меры

Table 5

Comparison of Different Models F-Scores in Sentiment Analysis Task

Продукт	Подход	Random Forest	k-NN	SVM
Кофеварка рожковая VT-1518	fasttext_expanded_30	0,86	0,85	0,87
Робот-пылесос RV-R304	fasttext_expanded_30	0,9	0,91	0,9
Стиральная машина EW6S4R06W	fasttext_expanded_30	0,91	0,93	0,92
Телевизор 42PFL5405H	fasttext_expanded_30	0,92	0,91	0,91
Электронная книга PRS-T2 2 ГБ	fasttext_expanded_30	0,91	0,9	0,91

3.4. Ранжирование предложений

После классификации по тональности встала задача выбрать самые информативные предложения для итогового резюме. Для решения был выбран алгоритм TextRank [Mihalcea et al., 2004], в основе которого лежит представление текста в виде неориентированного графа. Вершинами графа являются векторы предложений, а ребра между ними имеют вес, равный схожести вершин, вычисляемый при помощи косинусного расстояния. Для итогового резюме мы отбирали по три предложения в каждом классе с наибольшим весом.

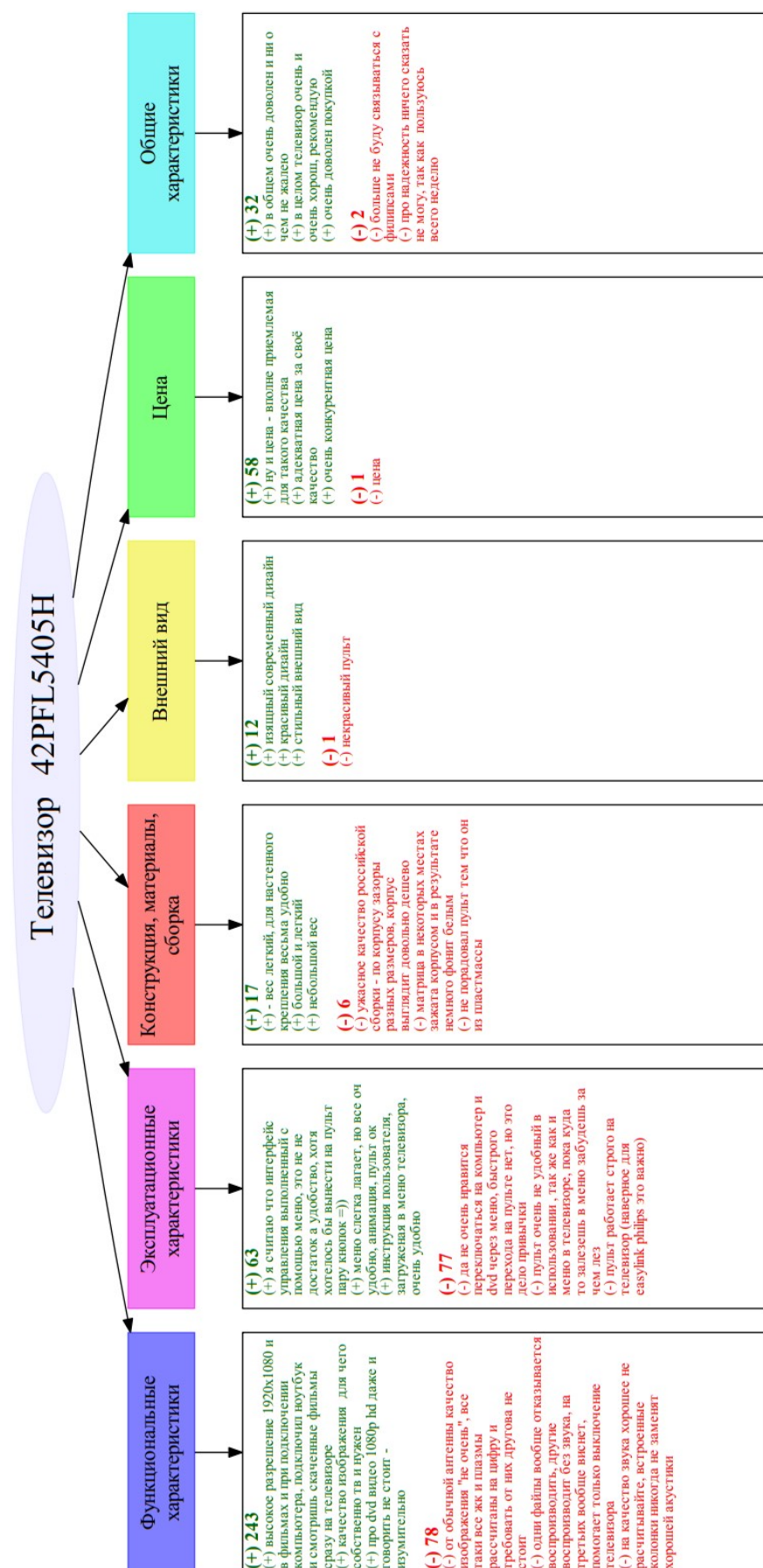

Рис. 3. Пример визуализации суммаризации отзывов на телевизор 42PFL5405H
Fig. 3. Visualization of reviews' summarization for the TV 42PFL5405H

3.5. Визуализация

Результат работы нашего алгоритма суммаризации мы визуализировали с помощью библиотеки graphviz [Ellson et al., 2004]. Пример суммаризации отзывов на Телевизор 42PFL5405H представлен на рисунке 3.

Заключение

Исследование показало, что предложенный и реализованный в статье алгоритм эффективен в решении задачи суммаризации большого количества отзывов для разных моделей товара.

Предложенный подход имеет следующие преимущества:

- 1) экспертное установление универсальных для цифровой и бытовой техники тематических классов аспектов позволяет применять его к широкому классу изделий без адаптации под конкретную модель;
- 2) визуализация показывает структуру резюме в соответствии с тематической иерархией аспектов;
- 3) сгенерированное резюме дает число предложений с положительной и отрицательной тональностью, относящихся к каждому классу аспектов, что позволяет легко оценить картину потребительских предпочтений.

Недостаток текущей версии подхода заключается в отсутствии гибкости при определении тематических классов аспектов для конкретной группы товаров.

В ходе эксперимента было показано, что выбор подхода к векторизации предложений – это важный фактор, влияющий на качество работы алгоритмов. Также была продемонстрирована зависимость качества работы алгоритмов от размера обучающей коллекции и предложен новый подход к расширению обучающих данных.

Качество работы алгоритма оценивалось на разных этапах при помощи F-меры на пяти моделях товара из различных категорий. Для этапа классификации предложений по заданным классам аспектов F-мера составила от 77 до 86 %, а по классам тональности (положительные и отрицательные) – от 86 до 92 %. Это свидетельствует о достаточно высокой эффективности и универсальности предложенного подхода.

Список литературы

- Борисова Е. Г.** Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 140–143.
- РД 50-165-79 Товары народного потребления. Выбор номенклатуры потребительских свойств и показателей качества. Основные положения [Электронный ресурс]. URL: <https://files.stroyinf.ru/Index2/1/4293762/4293762287.htm> (дата обращения: 28.05.2022).
- Рубашкин В. Ш.** Онтологическая семантика. Знания. Онтологии. Онтологически ориентированные методы информационного анализа текстов. М.: Физматлит, 2012. 348 с.
- Akhtar N. et al.** Aspect based sentiment oriented summarization of hotel reviews // Procedia computer science. 2017. Т. 115. Pp. 563–571.
- Bojanowski P. et al.** Enriching word vectors with subword information // Transactions of the association for computational linguistics. 2017. Vol. 5. Pp. 135–146.
- Brokos G. I., Malakasiotis P., Androutsopoulos I.** Using centroids of word embeddings and word mover's distance for biomedical document retrieval in question answering // Proceedings of the 15th Workshop on Biomedical Natural Language Processing, 2016. Pp. 114–118.
- Condori R. E. L., Pardo T. A. S.** Opinion summarization methods: Comparing and extending extractive and abstractive approaches // Expert Systems with Applications. 2017. Vol. 78. Pp. 124–134.

- d'Sa A. G. et al.** Label propagation-based semi-supervised learning for hate speech classification // Insights from Negative Results Workshop, EMNLP, 2020.
- Ellson J. et al.** Graphviz and dynagraph—static and dynamic graph drawing tools // Graph drawing software. Springer, Berlin, Heidelberg, 2004. Pp. 127–148.
- Fishbein M.** An investigation of the relationships between beliefs about an object and the attitude toward that object // Human relations. 1963. Vol. 16, № 3. Pp. 233–239.
- Howard J. A.** Consumer behavior: Application of theory. McGraw-Hill Companies. 1977.
- Johnson E. J., Tversky A.** Representations of Perceptions of Risk // Journal of Experimental Psychology: General, 1984. Pp. 55–70.
- Hu M., Liu B.** Mining and summarizing customer reviews // Proceedings of the tenth ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining, 2004. Pp. 168–177.
- Kim S. et al.** A hierarchical aspect-sentiment model for online reviews // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2013. Vol. 27. Pp. 526–533.
- Joulin A., Grave E., Bojanowski P., Mikolov T.** Bag of Tricks for Efficient Text Classification // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 2017. Pp. 427–431.
- Kotler F.** Marketing Management: Analysis, Planning, and Control. Prentice-Hall. 1967. 628 p.
- Lancaster K. J.** A new approach to consumer theory // Journal of political economy. 1966. Vol. 74, № 2. Pp. 132–157
- Mihalcea R., Tarau P.** Textrank: Bringing order into text // Proceedings of the 2004 conference on empirical methods in natural language processing. 2004. Pp. 404–411.
- Mithun S., Kosseim L.** Summarizing blog entries versus news texts // Proceedings of the Workshop on Events in Emerging Text Types. 2009. Pp. 1–8
- Mukherjee A., Liu B.** Aspect extraction through semi-supervised modeling // Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). 2012. Pp. 339–348.
- Rosenberg M. J.** Cognitive structure and attitudinal affect // The Journal of abnormal and social psychology. 1956. Vol. 53, № 3. P. 367.
- Thaler R.** Toward a positive theory of consumer choice // Journal of economic behavior & organization. 1980. Vol. 1, № 1. Pp. 39–60.
- Tversky A., Kahneman D.** Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974. Vol. 185, № 4157. Pp. 1124–1131.
- Zhai Z. et al.** Clustering product features for opinion mining // Proceedings of the fourth ACM international conference on Web search and data mining. 2011. Pp. 347–354
- Yu J. et al.** Domain-assisted product aspect hierarchy generation: towards hierarchical organization of unstructured consumer reviews // Proceedings of the 2011 conference on empirical methods in natural language processing. 2011. Pp. 140–150.

References

- Akhtar, N. et al.** Aspect based sentiment oriented summarization of hotel reviews. Procedia computer science, 2017, vol. 115, pp. 563–571.
- Bojanowski, P. et al.** Enriching word vectors with subword information. Transactions of the association for computational linguistics, 2017, vol. 5, pp. 135–146.
- Borisova, E. G.** Marketing linguistics: prospects and trends. Verhnevolzhski philological bulletin, 2016, no. 4, pp. 140–143.
- Brokos, G. I., Malakasiotis, P., Androutsopoulos, I.** Using centroids of word embeddings and word mover's distance for biomedical document retrieval in question answering. Proceedings of the 15th Workshop on Biomedical Natural Language Processing, 2016, pp. 114–118.

- Condori, R. E. L., Pardo, T. A. S.** Opinion summarization methods: Comparing and extending extractive and abstractive approaches. *Expert Systems with Applications*, 2017, vol. 78, pp. 124–134.
- d'Sa, A. G. et al.** Label propagation-based semi-supervised learning for hate speech classification. *Insights from Negative Results Workshop, EMNLP*, 2020.
- Ellson, J. et al.** Graphviz and dynagraph—static and dynamic graph drawing tools. *Graph drawing software*. Springer, Berlin, Heidelberg, 2004, pp. 127–148.
- Fishbein, M.** An investigation of the relationships between beliefs about an object and the attitude toward that object. *Human relations*, 1963, vol. 16, no. 3, pp. 233–239.
- Howard, J. A.** *Consumer behavior: Application of theory*. McGraw-Hill Companies. 1977.
- Johnson, E. J., Tversky, A.** Representations of Perceptions of Risk. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1984, pp. 55–70.
- Hu, M., Liu, B.** Mining and summarizing customer reviews. *Proceedings of the tenth ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining*, 2004, pp. 168–177.
- Joulin, A., Grave, E., Bojanowski, P., Mikolov, T.** Bag of Tricks for Efficient Text Classification. *Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics*, 2017, pp. 427–431.
- Kim, S. et al.** A hierarchical aspect-sentiment model for online reviews. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 2013, vol. 27, pp. 526–533.
- Kotler, F.** *Marketing Management: Analysis, Planning, and Control*. Prentice-Hall, 1967, 628 p.
- Lancaster, K. J.** A new approach to consumer theory. *Journal of political economy*, 1966, vol. 74, no. 2, pp. 132–157.
- Mihalcea, R., Tarau, P.** Texttrank: Bringing order into text. *Proceedings of the 2004 conference on empirical methods in natural language processing*. 2004, pp. 404–411.
- Mithun, S., Kosseim, L.** Summarizing blog entries versus news texts. *Proceedings of the Workshop on Events in Emerging Text Types*. 2009, pp. 1–8
- Mukherjee, A., Liu, B.** Aspect extraction through semi-supervised modeling. *Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers)*. 2012, pp. 339–348.
- RD 50-165-79** Consumer goods. Selection of the nomenclature of consumer properties and quality indicators. The main features [Online]. URL: <https://files.stroyinf.ru/Index2/1/4293762/4293762287.htm> (accessed on: 28.05.2022) (in Russ.)
- Rosenberg, M. J.** Cognitive structure and attitudinal affect. *The Journal of abnormal and social psychology*, 1956, vol. 53, no. 3, p. 367.
- Rubashkin, V.** Ontological semantics. Knowledge. Ontologies. Ontology-based approach to information analysis of text. Moscow, Fizmatlit, 2012, 348 p. (in Russ.)
- Thaler, R.** Toward a positive theory of consumer choice. *Journal of economic behavior & organization*, 1980, vol. 1, no. 1, pp. 39–60.
- Tversky, A., Kahneman, D.** Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 1974, vol. 185, no. 4157, pp. 1124–1131.
- Zhai, Z. et al.** Clustering product features for opinion mining. *Proceedings of the fourth ACM international conference on Web search and data mining*, 2011, pp. 347–354
- Yu, J. et al.** Domain-assisted product aspect hierarchy generation: towards hierarchical organization of unstructured consumer reviews. *Proceedings of the 2011 conference on empirical methods in natural language processing*, 2011, pp. 140–150.

Информация об авторе

Чечнева Надежда Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Information about the Author

Nadezhda S. Chechneva, PhD student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 01.07.2022;
одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 28.10.2022
The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 10.10.2022;
accepted for publication 28.10.2022*

Научная статья

УДК 811.111-26

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-107-123

«Место, куда стремилось мое тело»: метафорика сексуального влечения в прозе Андре Асимана

Александра Викторовна Нагорная

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа экономики»
Москва, Россия

anagornaya@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

Аннотация

Сексуальное влечение относится к числу базовых компонентов человеческого бытия и признается важным объектом исследования в современных гуманитарных науках. Его релевантность для лингвистики определяется повышенным вниманием к проблемам языковой репрезентации любых видов субъективного опыта, а также широкой дискурсивизацией феномена сексуальности в современной культуре и необходимостью дальнейшего развития перспективного направления «Язык и сексуальность». В фокусе настоящего исследования находится метафора, которая представлена как эффективный механизм объективации, структурирования, интерпретации и вывода в речь субъективного опыта сексуального влечения. Исследование проводится на материале трех тематически релевантных романов современного американского писателя Андре Асимана и базируется на выборке из 364 контекстов. Методологическую основу исследования составляет теория концептуальной метафоры, которая позволяет анализировать процесс осмысления фрагментов субъективного опыта и их упорядочения и обеспечивает системность в изучении этого феномена. К специфическим методологическим инструментам, используемым в работе, относятся: теория жизни метафоры, которая обосновывает целесообразность рассмотрения образного сравнения в одном ряду с метафорой; концепция метафорического ландшафта, которая позволяет систематизировать метафоры, выделив в их числе центральные и периферические компоненты, и определить их концептуальную нагрузку; теория метафорической креативности, доказывающая возможность метафорического творчества как на концептуальном, так и на вербальном уровне. В работе представлено десять групп метафор, девять из которых репрезентируются регулярно, а одна состоит из уникальных единичных форм. Установлено, что вопреки распространенному мнению о доминировании в дискурсах сексуальности метафоры *сексуальное влечение – это огонь*, центральным компонентом изучаемого метафорического ландшафта в текстах Асимана является метафора *сексуальное влечение – это движение в пространстве*. К числу наиболее креативных и регулярно встречающихся отнесены метафоры *сексуальное влечение – это финансовая операция* и *сексуальное влечение – это музыка*. В рамках каждой из рассматриваемых групп определяются профилируемые свойства домена-источника, анализируются особенности их вербальной репрезентации, обсуждаются возможности концептуальной и вербальной вариативности. Исследование носит качественный характер, задача статистической обработки материала не ставится.

Ключевые слова

метафора, метафорический ландшафт, субъективный опыт, сексуальное влечение, проза А. Асимана

Для цитирования

Нагорная А. В. «Место, куда стремилось мое тело»: метафорика сексуального влечения в прозе Андре Асимана // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 107–123. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-107-123

“The Place Where My Body Longed to Go”: Metaphors of Sexual Desire in André Aciman’s Prose

Alexandra V. Nagornaya

HSE University
Moscow, Russia

anagornaya@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6821-0835>

Abstract

Sexual desire is one of the fundamental components of human personality and is seen as an important research object in contemporary Humanities. Its relevance for Linguistics lies in the increasing interest in the verbal representation of various forms of subjective experience, as well as in a large-scale discursivization of sexuality in contemporary culture and the need for developing a highly promising line of research known as ‘Language and Sexuality’. The present research focuses on metaphor with the aim of proving that it is an efficient mechanism of objectifying, structuring, interpreting, and verbalizing the subjective experience of sexual desire. The research is carried out on the basis of three thematically relevant novels by the contemporary American writer André Aciman (“Call Me by Your Name”, “Enigma Variations”, and “Find Me”). It is based on a sample of 364 contexts. Methodologically the research rests upon the Conceptual Metaphor Theory, which facilitates the analysis of the ways fragments of subjective experience are comprehended and provides systematicity in the study of this phenomenon. The specific methodological instruments employed in this research include: the career of metaphor theory, which substantiates the inclusion of similes in metaphor analysis; the metaphoric landscape theory, which enables us to systematize metaphors by identifying central and peripheral elements and defining their conceptual load; the metaphorical creativity theory, which proves the possibility of metaphorical innovations both at the conceptual and verbal levels. The paper identifies and analyzes ten groups of metaphors, nine of which regularly occur in Aciman’s prose and one of which is made up of unique isolated forms. It has been shown that contrary to the popular belief that sexuality discourse is dominated by the fire metaphor, the central element of the metaphoric landscape of sexual desire in Aciman’s texts turned out to be *sexual desire is movement in space*. Among the most creative and regularly occurring ones are the metaphors *sexual desire is a financial transaction* and *sexual desire is music*. Within each of the identified groups the paper pinpoints the properties of the source domain that are being profiled, analyzes ways of their verbal representation, and discusses the possibility of conceptual and verbal variation. The research is qualitative and does not presuppose a statistical analysis of the metaphors.

Keywords

metaphor, metaphoric landscape, subjective experience, sexual desire, A. Aciman’s prose

For citation

Nagornaya A. V. “The Place Where My Body Longed to Go”: Metaphors of Sexual Desire in André Aciman’s Prose. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 107–123. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-107-123

Введение

Феномен сексуальности стал объектом лингвистического интереса в начале XXI в. и оформился в самостоятельное направление языковедческих исследований в 2012 г. с началом выхода специализированного научного журнала *Journal of Language and Sexuality*. Запрос на изучение этого феномена возник параллельно в социолингвистике и дискурсологии – дисциплинах, которые в числе прочего занимаются разработкой гендерной проблематики и постоянно сталкиваются с необходимостью учета и анализа либидинальных драйвов как важнейшего компонента гендерной идентичности (см., например: [Leap, Motschenbacher, 2012, p. 1]).

Этот запрос, однако, сформировался в гораздо более широком контексте и был обусловлен масштабными социокультурными сдвигами, связанными с реабилитацией сферы чувственного. Как отмечают современные западные культурологи, начало XXI в. характеризуется «повышенным вниманием к сексу и сексуальному наслаждению» [Hawkes, 2004, p. 21]. Секс стал превращаться в область конструирования самоидентичности и форму самовыражения, иногда излишне креативную; его регулярное присутствие в жизни человека воспринимается как показатель всесторонней развитости и успешности. Способность получать удовольствие от сек-

са стала репрезентироваться как «обязательное достижение» (*obligatory achievement*), которое позволительно обсуждать «во множестве разнообразных социальных контекстов» [Ibid., p. 12].

Такая широкая, практически неограниченная «обсуждаемость» создает ситуацию, при которой постоянно ощущается потребность в расширении репертуара языковых средств, обеспечивающих возможность коммуникации различных аспектов сексуального опыта. Существующие средства языкового выражения часто не справляются с этой задачей, страдая чрезмерной физиологичностью (термины), обладая ограниченной дискурсивной пригодностью (из-за табу), маскируя искомый смысл (эвфемизмы) или намеренно вульгаризируя суть секса (дисфемизмы) (см., например: [Crespo-Fernandez, 2015]). Кроме того, они существенно ограничивают возможности передачи тех нюансов этого опыта, которые относятся к сфере субъективных переживаний.

Не случайно многие исследователи пишут о том, что сексуальные переживания – это «область человеческого опыта, которая превосходит способность языка репрезентировать ее» [Harvey, Shalom, 2016, p. 1]. Этот тезис перекликается с чувственным агностицизмом Ж. Лакана, который утверждал, что любое желание принципиально несовместимо с языком [Lacan, 2004, p. 264]. Однако Лакан вместе с тем подчеркивал важность поиска средств языкового выражения, поскольку лишь «будучи сформулированным, названным в присутствии другого, желание, каковым бы оно ни было, распознается и признается в полном смысле этого слова» [Lacan, 1988, p. 228]. Более того, он говорил и о важности обучения языку желания, так как лишь посредством «артикулирования в языке» желание обретает реальность [Ibid.].

Не менее важной задачей представляется нам и изучение языка желания. В данном случае речь пойдет лишь об одной, но важнейшей его разновидности – языке желания сексуального. Такой анализ не только даст более глубокое понимание психологического аспекта этого феномена, но и позволит выявить важные дискурсивные и стоящие за ними социокультурные тренды, которые, с одной стороны, отражают ментальные и вербальные привычки социума, а с другой стороны, формируют их.

1. Теоретические предпосылки исследования

1.1. Материал и задачи исследования

В рамках настоящего исследования рассматриваются лишь метафорические средства выражения сексуального влечения. Фокус научного интереса определяется тем, что в общекультурном публичном пространстве именно метафора, по нашему убеждению, является эффективным инструментом осмысления и вывода в речь любых видов субъективного опыта. Сама природа и сущность метафоры позволяет широко и достаточно свободно экспериментировать как с концептуальным, так и с языковым материалом, обеспечивая необходимую степень индивидуализации и детализации при описании различных «классов аффективной жизни» [Греймас, Фонтаний, 2007, с. 102].

Исследование выполнено на материале трех произведений Андре Асимана¹: «Зови меня своим именем» (*Call Me by Your Name*), «Энигма-вариации» (*Enigma Variations*) и «Найди меня» (*Find Me*). Выбор материала обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, тема сексуального влечения является центральной в этих произведениях и исследуется с разных сторон. Во-вторых, немаловажную роль сыграло признанное мастерство автора в описании исследуемого феномена. Сошлемся на американский еженедельник *The New Yorker*, который провозгласил Асимана «чутким грамматистом желания» (*an acute grammarian of desire*)

¹ Несмотря на то, что он считается американским писателем, его корни, воспитание и образование мультикультурны. Он родился в Египте, воспитывался в многоязычной еврейской семье, посещал английские школы в Александрии и Риме, окончил Гарвардский университет. Корректнее было бы говорить о нем как писателе-мигранте (см.: <https://www.gradesaver.com/author/andre-aciman>).

[The New Yorker, 2007], подчеркнув тем самым его способность тонко чувствовать и точно передавать этот сложный феномен в речи. Важнейшей частью авторской «грамматики желания» являются метафоры, которые отличаются как концептуальным разнообразием, так и вариативностью вербального оформления. В-третьих, тексты Асимана отражают состояние западной культуры XXI в. и одновременно представляют собой вклад в развитие дискурсов сексуального влечения. Исследовательски перспективным мы считаем и изучение текстов одного писателя, одного «нарративного голоса» [Leap, Motschenbacher, 2012, p. 1] для определения возможностей варьирования лингвоконцептуального ракурса при описании одного и того же феномена.

Настоящее исследование базируется на выборке, включающей 364 контекста из трех романов А. Асимана. Разумеется, в статье будут представлены лишь некоторые из них. Оговоримся, что в исследовании не ставится задача статистического анализа метафор; оно носит исключительно качественный характер и направлено на выявление того спектра лингвоконцептуальных средств, которые позволяют осознать и артикулировать важнейший для человеческого существования опыт сексуального влечения.

Главными задачами настоящего исследования стали: 1) создание максимально полной выборки авторских метафор сексуального влечения из трех произведений; 2) систематизация полученного материала на основе анализа концептуальных доменов источника; 3) анализ способов вербальной репрезентации метафор; 4) выявление паттернов метафорической активности писателя, определение частотных и единичных метафор в его текстах.

1.2. Методологический базис исследования

Методологически исследование базируется на теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Гиббс, В. Эванс и др.), в рамках которой метафора признается механизмом познания физической, социокультурной и психической реальности. Релевантность именно такой, а не сугубо стилистической, трактовки объясняется прежде всего тем, что сексуальное влечение представляет собой слаборефлексируемый вид жизненного опыта, и основная трудность при его выводе в речь заключается именно в необходимости ментального «схватывания» отдельных его аспектов в сознании, а не «орнаментального» их оформления в речи. Метафора позволяет вычленив в общем потоке этого индивидуального опыта отдельные компоненты и придать им осязаемость, связав их с привычными предметами и явлениями окружающего мира или способами бытования своего тела в пространстве.

Метафора обладает и объяснительной силой. По утверждению Д. Камерон и Д. Кулика, сексуальное влечение – это «фундаментально иррациональное явление» [Cameron, Kulick, 2003, p. 8]. Метафора позволяет вывести его из подсознания индивида в сознание и сконструировать для него некоторое разумное основание, тем самым делая его хотя бы частично подконтрольным человеку. Заметим, что наличие некоторого навыка метафоризации сексуального влечения позволяет варьировать концептуальный ракурс, подбирая наиболее адекватный и удобный формат рационализации этого опыта в каждом конкретном случае.

Кроме того, метафора может использоваться как средство «облагораживания» этого психофизиологического по своей природе «драйва», который в традиционной христианской культуре по-прежнему относится к категории «низменных желаний» и «животных страстей» в случае отступления от утвердившихся культурных кодов сублимации сексуальности.

В рамках общей концептуальной трактовки метафоры принципиальную важность для нас имеет теория жизни метафоры (the career of metaphor theory), в рамках которой постулируется наличие континуума концептуальных форм и обосновывается нецелесообразность четкого ограничения метафоры (desire is fire) от образного сравнения (desire is like fire). И в том, и в другом случае имеет место наложение разных концептуальных доменов, а наличие или отсутствие формальных маркеров этого процесса (like, as...as, as if...) не носит принципиального характера (см.: [Bowdle, Gentner, 2005]).

Также мы используем понятие «метафорический ландшафт», позаимствовав его у Дж. Лоули и П. Томпкинс, которые разрабатывают соответствующую концепцию для практических нужд психотерапии [Lawley, Tompkins, 2000]. Под метафорическим ландшафтом мы понимаем совокупность метафор, используемых для осмысления и вывода в речь определенных фрагментов реальности (в данном случае субъективной) и образующих в ее пространстве определенную конфигурацию. В структуре ландшафта выделяются центральные (наиболее частотные и семантически нагруженные) и периферические (менее частотные, в том числе единичные, семантически узкие) формы.

Важно для нас и понятие метафорической креативности, которое, следуя за З. Кёвечешем, мы трактуем как способность к созданию новых метафор на концептуальном уровне или уровне их вербальной репрезентации [Kövecses, 2015, p. 97]. Иными словами, креативной признается не только метафора, основывающаяся на принципиально новой междоменной проекции, но и старая, конвенциональная метафора, получающая нетривиальное словесное оформление.

2. Метафорический ландшафт сексуального влечения в прозе Андре Асимана

2.1. Сексуальное влечение – это движение в пространстве

В романе «Зови меня своим именем» А. Асиман делает заявление о неуклюжести метафоры как средства понимания влечения: *Perhaps the physical and the metaphorical meanings are clumsy ways of understanding what happens when two beings need, not just to be close together, but to become so totally ductile that each becomes the other* [Aciman, 2008, p. 142]. Тем не менее многие предлагаемые им метафоры отличаются конкретностью, яркостью и элегантностью.

Основу метафорического ландшафта сексуального влечения в прозе Асимана составляет пространственная метафора. В наиболее обобщенном виде она репрезентируется как «место» (place). В этом случае понимание природы и сущности собственной сексуальности, достижение гармонии становится «пребыванием в правильном месте» или его «обнаружением», а неспособность прийти к такому пониманию репрезентируется как ошибочная локализация, помещение в «неправильное пространство»: *as if all this had been part of me all of my life and I'd misplaced it and he had helped me find it* [Aciman, 2008, p. 133].

Вербальной альтернативой «месту» при сохранении общей логики метафоризации является «зона», которая локализуется вне физического тела человека: *I had grazed the forbidden zone and been let off easily enough* [Aciman, 2008, p. 43].

В этом случае задается лишь общая метафорическая рамка, которая может дорабатываться, уточняться деталями. Так, пространство влечения может быть представлено как замкнутое, получая вербальное оформление лексемой *chamber* ('камера, комната'). В приведенном ниже примере образ замкнутого пространства эксплицитно дорисовывается до закрытого для проникновения, недоступного: *to roam into secret chambers I had so cautiously locked and lost the keys to* [Aciman, 2018, p. 61].

Та же изолированность от окружения, от среды репрезентируется и лексемой *vault* ('склеп'): *I wondered what the guilty secret was that I held in my vault of craven falsehoods* [Aciman, 2019, p. 148].

Такая многократно подчеркиваемая замкнутость резонирует с общим представлением о сексуальном влечении как опыте сугубо личном, который к тому же находится под давлением многочисленных социокультурных табу, предписывающих подавлять и контролировать его, и тем самым одновременно побуждающих к фантазированию на его тему [Cameron, Kulick, 2003, p. 6].

Определенное, но не решающее, значение имеет и табу на влечение к человеку того же пола. Однако у героев Асимана стремление метафорически поместить свое влечение в замкнутое изолированное пространство продиктовано не столько боязнью общественного порица-

ния, сколько страхом возможного разочарования, непонимания со стороны объекта влечения, отсутствия взаимности, опасением найти *not the tonic of discovery but the pall of despair when disenchantment has all but shamed every ill-stretched nerve in your body* [Aciman, 2008, p. 127].

В случае с vault интересным представляется не только замкнутый характер пространства, но и его отчетливая локализация внизу, ниже уровня основного жизненного пространства человека. Такое расположение, по-видимому, составляет часть индивидуального авторского видения влечения, поскольку мотив склепа, будучи системно представленным в его текстах, получает при этом разное словесное оформление. Ср.: *I might trip on a secret passageway to some nether truth that had hitherto eluded me* [Aciman, 2008, p. 51]; *I know it's down there somewhere* [Aciman, 2008, p. 72]. Если исходить из традиционной трактовки ориентационной метафоры [Lakoff, Johnson 1980], то помещение влечения вниз может свидетельствовать о том, что оно все-таки видится автору как отчасти безнравственное.

Одновременно с этим автор предлагает и более «компактный» пространственный образ влечения, репрезентируя его как закрытую коробку/ящик (box): *why did it suddenly release me from a box whose lid had been depriving me of air and of light and sound and of the scent of flowers and herbs in the summertime?* [Aciman, 2019, p. 156].

Тем не менее, наиболее частотной в текстах писателя является метафора закрытой комнаты. При использовании этого домена-источника Асиман особенно любит фокусироваться на образе двери, используя его для метафорической отсылки к виртуальной возможности удовлетворения своего сексуального влечения. Открывание этой «двери» ассоциируется с готовностью идти навстречу своим желаниям и часто означает выход навстречу неизвестности и потенциальной опасности: *push open the door at your own peril* [Aciman, 2008, p. 53]. Ее закрывание означает нежелание близости, отказ от нее: *What baffled me most was the distance we travel to lock our doors after scarcely leaving them ajar on our very first night with a stranger* [Aciman, 2019, p. 96].

Развивая эту метафорическую «логику», Асиман придает описанию дополнительный драматизм, закрывая еще и окна и подкрепляя динамику образа двумя другими метафорами, также обозначающими окончание события (зоологической – clam up, «закрывать, как моллюск» и условно «световой» – задуваемая свеча): *I was already clamming up, shutting the doors and windows between us, blowing out the candles because the sun was finally up again and shame cast long shadows* [Aciman, 2008, p. 139].

Идея «правильного пространства» используется Асиманом и в тех контекстах, где описывается достижение сексуальной гармонии. Однако здесь эта «правильность» ассоциируется с пребыванием дома или прибытием домой. Тем самым осознанная и реализованная сексуальность прочно связывается с понятиями истинного «Я», защищенности и комфорта: *This is like coming home, like coming home after years away among Trojans and Lestrygonians, like coming home to a place where everyone is like you, where people know, they just know—coming home as when everything falls into place* [Aciman, 2008, p. 15].

Наличие в метафорическом ландшафте пространственных образов неизбежно означает присутствие в нем и разнообразных метафор движения, с помощью которых могут обыгрываться топологические и функциональные свойства этого пространства. С другой стороны, как отмечает Дж. Хендерсон, широкая представленность метафор движения в этой сфере обусловлена «чувствами возбуждения, облегчения и радости, которые мы испытываем в движениях во время соития» [Henderson, 1991, pp. 48–49].

Соединение пространственной и моторной образности порождает метафору *сексуальное влечение – это путешествие*, которая реализуется множеством существенно разнящихся концептуальных и вербальных форм. С одной стороны, это может быть возвращение домой, как было показано выше, а с другой стороны, это может быть перемещение в новое, ранее незнакомое пространство.

Примечательно, что инициатором такого путешествия у Асимана часто выступает не человек, а его тело – в духе известного и до сих пор популярного картезианского противопоставления соматического и духовного. Ср.: *Speechless, I would have gotten to where my body longed to go far sooner than with any bon mot prepared hours ahead of time* [Aciman, 2008, p. 54].

Такое представление резонирует с идеей писателя о том, что тело обладает собственной волей (*My body had two agendas* [Aciman, 2018, p. 225]), которая может вступать в противоречие с устремлениями разума (*What if my body—just my body, my heart—cried out for his?* [Aciman, 2008, p. 215]); оно является носителем истинного чувства (*The body never lies* [Aciman, 2018, p. 228]), с ним бессмысленно спорить (*arguing with my body* [Aciman, 2008, p. 124]).

Это метафорическое путешествие у Асимана часто начинается с преодоления некоего барьера, пересечения условной границы. С одной стороны, граница маркирует переход от дружеских, приятельских отношений к более интимным. Заметим, однако, что интимность здесь следует понимать шире, чем отношения собственно сексуального свойства. Асиман вообще с большим трепетом относится к личным границам, к неприкосновенности частной жизни, автономии индивида. Ср.: *I had hoped to cross a line while staring and get away with it without his knowing or calling me on it* [Aciman, 2018, p. 54].

Переход границы происходит и тогда, когда человек вступает в зону сексуальных экспериментов, обретая новый опыт и не зная, принесет ли он искомое удовлетворение физиологических и психологических потребностей или окажется травмирующим: *Now his goo was matted on my chest as proof that I had crossed a terrible line* [Aciman, 2008, p. 135].

Потенциальная опасность этого неосторожного шага дополнительно профилируется в приведенном ниже контексте, где граница перестает быть условной и превращается в ловушку: *I didn't want to test the invisible trip wire between us – What trip wire are you talking about? – The trip wire which one night, if my dream is too powerful or if I've had more wine than usual, I could easily cross* [Aciman, 2008, pp. 106–107].

Заметим, что метафора ловушки представлена в текстах Асимана и в более явном, базовом формате: *Where was this going, and why did I feel that a trap lay a few steps ahead?* [Aciman, 2008, p. 53].

Одновременно с этим Асиман признает значимость такого шага в жизни человека и повышает его статус в структуре личного опыта, проводя параллели с крупными историческими событиями: *I folded the piece of lined paper and slipped it under his door with the resigned apprehension of Caesar crossing the Rubicon* [Aciman, 2008, p. 119]; *Did he assume that one of us would eventually cross the unspoken Maginot Line that had never stopped anyone?* [Aciman, 2008, p. 121].

Но чаще Асиман использует образ естественной границы, активно работая с метафорой реки. Потенциал этой метафоры обыгрывается автором по меньшей мере двумя способами. Во-первых, пересечение реки может метафорически относиться к реализации сексуального влечения, достижению интимной близости: *In the weeks we'd been thrown together that summer, our lives had scarcely touched, but we had crossed to the other bank, where time stops and heaven reaches down to earth and gives us that ration of what is from birth divinely ours* [Aciman, 2008, pp. 243–244].

Иногда автор разворачивает целый метафорический сценарий, вводя в описание образ моста: *Was there a clear and tangible moment when she decided to cross the bridge and go over to the other side?* [Aciman, 2018, p. 86].

Образ моста оказывается особенно релевантным, когда автор хочет подчеркнуть осознанность сексуального влечения, наличие целенаправленных усилий по его удовлетворению. В этом случае человек самостоятельно «выстраивает мост», который чаще всего оказывается хрупкой, временной конструкцией, не предназначенной для длительного использования: *You I was desperately trying to build the flimsiest pontoon bridge between us* [Aciman, 2018, p. 166]; *Our frail pontoon bridge was built over shy afternoon pleasantries and then hastily dismantled the*

next morning [Aciman, 2019, p. 217]; I could already see how the bridge between the three of us *was destined to remain fragile and would so easily be dismantled and drift downstream after tonight* [Aciman, 2019, p. 232].

Во-вторых, метафора реки может использоваться автором для интерпретации самого сексуального влечения. С ее помощью он подчеркивает сложный и противоречивый характер этого феномена, в котором оказываются слиты воедино две базовые человеческие потребности: быть и иметь. Они ассоциативно связываются с двумя берегами реки, которые, безусловно, предполагают наличие друг друга и без которых само существование реки невозможно: *having someone's body to touch and being that someone we're longing to touch are one and the same, just opposite banks on a river that passes from us to them, back to us and over to them again* [Aciman, 2008, p. 68].

Реализация сексуального влечения не всегда описывается автором как пересечение границы. Метафора путешествия позволяет сфокусироваться и на других аспектах этого опыта. Так, Асиман профилирует свойства пути, по которому происходит перемещение. Такая тактика позволяет подчеркнуть сложность ситуации, в которой оказываются персонажи, их желание соблюдать осторожность, заставляющее их выбирать не самый очевидный и легкий, но более надежный путь: *Ours were the cobbled lanes; major arteries we steered clear of* [Aciman, 2018, p. 246].

Фокусировка на способе перемещения позволяет показать характер отношений между партнерами, наличие или отсутствие между ними гармонии, перспективы сохранения этого союза. В приведенном ниже контексте движение описывается как неуправляемое и осуществляется по нисходящей траектории, что метафорически реферируется к отсутствию желаемой стабильности и близости конца: *a relationship that seemed to be so rudderless and slumping down a gorge* [Aciman, 2018, p. 227].

Образ автомобиля, который отчетливо вырисовывается в этом примере (rudder 'руль'), используется Асиманом не единожды. В этом же романе он метафорически обыгрывает еще одно свойство автомобиля – необходимость постоянной топливной «подпитки», обеспечивающей возможность передвижения. Езда при пустом баке может быть интерпретирована как отсутствие страсти между партнерами, а также сомнительность перспектив дальнейшего развития их отношений: *we run on empty* [Aciman, 2018, p. 229].

Экспериментирование с параметром «способ перемещения» наблюдается также в контекстах, где Асиман использует семантически сложные, коннотативно нагруженные предикаты. Так, *sneak* означает перемещение украдкой и часто ассоциируется с чем-то предосудительным, аморальным; *slip* – непреднамеренное и неконтролируемое движение, как правило, осуществляемое по нисходящей траектории и, как следствие, ассоциирующееся не только с отсутствием прогресса, но и с чем-то нежелательным и часто неблагоприятным. Ср.: *if desire had to resurface, it could just as easily sneak in through this very gate* [Aciman, 2008, p. 139]; *Clearly, we've slipped back to where we were before* [Aciman, 2018, p. 145].

Асиман регулярно профилирует еще один аспект движения – направление. Движение вперед – это стремление и готовность к удовлетворению сексуального влечения: *we couldn't quite grasp how the wish to rush headlong into what we'd once had years before could stir our reluctance to be in bed together* [Aciman, 2019, p. 250]. Движение назад – это сдерживание влечения, намерение не поддаваться ему либо нежелание признаться в нем перед потенциальным партнером. В этом случае Асиман последовательно употребляет глагол *backpedal* ('давать задний ход'), превращая этот метафорический ход в узнаваемый авторский прием: *I smiled right away, because I caught his attempt to backpedal* [Aciman, 2008, p. 104]; *You yourself were already starting to backpedal that weekend* [Aciman, 2018, p. 177].

Говоря о метафорах путешествия, следует обратить особое внимание на следующий контекст, в котором вполне нейтральный вербальный репрезентант *journey* подкрепляется отсылкой к известному сказочному сюжету о Гензеле и Гретель. Сам сюжет обыгрывается изобрета-

тельно; он «выворачивается» в собственную противоположность: герой намеренно уничтожает следы, которые могли бы показать ему дорогу назад, тем самым лишая себя возможности вернуться в исходную точку: *This was a time when I intentionally failed to drop bread crumbs for my return journey; instead, I ate them* [Aciman, 2008, p. 162].

Самым ярким примером метафоры путешествия является следующий контекст: *Many helped me part life into Before X and After X segments, many brought joy and sorrow, many threw my life off course, while others made no difference whatsoever, so that Oliver, who for so long had loomed like a fulcrum on the scale of life, eventually acquired successors who either eclipsed him or reduced him to an early milepost, a minor fork in the road, a small, fiery Mercury on a voyage out to Pluto and beyond* [Aciman, 2008, p. 231].

Здесь описывается не столько сам обретенный сексуальный опыт, сколько та роль, которую сыграл объект сексуального влечения в жизни персонажа. За ним закрепляется некоторое стабильное положение в пространстве, в котором перемещается протагонист. Это положение описывается одновременно несколькими способами, что позволяет сфокусироваться на разных аспектах опыта. Так, *milepost* ('верстовой столб') – это указатель, позволяющий определить пройденное расстояние, и одновременно ориентир, относительно которого выстраивается маршрут (в данном случае жизненный). *Fork in the road* – 'развилка', образ, традиционно используемый для обозначения ситуаций жизненного выбора (в данном случае – выбора в пользу однополного партнерства).

Введение в контекст названия планет позволяет подчеркнуть субъективную значимость сексуального опыта, его поистине «космический» масштаб для этого героя. Сам выбор планет при этом обусловлен их общеизвестным расположением относительно центра галактики и нашей ментальной привычкой выстраивать вектор от центра (Солнце и ближайший к нему Меркурий) к периферии (Плутон). Движение в этом направлении неизбежно предполагает прохождение через орбиты других планет, которые метафорически реферируются к другим партнерам протагониста. Выход же за пределы нашей Галактики (*beyond*) метафорически «намекает» на бесконечную множественность объектов сексуального влечения и способов удовлетворения последнего. Одновременно с этим этот метафорический выход является средством отрицательного масштабирования ранее полученного опыта. В новой межгалактической системе координат и без того маленький Меркурий дополнительно теряет в относительном раз- мере, а следовательно, в значимости.

2.2. Сексуальное влечение – это игра

Важное место в метафорическом ландшафте сексуального влечения у А. Асимана занимает метафора игры. Ее потенциал реализуется несколькими способами.

Во-первых, реализация сексуального влечения может описываться как вхождение в особое игровое пространство, в котором нет места искренним чувствам: *When we were done playing, I could almost feel the old chill rise between us* [Aciman, 2018, p. 99].

Во-вторых, сексуальное влечение может ассоциироваться с определенной спортивной игрой, причем понимание таких метафор основывается на знании ее правил: *Or would I prefer a lifetime of longing provided we both kept this little Ping-Pong game going: not knowing, not-not knowing, not-not-not knowing?* [Aciman, 2008, p. 18].

Такая метафорика может быть и контекстно обусловленной (см. *context-induced creativity* в: [Kövecses 2015]) – писатель символически обыгрывает физически реальную ситуацию, соединяя в одном контексте буквальное и метафорическое значение лексемы *play*: *I'll play tennis, they'll play at lovemaking* [Aciman, 2018, p. 90].

В-третьих, Асиман активно использует метафору карточной игры. Принципиально важным для него оказывается, однако, только один компонент сценария карточной игры: возможность «раскрыть карты», который отсылает к часто повторяемому в разных вербальных фор-

мах мотиву признания в непристойных действиях. Сама метафора далеко не креативна, она приобрела характер стертой, закрепившись в популярной идиоме *to put/lay (all) your cards on the table*, и используется для обозначения ситуации, когда человек решает раскрыть какой-то секрет. У Асимана таким «секретом», часто неудобным и постыдным, является наличие сексуального влечения и потребность во взаимности.

«Раскрытие карт» становится катартическим моментом, выводящим отношения на новый уровень: *Now that we had laid our cards on the table, the secrecy, the shame were gone, but with them so was that dash of unspoken hope that had kept everything alive these weeks* [Aciman, 2008, p. 75]; *What I liked was not only having to put my cards on the table and disclosing a very private fact about myself* [Aciman, 2018, p. 30].

В то же время он рассматривает и возможность нечестной игры, трюкачества, которые метафорически соотносятся с неискренностью, наличием скрытых намерений и планов: *Yours, I realize, is the first real card on the table. I admire this. Mine had been just a joker* [Aciman, 2018, p. 164].

Еще одна линия метафоризации в рамках рассматриваемой здесь общей модели представлена театральной метафорой. Она оказывается релевантной для осмысления ситуаций сексуального партнерства. В таком союзе каждой из сторон традиционно предписывается играть определенную роль. Асиман, однако, противится этому жесткому культурному сценарию. В его метафорическом театре сексуального влечения заранее отрепетированные роли могут остаться несыгранными, а от актеров всегда ожидается способность к импровизации: *Maybe there is no true life or false life—just rehearsals for parts we might never be lucky enough to play* [Aciman, 2018, p. 217]; *Ours, I began to fear, was a script without parts* [Aciman, 2018, p. 251].

2.3. Сексуальное влечение – это финансовая операция

Эту концептуальную форму мы склонны считать продуктом индивидуальной метафорической креативности А. Асимана. Очевидно, что сама возможность такой метафорической проекции обеспечивается объективацией сексуального влечения – его ментальным оформлением в некоторый осязаемый и, безусловно, ценный предмет, который можно передавать в чужое пользование, продавать, покупать, обменивать и т. д. Заметим, что нечто подобное наблюдается в сфере деловой концептуализации времени, где широкое хождение получила метафора *время – это деньги* (ср.: *to spend time*; *to buy time*, *to live on borrowed time*; *to waste time*, etc.). Определенную роль в возникновении такой метафоры, возможно, сыграло то обстоятельство, что Асиман, как человек, получивший воспитание в высококультурной семье, не может не видеть «темную» сторону сексуальности, и потому он постоянно подчеркивает сложности, связанные с осознанием и реализацией сексуального влечения, душевные переживания, возникающие в виде «послевкусия» от взаимоотношений с партнером, боязнь общественного порицания и репутационных рисков. Он демонстрирует в книгах все то, что называется рефлексией. Сексуальное влечение видится им как нечто, требующее определенных жертв, «расплаты». Релевантность асимановской «финансовой метафоры» можно объяснить тем, что деньги – это наиболее очевидное, привычное и понятное любому читателю средство такой «расплаты».

Интересно, что для вербальной репрезентации этой метафоры Асиман выбирает не *money* («деньги»), а *currency* («валюта»). Находясь в гипонимических отношениях с *money*, *currency* обозначает некоторый вид денег, используемых в определенной стране. Здесь важна принципиальная множественность систем расчета, которая метафорически соотносится с разнообразием форм сексуальности. В своих произведениях Асиман исследует темы гомо- и гетеросексуальности, разновозрастных и этнически смешанных союзов, длительных и кратковременных отношений. Он представляет их не просто как разные «валюты», но и как разные, не всегда законные, формы расчетов. Ср.: *Was our intimacy paid for in the wrong currency? Or is intimacy the*

desired product no matter where you find it, how you acquire it, what you pay for it—black market, gray market, taxed, untaxed, under the table, over the counter? [Aciman, 2008, p. 172].

Одновременно с этим он задается вопросом о приемлемости любых форм влечения, возможности использования любой метафорической валюты для их обретения: *The libido accepts all currencies, and vicarious pleasures have an over-the-counter exchange rate that is considered reliable enough to pass for real. No one ever went bankrupt borrowing someone else's pleasure. We go bankrupt only when we want no one* [Aciman, 2019, pp. 222–223].

Данный контекст представляется нам одним из базовых примеров креативности в рамках конструирования метафорического ландшафта сексуального влечения.

2.4. Сексуальное влечение – это музыка

Не менее эвристически перспективной представляется нам и музыкальная метафора влечения, которая репрезентирована двумя разными концептуальными формами.

В первом случае субъект и объект влечения метафорически обозначаются как разные музыкальные инструменты. Отсутствие гармонии между ними – не просто результат принадлежности разным по своему типу инструментам. Здесь производится более тонкая концептуальная «настройка», основу которой составляет второй метафорический «слой» – антропоморфная метафора. Музыкальные инструменты наделяются характером, причем эта характеристика осуществляется субъективно, исходя из индивидуальных ассоциаций автора. Так, фортепиано описывается буквально как «смелое и дерзкое» (или «дерзкое, беззастенчивое, лихое»), в то время как труба представлена «меланхоличной и потерянной»: *Bold and rakish, like the piano, while I, the trumpet, felt plangent and lost* [Aciman, 2018, p. 262].

Совершенно другой концептуальный ракурс представлен в следующем контексте, где человек, испытывающий влечение, из инструмента фактически превращается в музыкальное сочинение, предназначенное для неопределенного круга инструментов, и каждый «солист» может интерпретировать его по-своему: *We are not written for one instrument alone; I am not, neither are you* [Aciman, 2008, p. 13].

2.5. Сексуальное влечение – это живое существо

В данном секторе метафорического ландшафта сексуального влечения определяются три группы лингвоконцептуальных форм.

Первая – зоологические метафоры. Описывая сложную и противоречивую феноменологическую природу влечения, Асиман выделяет в нем два противоборствующих начала (губительное и спасительное) и подчеркивает их равное положение, дополнительно вводя образ нападающих друг на друга змей-близнецов: *He's the one person who'd understand the inflections of what I felt, the sting and the salve braided together like twin serpents going at each other* [Aciman, 2018, pp. 144–145].

Навязчивый характер влечения, невозможность избавиться от него или получить контроль над ним репрезентируются также метафорой живучего насекомого, которое не удается прихлопнуть: *I couldn't undo or tear it out, but by dint of swatting it down like an insect that wouldn't die, I could harm it, damage it, till whatever there was between us had all but addled* [Aciman, 2018, p. 190].

Более конкретный инсектологический образ представлен в следующем контексте, где влечение репрезентируется как бабочка: *There are certain wishes that must be clipped like wings off a thriving butterfly* [Aciman, 2008, p. 42]. В этом описании важным аспектом сексуального влечения становится его неукротимая жизненная сила (*thriving*) и способность к дальнейшему развитию (метафорическому «полету», *wings*). «Обрезание крыльев» в символическом про-

странстве сексуальности – это препятствование реализации влечения при невозможности полного избавления от него.

Еще один «расчлененный» образ представлен в контексте, где протагонист с тоской вспоминает прошлые отношения. Лишенный возможности соединиться с объектом своего влечения, он испытывает ощущение неполноценности, неполноты, представляя себя ящерицей с оторванным хвостом: *Because the rest of me here has been like the severed tail of a lizard that flays and lashes about, while the body's stayed behind all the way across the Atlantic in that wonderful house by the sea* [Aciman, 2019, p. 240].

Вторая группа – это метафоры, которые можно условно отнести к антропологическим. Условность связана с тем, что Асиман никогда не использует целостный образ человека, предпочитая обыгрывать какие-то компоненты его бытия (биологического или социокультурного). Так, он помещает сексуальное влечение в один ряд с другими интенсивными чувствами и, следуя за культурной традицией, локализует его в сердце. Однако он идет дальше, давая сердцу собственную жизнь за пределами человеческого тела и подкрепляя этот разрыв ссылкой на известный литературный сюжет: *It is still alive for me, still resounds with something totally present, as though a heart stolen from a tale by Poe still throbbed under the ancient slate pavement to remind me that, here, I had finally encountered the life that was right for me but had failed to have* [Aciman, 2008, p. 234].

В другом случае он обыгрывает известную социокультурную практику анатомирования. Говоря о затухании влечения и завершении отношений, Асиман описывает анализ причин как «посмертное вскрытие»: *I hate the drawn-out process of packing up and moving out and those unavoidable postmortems that turn into teary-eyes pleas to stay together* [Aciman, 2019, p. 15–16].

Подобие антропоморфизации наблюдается и в метафорическом обозначении страсти как выпущенного на волю джинна после отбытия им срока заключения: *released like a genie who'd served his sentence and was now being cleansed with the soft, radiant scent of chamomile soap found in every one of our bathrooms* [Aciman, 2008, p. 138].

И, наконец, сексуальное влечение может обрести метафорическую жизнь в образе цветка, цветущего растения. Однако такая концептуализация не должна вводить в заблуждение, поскольку речь идет о ядовитом цветке (*a poisoned flower*), то есть, в системе хорошо известных литературных координат (ср. Бодлер), о цветке зла. В контексте образ цветка используется для показа динамики развития сексуального влечения, и при этом фокусировка произведена автором на неизбежном (eventually) завершении буйного цветения любовной страсти: *eventually blossomed like a poisoned flower* [Aciman, 2008, p. 42]. Таким образом, романтический характер этого образа в очередной раз намеренно нивелирован автором с помощью негативного оценочного дескриптора *poisoned* («отравленный»). Этим рекуррентным напоминанием самому себе и адресату «старой истины» (порок притягателен) Асиман вновь показывает противоречивую, потенциально деструктивную природу сексуального влечения.

2.6. Сексуальное влечение – это жидкость

Наличие «жидкостной» метафоры в составе метафорического ландшафта сексуального влечения может объясняться тем, что эмоции человека часто ассоциируются с жидкостью, которая помещена в контейнер, в роли которого выступает человеческое тело, и способны «перетекать» из одной его части в другую, бурлить, выкипать, высыхать и т. д. (см. например: [Kövecses, 2000]).

Из всего спектра свойств жидкости, потенциально пригодных для метафоризации страсти, важнейшей для Асимана оказывается ее способность изменять объем и интенсивность течения. Так, интенсивность влечения метафорически способна уменьшаться до едва заметной «струйки»: *the merest trickle of desire* [Aciman, 2008, p. 75].

Более сложная динамика стоит за вербальным репрезентантом *ebb* ('отлив'). Отлив – это природный процесс, который не мыслится без «прилива», то есть противоположной ему фазы. Эта взаимозависимость приводит к тому, что семантическая структура соответствующих слов обогащается потенциальной семой «временный характер». В использовании *ebb* для обозначения влечения с помощью наречия *totally*, невозможного в «морском» значении, подчеркивается преходящий, изменчивый характер очередной страсти: *desire seems to have totally ebbed and indifference has chilled the little that's left* [Aciman, 2018, p. 140]. Здесь же возникшее безразличие (*indifference*) метафоризируется как холод, сковывающий ручеек. Развернутая метафора служит у Асимана приемом рационального объяснения конца отношений и используется им как оправдание.

2.7. Сексуальное влечение – это огонь

Метафора огня традиционно считается основой языка сексуального влечения. Практически во всех лингвокультурах людям самым языком предписывается «сгорать» от страсти и «жечь» (жарить) им своего партнера (хотя у Асимана – и самого себя). Как полагает Дж. Хендерсон, материальную основу этой метафоры составляет чувство жара, сопровождающее сексуальное возбуждение и соитие [Henderson, 1991, p. 48].

Однако эта базовая метафора оказывается скудно представленной в прозе А. Асимана. Пытаясь осмыслить значимость любовного *fire* в своем дневнике, протагонист сообщает, что слово сразу пришло на ум («нутро запылало»), но оно показалось слишком простым и банальным для выявления сути случившегося: *Fire tore through my guts—because “fire” was the first and easiest word that came to me later that same evening when I tried to make sense of it in my diary* [Aciman, 2008, p. 14].

Тем не менее он употребляет эту метафору еще несколько раз, варьируя ее концептуальный формат. Влечение репрезентируется как «вспышка пламени» (*flare* [Aciman, 2018, p. 185]); его необходимо поддерживать в состоянии постоянного горения (*stoke the embers* [Aciman, 2008, p. 108]; *to feed the fire* [Aciman, 2018, p. 185]), оно способно обжигать (*scorch* [Aciman, 2018, p. 210]).

2.8. Сексуальное влечение – это электричество

Дважды А. Асиман репрезентирует сексуальное влечение как электричество, сравнивая партнеров с искрящими оголенными проводами. Ср.: *Then we'd shower and go out and feel like two exposed, live wires giving off sparks each time they so much as flicked each other* [Aciman, 2008, p. 171].

Это искрение (предвестник короткого замыкания) метафорически отсылает нас к интенсивности влечения (то есть ассоциируется с нею), одновременно репрезентируя его как потенциально деструктивное, способное убить обоих. Одновременно с этим данная метафора позволяет поместить в фокус внимания такой аспект влечения, как взаимность, поскольку ситуация искрения и связанной с ним опасности возникает только при контакте или недопустимом сближении проводов под напряжением.

2.9. Сексуальное влечение – это деструктивное физическое воздействие

Негативные последствия сексуального влечения обыгрываются Асиманом многообразно, это его сквозная мысль, объединяющая многие тексты. Одна из особо специфических указывает на них не опосредованно, а дает им прямое – несколько бытовое – наименование «синяк» (*bruise*) или «шрам» (*scar*), имплицитно ингерентную агрессивность самого процесса: *Weeks later we made up. But there were bruises everywhere* [Aciman, 2018, p. 185]; *I'm sure there must have been someone who bruised you once, or scarred you* [Aciman, 2019, p. 224].

Асиман по-разному концептуализирует видимые следы физического воздействия. Это не только выражение *I was bruised* генерализованной семантики (весь в моральных синяках, побитый, как собака и т. п.). Синяк, шрам или ссадина могут оставаться на чувстве собственного достоинства, обретая таким образом свойства физических объектов: *every nerve ending, every emotion bruised, trampled, crushed as in Mafalda's mortar, all of it pulverized* [Aciman, 2008, p. 75]; *We're not hurt, not damaged, just a wee bit bruised, but not flailing* [Aciman, 2018, pp. 96–97].

Впрочем, он тут же оговаривается, что сердце/душа остается нетронутой: *The self's a touch scuffed, of course, but not the heart*.

Варьирование вербальных репрезентантов метафоры деструктивного воздействия (*bruise, flail, scuff, trample, crush, pulverize*) позволяет показать значимость обретенного негативного опыта, градацию личной трагедии: от легкой, быстро проходящей травмы (*bruise*) до полного физического уничтожения (*crush, pulverize*).

2.10. Единичные метафоры

В метафорическом ландшафте сексуального влечения присутствуют и единичные формы, демонстрирующие возможности лингвоконцептуального экспериментирования.

Особо достойной внимания мы считаем метафору «перепутанного клубка», с помощью которой Асиман вновь обыгрывает идею чрезвычайной феноменологической сложности и противоречивости влечения: *Or are "being" and "having" thoroughly inaccurate verbs in the twisted skein of desire* [Aciman, 2008, p. 68].

Переплетающиеся нити – это не только взаимодействие двух модусов человеческого существования: «быть» и «иметь». В прозе Асимана мы видим сложное переплетение гендерных, возрастных и этнических «нитей», противоречивых эмоций и противоположных интенций. Все эти различия собраны воедино, в «клубок» (*skein*), составляя сущность многогранной человеческой сексуальности и позволяя ей проявлять себя по-разному. По нашему ощущению, метафору перепутанного клубка можно считать воплощением некоторого общего авторского понимания сексуального влечения.

Еще один «перекрученный» образ – это запутанная винтовая лестница голландского художника М. Эшера, символизирующая неясность человеческого движения вперед: *a twisted staircase designed with the impish cruelty of M. C. Escher* [Aciman, 2008, p. 68]. Несмотря на совпадение вербального репрезентанта (*twisted*), этот образ нельзя признать родственным перепутанному клубку. В данном случае на передний план выходит иллюзия внешне поступательного движения в условиях заданной архитектором невозможности его успешного завершения. Оно не запрограммировано. Отметим, однако, что вектор этого движения направлен вверх и субъективно оно ассоциируется с идеей прогресса, достижения желаемого, идеала. Но позиция Асимана здесь лишена особой трагичности, поскольку «жестокость» (*cruelty*) художественного образа европейского прогресса сильно смягчена прилагательным *impish*.

Эффектной следует признать и единичную метафору эллипса, которую Асиман использует при описании особенностей гендерной самоидентификации героя: *I was like an ellipse, with two competing foci but no center* [Aciman, 2018, p. 226]. Сам выбор фигуры свидетельствует о признании некоторой необычности собственной идентичности, поскольку традиционно гармоничная, всесторонне развитая, «правильная» личность ассоциируется с кругом или шаром (ср.: *a well-rounded personality*). Неправильность дополнительно подкрепляется отсутствием устойчивости: два противоположных центра (*foci*) могли бы сбалансировать личность, но достижение такого баланса невозможно из-за отсутствия у фигуры выраженного центра (*no center*). Этот сложный образ создает ощущение вечной неопределенности, как и постоянного поиска некоторого оптимального состояния всей конструкции.

Интересной представляется также попытка Асимана создать паремию, которая оправдывала бы отказ от окончательного выбора в пользу сексуального партнера определенного пола:

Bakers and butchers don't compete [Aciman, 2008, p. 151]. Гендер метафорически представлен здесь как ремесло, причем при общности сферы деятельности (производство еды) наблюдается узкая специализация (пекарное и мясное производство), что полностью исключает возможность конкуренции, а следовательно, допускает мирное сосуществование и взаимодействие.

Выводы

Произведения А. Асимана наглядно демонстрируют эффективность метафоры как способа осмысления и вывода в речь субъективного опыта переживания и осмысления сексуального влечения. Многоаспектность этого опыта, его ситуативная обусловленность и индивидуальная вариативность способствуют появлению и одновременному функционированию множества метафор, которые образуют единый многогранный образ сексуальности, материализованный в произведении в виде ландшафта. Структура метафорического ландшафта определяется степенью системности (концептуальной и вербальной) в использовании метафор, а также их повторяемостью в текстах. Как показывают ситуации, аналогичные метафорике огня, высокая степень конвенциональности метафор не позволяет обеспечить им центрального положения в этом ландшафте.

В индивидуальном метафорическом ландшафте А. Асимана центральное место занимают пространственные метафоры и связанные с ними метафоры движения, которые получают обильное и разнообразное словесное оформление. В структуре ландшафта обнаруживаются и единичные авторские метафоры. Зона перехода представлена множеством метафорических форм, которые находятся в относительной изоляции друг от друга и формируют более или менее четко демаркированные концептуальные зоны. Богатство и разнообразие метафорического ландшафта свидетельствует о высокой степени отрефлексированности сексуального влечения, которое единодушно признается одним из «определяющих факторов» (constitutive dimension) человеческого бытия [Cameron, Kulick, 2003, p. 2].

Список литературы

- Греймас А. Ж., Фонтаний Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 336 с.
- Aciman A. Call Me by Your Name. London: CPI Group, 2008. 248 p.
- Aciman A. Enigma Variations. London: CPI Group, 2018. 266 p.
- Aciman A. Find Me. London: Faber&Faber, 2019. 260 p.
- Bowdle B. F., Gentner D. The Career of Metaphor / Psychological Review, 2005. Vol. 112, no. 1. Pp. 193–216.
- Cameron D., Kulick D. Language and Sexuality. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 194 p.
- Crespo-Fernandez E. Sex in Language: Euphemistic and Dysphemistic Metaphors in Internet Forums. New York: Bloomsbury Academic, 2015. 250 p.
- Hawkes G. Sex and Pleasure in Western Culture. Cambridge: Polity Press, 2004. 224 p.
- Harvey K., Shalom C. Language and Desire: Encoding Sex, Romance and Intimacy. London and New York: Routledge, 2016. 250 p.
- Henderson J. The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy. Oxford: Oxford University Press, 1991. 288 p.
- Kövecses Z. Metaphor and Emotion Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 242 p.
- Kövecses Z. Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor. Oxford: Oxford University Press, 2015. 233 p.

- Lacan J.** The Direction of the Treatment and the Principle of Its Power / *Écrits: A Selection*. New York: W. W. Norton, 2004. 384 p.
- Lacan J.** The Seminar. Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis 1954–1955. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 300 p.
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Lawley J., Tompkins P.** *Metaphors in Mind: Transformation Through Symbolic Modelling*. London: Crown House Pub Ltd, 2000. 336 p.
- Leap W. L., Motschenbacher H.** Launching a New Phase in Language and Sexuality Studies. In: *Journal of Language and Sexuality*, 2012. Iss. 1. Pp. 1–14.
- The New Yorker [Online]. 2007. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2007/02/19/briefly-noted-710#:~:text=Aciman's%20first%20novel%20shows%20him,and%20ravenous%E2%80%94falls%20for%20him> (accessed on 26.06.2022).

References

- Aciman, A.** *Call Me by Your Name*. London: CPI Group, 2008, 248 p.
- Aciman, A.** *Enigma Variations*. London: CPI Group, 2018, 266 p.
- Aciman, A.** *Find Me*. London: Faber&Faber, 2019, 260 p.
- Bowdle, B. F., Gentner, D.** The Career of Metaphor. *Psychological Review*, 2005, vol. 112, no. 1, pp. 193–216.
- Cameron, D., Kulick, D.** *Language and Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 194 p.
- Crespo-Fernandez, E.** *Sex in Language: Euphemistic and Dysphemistic Metaphors in Internet Forums*. New York: Bloomsbury Academic, 2015, 250 p.
- Greimas, A. J., Fontanille, J.** *Semiotics of Passion: From States of Affairs to States of Feelings*. Moscow: LKI Publishing, 2007, 336 p. (in Russ)
- Hawkes, G.** *Sex and Pleasure in Western Culture*. Cambridge: Polity Press, 2004, 224 p.
- Harvey, K., Shalom, C.** *Language and Desire: Encoding Sex, Romance and Intimacy*. London and New York: Routledge, 2016, 250 p.
- Henderson, J.** *The Maculate Muse: Obscene Language in Attic Comedy*. Oxford: Oxford University Press, 1991, 288 p.
- Kövecses, Z.** *Metaphor and Emotion Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 242 p.
- Kövecses, Z.** *Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 233 p.
- Lacan, J.** The Direction of the Treatment and the Principle of Its Power. In: *Écrits: A Selection*. New York: W. W. Norton, 2004, 384 p.
- Lacan, J.** The Seminar. Book II. The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis 1954–1955. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 300 p.
- Lakoff, G., Johnson, M.** *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242 p.
- Lawley, J., Tompkins, P.** *Metaphors in Mind: Transformation Through Symbolic Modelling*. London: Crown House Pub Ltd, 2000, 336 p.
- Leap, W. L., Motschenbacher, H.** Launching a New Phase in Language and Sexuality Studies. In: *Journal of Language and Sexuality*, 2012, iss. 1, pp. 1–14.
- The New Yorker [Online]. 2007. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2007/02/19/briefly-noted-710#:~:text=Aciman's%20first%20novel%20shows%20him,and%20ravenous%E2%80%94falls%20for%20him> (accessed on 26.06.2022).

Информация об авторе

Нагорная Александра Викторовна, доктор филол. наук, доцент, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Information about the Author

Alexandra V. Nagornaya, Doctor of Philology, Professor at the School of Foreign Languages of the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 26.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 28.10.2022
The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 20.09.2022;
accepted for publication 28.10.2022*

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-124-131

Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте

Вера Евгеньевна Горшкова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

gorchkova_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8765-5234>

Аннотация

В приложении к интерпретации универсальных ручных жестов *развести руками* и *хлопать в ладоши* в письменном художественном тексте рассматривается активно разрабатываемый в настоящее время кинесиологический подход к невербальной коммуникации участников устного общения во время говорения, позволяющий выявить структурирующую роль человеческого тела в реализации жестов с опорой на описание биомеханики отдельных частей тела, вовлеченных в процесс жестикуляции. Доказывается, что материальное воплощение жеста с очевидностью будет отличаться в каждом отдельно взятом случае с учетом комментария автора, дающего неоднозначную экспрессивно-оценочную характеристику производимого действия. Подчеркивается важность непреложной опоры на экстралингвистический контекст, значимость которого значительно возрастает в ситуации перевода текста, трактующего язык телодвижений представителей «третьей» культуры, не являющихся носителями исходного языка и языка перевода. Учитывая отсутствие визуального представления, иллюстрирующего конкретный жест при кинесиологическом подходе, перевод соответствующих фрагментов текста требует наличия обширного когнитивного багажа и развитого творческого воображения переводчика.

Ключевые слова

невербальная коммуникация, жесты, язык телодвижений, кинесиологический подход

Для цитирования

Горшкова В. Е. Кинесиологический подход к интерпретации жестов в письменном тексте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 124–131. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-124-131

Kinesiological Approach to the Interpretation of Gestures in a Written Literary Text

Vera Ye. Gorshkova

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

gorchkova_v@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8765-5234>

Abstract

The interpretation of the universal hand gestures of *spreading arms* and *clapping hands* in a written literary text is considered using the kinesiological approach to non-verbal communication of participants while speaking, which is currently widely developed. This approach makes it possible to identify the structuring role of the human body in the implementation of gestures based on the biomechanics of individual body parts involved in the process of gesticulation. For movement analysis researchers of French Sign Language designed a real-time 3D gesture visualization tool named

© Горшкова В. Е., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

ThirdEye to help study the importance of movement in the production of meaning within the context of sign language. Some studies support the idea that research on gestures accompanying speech can provide ways of studying speakers' conceptualization of grammatical notions as they are speaking. So, the research on co-verbal gestures in French shows that gestures marking a boundary are predominantly associated with the *Passé composé* (perfect tense) whereas the gestures without boundaries are more often associated with the *Imparfait* (indefinite tense).

As to literary text, it has been proved that the material embodiment of a gesture will obviously differ in each individual case, taking into account the author's commentary, which gives an ambiguous expressive and evaluative characteristic of the action being performed. The importance of reliance on the extralinguistic context is emphasized, which increases significantly in the situation of translating a text that interprets the body language of the "third" culture representatives who are not native speakers of the source or the target languages. Given the lack of a visual representation illustrating a specific gesture, the interpretation of the relevant fragments of the text requires an extensive cognitive baggage and a developed creative imagination of the translator.

Keywords

non-verbal communication, gesture, body language, kinesiological approach

For citation

Gorshkova V. E. Kinesiological Approach to the Interpretation of Gestures in a Written Literary Text. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 124–131. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-124-131

Введение. Кинесиологический подход к жестикуляции

«A l'époque où toute communication humaine est soumise à une omniprésente dématérialisation, nous risquons de perdre de vue ce que cela signifie d'être présent par son corps» [Chwalczuk, Benayoun, 2021]. Другими словами, нынешняя эпоха, все чаще вынуждающая коммуникантов общаться в режиме видеоконференцсвязи, отличается определенной «дематериализацией» человеческой коммуникации, что влечет за собой новый всплеск интереса к проявлению невербального поведения человека, в том числе перед экраном компьютера.

В рамках невербальной семиотики в первую очередь рассматривается символический язык жестов, достаточно тяжело поддающийся теоретическому обоснованию, несмотря на его распространенность в мире человека и значимость для семиотики в целом. Как в свое время отмечал основатель Парижской семиотической школы Альгирдас-Жюльен Греймас, «ce n'est qu'en disposant d'une notation symbolique appropriée [pour le langage gestuel] qu'on pourra penser sérieusement à la constitution d'une sémiotique du monde naturel, condition de la réussite de l'entreprise sémiotique dans son ensemble» (цит. по [Marrone, 2016, p. 193])¹.

Подавляющее большинство российских работ последних десятилетий опираются на труды Г. Е. Крейдлина, посвященные невербальной семиотике, а также на идею мультимодальности, понимаемой как «описание общих законов и конкретных правил взаимодействия в устном коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков» [Крейдлин, 2014, с. 101].

Среди современных французских исследований особое место занимают работы Д. Бутэ и его единомышленников, развивающих новый кинесиологический подход к жестикуляции, который позволяет выявить структурирующую роль человеческого тела в реализации жестов и жестового языка с опорой на описание биомеханики отдельных частей тела, вовлеченных в процесс жестикуляции [Boutet, 2016, 2018]. В этой связи особо подчеркнем факт поддержки означенных исследований, проведенных на базе когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации (Polimod), грантом РНФ (№ 14-48-00067) с участием ученых из МГЛУ [Boutet et al., 2016; Богданова, 2016; Денисова, 2016; Денисова и др., 2018].

¹ «Лишь располагая соответствующим символическим обозначением [для жестового языка], можно будет всерьез задуматься о создании семиотики естественного мира; в этом залог успеха создания семиотики в целом» (здесь и далее перевод наш – В. Г.) Возможно, именно это обстоятельство в свое время побудило ученого написать вводную часть к тематическому выпуску журнала «Langages», озаглавленному «Pratiques et langages gestuels» (№ 10, 1968).

Своего рода синопсисом основных положений кинесиологического подхода мы считаем статью с символическим названием «Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité», написанную А. Моргенстерн в память о безвременно скончавшемся от коронавируса выдающемся ученом, «cet homme pluri- et interdisciplinaire, érudit, passionné, curieux, qui savourait la vie et toutes les productions culturelles et scientifiques humaines à pleines dents» [Boutet, Morgenstern, 2020]².

В отличие от собственно семиотического подхода, который, по мнению Д. Бутэ, исключает из рассмотрения означающее как способ выражения, подход кинесиологический, предметом анализа которого являются собственно производимые формы, опирается в качестве означающего на телодвижения и другие составляющие означаемого, выявляя при этом, как структурируется смысл, каковы пределы и потенциал выразительности/экспрессивности говорящего [Boutet, Morgenstern, 2020]).

Выяснилось, что данный подход позволяет, в частности, уточнить понимание особенностей концептуализации грамматических категорий в процессе говорения: например, коррелировать жестикуляцию и выражение аспектуальных значений, грамматикализованных в языке. В целях эксперимента испытуемым предлагалось рассказать о разных происшествиях в личной жизни. Одно из них должно было иметь достаточно долгую историю (narration), другое – отличаться неожиданным и стремительным развитием (événement). Соответственно, говорящие (в частности, франкофоны) спонтанно использовали в процессе говорения как повествовательные, так и разговорные композиционно-речевые формы, с необходимостью опирающиеся на разные временные формы. Особое внимание уделялось исследованию корреляции двух наиболее частотных прошедших времен французского языка (passé composé и imparfait), наиболее эксплицитно отражающих аспектуальные значения, с жестикуляцией рассказчиков. В результате было установлено, что использование passé composé сопровождается резкими рубящими движениями (gestes bornés), в то время как для повествовательности (неспешный нарратив) характерно использование imparfait в сочетании с плавными жестами (gestes non bornés). Данное заключение представляется весьма полезным в плане интерсемиотического перевода, опирающегося как на вербальную составляющую высказывания, так и на сопровождающую его жестикуляцию, проявление которой может, среди прочего, обладать значимой культурной спецификой.

«Шишков, прости: не знаю, как перевести»

Исследования жестов направлены главным образом на жесты рук, как наиболее частотные и находящиеся в фокусе внимания коммуникантов в процессе мультимодальной коммуникации. Неслучайно наш анализ, проведенный на материале 334 единиц, отобранных из произведений современных французских писателей, показывает, что именно они формируют ядро французской кинесики, включая такие единицы, как *bras* ‘рука’, *main* ‘кисть руки’, *doigt* ‘палец’ – 65, 110 и 42 ед. соответственно [Горшкова, 2021]. Несмотря на то, что кинесиологический подход направлен в основном на анализ жестикуляции участников устного общения, любопытно рассмотреть в русле этой же концепции и несколько примеров из нашего корпуса письменных художественных текстов. К нашему удивлению, они оказались весьма дискуссионными с точки зрения перевода смысла жестов/телодвижений, сопровождающихся либо не сопровождающихся словами автора, поскольку «la langue “ne se présente jamais nue mais au contraire toujours habillée du costume de la voix du locuteur et du pardessus de ses attitudes, gestes, mimiques et regards”» [Colletta, 2005]³.

² «...человеке чрезвычайно многостороннем, высокообразованном, влюбленном в свое дело, увлеченном, который обожал жизнь во всех ее культурных и научных проявлениях».

³ «...язык никогда не предстает в обнаженном виде, он всегда облекается в костюм голоса говорящего и в плащ его манеры поведения, жестов, мимики и взглядов».

Проанализируем несколько жестов рук из них, обратив внимание на сочетания *écarter les bras* и *écarter les mains*.

(1) – Eh bien, la rumeur se trompe, s'exclame-t-il *en écartant les bras* pour me montrer qu'il se porte comme un charme (Khadra, 2015, p. 88).

— Ну что ж, слухи обманчивы, восклицает он, широко **разводя руки** и показывая, что он в великолепной форме.

(2) – Mais Bruce, pourquoi est-ce qu'il faudrait toujours remplacer l'horreur par une autre horreur?

Bruce *écarte les mains* dans un geste d'impatience.

– Parce que c'est comme ça. Parce que l'horreur est là, toujours (Poulain, 2016, p. 320).

– Ну, Брюс, зачем же тогда заменять всякий раз один ужас другим?

Брюс раздраженно **разводит руками**.

— Да затем, что иначе нельзя, потому что ужас как был здесь, так и остался.

Семантика русской жестовой фраземы *развести руками* трактуется исследователями как 'досада, недоумение'. Не останавливаясь на вопросе гипо-гиперонимического перевода лексем *bras/main* (см. подробно [Горшкова, 2021]), мы лишь констатируем то, что есть: говорящие в приведенных выше примерах «разводят руками» по разным поводам, при этом интерпретация смысла жеста в обоих языках зависит от контекста. В ситуации (1) говорящий скорее производит действие, близкое к иллюстративному жесту: он как бы демонстрирует «посмотрите, какой я», при этом цель жеста вербально эксплицирована «pour montrer...», что побуждает нас к переводу «разводя руки», а не «руками». В примере (2) мы видим реакцию говорящего, выраженную посредством жеста, значение которого также эксплицировано ближайшим окружением лингвистической единицы (*geste d'impatience*), что весьма характерно для сочетаний слов, содержащих лексему *geste*. Важно, что и материальное воплощение жеста с очевидностью будет несколько иным в каждом отдельно взятом случае. Возникает вопрос: как конкретно будет выглядеть этот жест в примере (2), если его придется изобразить, наделив в одном случае эмоцией восклицания/«великолепия», а в другом – «раздражения»? Говорящий широко развел руки или не отрывал при этом локти от туловища, учитывая, что в этом примере использован гипоним *mains*, означающий не всю руку, а лишь кисть руки, в отличие от примера (1), опирающегося на гипероним *bras*?

Неоднозначность интерпретации жестов нередко объясняется национально-культурной спецификой разных народов. Ситуация несколько осложняется в случаях, когда мы имеем дело с жестом универсальным, сопровождаемым комментарием автора, который дает неоднозначную экспрессивно-оценочную характеристику производимого действия. Так, приводимые ниже примеры взяты из романа *La Dernière Nuit du Raïs* («Последняя ночь властелина») франкоязычного писателя алжирского происхождения Мохаммеда Мулессегуля, выступающего под женским псевдонимом Ясмينا Хадра, творчество которого(ой) в 2011 году было удостоено почетной награды Французской академии – гран-при имени Анри Галя в области литературы за совокупность произведений автора, написанных на французском языке. Это свидетельствует помимо литературных достоинств романа, названного литературным критиком Юбером Артюсом «*prouesse littéraire*» («литературным подвигом»), и о блестящем владении языком, на что Академия в силу своих традиций обращает не меньшее, если не большее, внимание.

Приведенная предпереводческая информация чрезвычайно важна, поскольку в означенном романе писатель от имени свергнутого и убитого ливийского лидера Муаммара Каддафи описывает события, происходящие на арабском Ближнем Востоке. Соответственно, перевод французского текста на русский язык требует непреложной опоры на экстралингвистический контекст.

Рассмотрим в этой связи выражение *taper/frapper dans ses mains* = хлопать в ладоши [Гак, Ганшина, 2005, с. 1034].

(3) Soudain, Seif avait tapé dans ses mains (**a**) *en signe d'incrédulité*.

– Il s’est enfui... Ben Ali s’est taillé. [...] – Ce n’est pas possible, s’indignait Seif en déglutissant. Ça ne marche pas comme ça. Il ne peut pas partir maintenant.

– Il est toujours temps de partir pour ceux qui ne savent pas se tenir.

Seif n’en revenait pas. Il continuait de taper dans ses mains, *(б) estomaqué et outré* à la fois par la rapidité avec laquelle le Raïs avait déserté l’arène (Khadra, 2015, p. 40).

(4) Je tape dans mes mains *en signe d’exaspération*.

– Qu’est-ce qu’il ne faut pas entendre. Je n’ai que des bras cassés autour de moi (Khadra, 2015, p. 125).

(5) Mon oncle ne savait plus à quel saint se vouer. Il frappait dans ses mains *en signe d’impuissance*, s’excusait basement devant les gens qui se plaignaient de ma conduite (Khadra, 2015, p. 85).

На первый взгляд, во всех трех примерах выполняется одно и то же действие: человек хлопает в ладоши (*tape/frappe dans ses mains*), но, как показывает ближайший лингвистический контекст, в примере (3) этот жест означает (а) недоверие (он это делает *en signe d’incrédulité*), (б) ошеломление и крайнее возмущение (*estomaqué et outré*), в (4) – сильное раздражение (*en signe d’exaspération*), в (5) – бессилие (*en signe d’impuissance*). И хотя лица, знакомые с арабской культурой, отмечают, что хлопанье в ладоши весьма частотно и характерно для ее представителей, значит ли это, что указанное действие реализуется по-разному или это один и тот же жест? Есть ли дополнительная информация относительно телодвижений, отражающих испытываемые человеком эмоции? Знакомство с сайтами, изобилующими иллюстрацией арабских жестов, не позволяет обнаружить ни одного похожего. Мы полагаем, что по контексту говорящие не всегда хлопают в ладоши – они, скорее, бьют себя по рукам или по телу. Соответственно, возможными вариантами перевода приведенных выше примеров могут быть следующие:

(3) [Сеиф смотрит по телевизору, как тунисский руководитель пытается усмирить разъяренную толпу] *Неожиданно Сеиф всплеснул руками, не веря своим глазам.*

– *Он сбегал... Но так не поступают. Он не может сейчас уйти, – негодовал Сеиф, судорожно сглатывая.*

– *Тот, кто не может удержаться [у власти], должен уйти.*

Сеиф не мог прийти в себя. Он продолжал бить себя руками, ошеломленный и возмущенный стремительностью, с которой глава государства покинул площадь.

(4) [Каддафи не может добиться от своего подчиненного ответа, когда начнется наступление на мятежный город] *Я раздраженно хлопаю в ладоши.*

— *Не хочу этого слышать. Вокруг меня одни недотепы.*

(5) [Мальчик в ярости забросал обидчика камнями] *Дядя не знал, что предпринять. Он в бессилии бил себя руками, униженно извиняясь перед людьми за мое поведение.*

И еще один любопытный пример интерпретации жеста рук из романа члена Французской академии Жана д’Ормессона, отражающий проблему символических жестов (*emblèmes, gestes symboliques*), относимых исследователями к разряду культурно-специфичных [Colletta, 2005; Denizci, 2017]:

(6) Je le vois encore, écrit Keitel, collaborateur intime de Hitler, marchant de long en large de son grand studio et *se touchant le front du doigt* en disant que Hess avait dû avoir un dérangement cérébral (D’Ormesson, 2017, p. 1154).

Я как сейчас вижу, пишет Кейтель, близкий соратник Гитлера, как он ходит туда-сюда по своему просторному кабинету, постукивая пальцем по лбу и говорит, что Гесс явно помешался.

По контексту, avoir un dérangement cérébral означает ‘проблемы с головой’. Но на иллюстрациях из французского словаря аргю и просторечия [Caradec, 1998, p. 294] ниже мы видим только два варианта «материализации» этого символа: или постукивание по виску, или круго-

вое движение указательного пальца у виска. Значит ли это, что описываемый жест характерен для персонажа, о котором идет речь, или это культурно-специфичный жест немцев?

Заключение

Проведенное исследование при всей его краткости с очевидностью показывает, что интерпретация даже таких распространенных и, казалось бы, весьма универсальных жестов рук, как *развести руками* и *хлопать в ладоши* представляет определенные трудности для письменного художественного перевода. Учитывая отсутствие визуального представления, иллюстрирующего конкретный жест при кинесиологическом подходе, перевод соответствующих фрагментов текста требует наличия обширного когнитивного багажа и развитого творческого воображения переводчика. Именно в таких случаях парафразирование (целостное преобразование фрагмента) имеет смысл трактовать уже как транскреацию, соединяющую в единое целое вербальную семантику единиц и их кинесический аналог. Это вполне обосновано, поскольку движения речевого аппарата, материализующего мысль, обязательно дублируются кинесически.

Список литературы

- Богданова Л. И. Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта // Russian Journal of Linguistics. 2016. Т. 20, № 3. Рр. 7–30.
- Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык–Медиа, 2005. 1160 с.
- Горшкова В. Е. Бесконечность интерпретаций оязыковленных телодвижений (французский/русский языки) // Динамика vs статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации / под общ. ред. Е. Ф. Серебренниковой. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 131–149.
- Денисова В. А., Ченки А., Ирисханова О. К. Boundary Expression in Verbs and Gesture: Differences between L1 and L2 Speakers // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2018. Вып. 17(24). С. 163–171.
- Денисова В. А. Влияние типов жестов на выражение предельности события // Вестник МГЛУ. События в коммуникации и когнитии. 2016. Вып. 7(746). С. 57–65.
- Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.

- Boutet D., Morgenstern A., Cienki.** Grammatical Aspect and Gesture in French : A kinesiological approach // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. T. 20, № 3. Pp. 132–151.
- Boutet, D.** Pour une approche kinésiologique de la gestualité: Habilitation à diriger des recherches. Rouen : Université de Rouen-Normandie, 2018. <http://hal.archives-ouvertes.fr/tel-02357282> (дата обращения 20.08.2022).
- Boutet D., Morgenstern A.** Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité // TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. 2020. № 36. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/3892> (дата обращения 15.05.2022). doi 10.4000/tipa.3892
- Caradec, F.** Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris : Larousse, 1998. 298 p.
- Chwalczuk M., Benayoun J.-M.** Le corps en interprétation. Dimension non verbale des discours interprétés // *Traduire*. 2021. № 245. Pp. 11–26. URL: <http://journals.openedition.org/traduire/2409> (дата обращения 15.05.2022). doi 10.4000/traduire.2409
- Colletta, J.-M.** Communication non verbale et parole multimodale: quelles implications didactiques? // *Le français dans le monde. Recherches et applications*. Paris: CLE international. 2005. Pp. 32–41.
- Denizci, C.** Usage des gestes emblématiques en didactique du français langue étrangère // *Synergies Turquie*. 2017. № 10. Pp. 69–83.
- Marrone, G.** Le monde naturel, entre corps et cultures // *Principes de la sémiotique du texte*. Editions Mimésis, 2016. Pp. 193–210.

Список источников

- D'Ormesson J.** C'est l'amour que nous aimons. Paris : Editions Robert Laffont, 2017. 1312 p.
- Khadra Y.** La Dernière Nuit du Raïs. Paris : Editions Julliard, 2015. 182 p.
- Poulain C.** Le grand marin. Paris : Editions de l'Olivier, 2016. 376 p.

References

- Bogdanova, L. I.** Text and Discourse: Looking for a Way out of the Labyrinth. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no 3, pp. 7–30.
- Gak, V. G., Ganchina, K. A.** Nouveau dictionnaire français-russe. 70 000 mots, 200 000 unités de traduction. Moscou: Rousski Yazyk Media, 2005. 1160 p.
- Gorshkova, V. E.** Infinity of interpretations of lingualized body movements (French / Russian). Dynamics vs statics in the cognition of the reality of language: approaches, phenomena, ways of representation: monograph / Ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, IGU, 2021. Pp. 131–149. (in Russ.)
- Denisova, V. A., Cienki, A., Iriskhanova, O. K.** Boundary Expression in Verbs and Gesture: Differences between L1 and L2 Speakers. *Computational Linguistics and Intelligent Technologies*, 2018, iss. 17(24), pp. 163–171.
- Denisova, V. A.** Influence of Types of Gestures on the Expression of the Event Limit. *Vestnik MSLU. Developments in Communication and Cognition*, 2016, iss. 7(746), pp. 57–65. (in Russ.)
- Kreidlin, G. E.** Semiotic Conceptualization of the Body and the Problem of Multimodality. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no. 2, pp. 100–120. (in Russ.)
- Boutet, D., Morgenstern, A., Cienki, A.** Grammatical Aspect and Gesture in French : A kinesiological approach. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 3, pp. 132–151.
- Boutet, D.** Pour une approche kinésiologique de la gestualité: Habilitation à diriger des recherches. Rouen : Université de Rouen-Normandie, 2018. <http://hal.archives-ouvertes.fr/tel-02357282> (consulté le 20.08.2022)

- Boutet, D., Morgenstern, A.** Prélude et Ode à l'approche kinésiologique de la gestualité. TIPA. *Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*, 2020, no. 36. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/3892> (consulté le 15.05.2022). doi 10.4000/tipa.3892
- Caradec, F.** Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris : Larousse, 1998, 298 p.
- Chwalczuk, M., Benayoun, J.-M.** Le corps en interprétation. Dimension non verbale des discours interprétés. *Traduire*, 2021, no. 245, pp. 11–26. URL: <http://journals.openedition.org/traduire/2409> (consulté le 15.05.2022). doi 10.4000/traduire.2409
- Colletta, J.-M.** Communication non verbale et parole multimodale: quelles implications didactiques?. *Le français dans le monde. Recherches et applications*. Paris: CLE international. 2005, pp. 32–41.
- Denizci, C.** Usage des gestes emblématiques en didactique du français langue étrangère. *Synergies Turquie*, 2017, no. 10, pp. 69–83.
- Marrone, G.** Le monde naturel, entre corps et cultures. Principes de la sémiotique du texte. Editions Mimésis, 2016, pp. 193–210.

List of Sources

- D'Ormesson, J.** C'est l'amour que nous aimons. Paris : Editions Robert Laffont, 2017, 1312 p.
- Khadra, Y.** La Dernière Nuit du Raïs. Paris : Editions Julliard, 2015, 182 p.
- Poulain, C.** Le grand marin. Paris : Editions de l'Olivier, 2016, 376 p.

Информация об авторе

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Vera E. Gorshkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 11.06.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 25.10.2022
The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 03.10.2022;
accepted for publication 25.10.2022*

Научная статья

УДК 81-115

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-132-145

Перевод романа М. Этвуд *The Handmaid's Tale*: прекрасное слово и Слово о прекрасном (в контексте проблемы переводческой адекватности)

Анна Сергеевна Изволенская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

anna@izvolensky.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-8468>

Аннотация

Статья посвящена вопросу соотношения свободы в интерпретации буквы оригинала и объективной необходимости ей следовать как частной проблеме переводческой адекватности. Данный вопрос рассматривается на примере русскоязычной версии романа-антиутопии Маргарет Этвуд *The Handmaid's Tale* (пер. А. Б. Грызуновой). Мы исходим из первичной роли поэтической составляющей как главной функциональной доминанты исследуемого текста, что подтверждается обилием метафор и образных сравнений. Методологическим основанием для отбора контекстов в качестве концептуально значимых послужила философская теория Г. Башляра, в соответствии с которой мы рассматриваем монологическую речь главной героини, Оффред, как грезу, ее саму – как субъекта грезящего. В современной психологии грезы Оффред – воспоминания, фантазии – вполне могут трактоваться как порождение «блуждающего разума» (*mind wandering*), что делает такого рода материал особенно благодатным для лингвокогнитивного анализа. Обращение к раннему стихотворному творчеству М. Этвуд помогло идентифицировать некоторые сквозные для ее творчества мотивы и ассоциации, сформировав тем самым представление об ее индивидуальном стиле, что немаловажно для области художественного перевода. Наше внимание сосредоточено на фрагментах, тематически связанных с природой, а точнее с тем, как мир зримый преломляется в сознании героини, находящейся в ситуации особого психологического давления. Лингвокогнитивный анализ концептуально значимых контекстов оригинала свидетельствует о равноценной характерологической, сюжетообразующей роли обеих фигур сравнения. Особенности их передачи А. Б. Грызуновой, вопреки отдельным удачным творческим решениям, указывают скорее на изначальное отсутствие четкой переводческой стратегии.

Основной вывод заключается в том, что, признавая значимость творческой составляющей переводчика, мы утверждаем необходимость разработки такой стратегии (концепции перевода), которая учитывала бы, будучи построенной на определенных основаниях, идейно-философскую сущность произведения, интенцию и идиостиль автора. Адекватность перевода при этом мыслим как последовательность в претворении избранной стратегии. Это в особенности касается поэтической прозы, примером которой, несомненно, является известная антиутопия Этвуд.

Ключевые слова

Маргарет Этвуд, «Рассказ Служанки», эстетика природы, метафора и образное сравнение, адекватность перевода.

Для цитирования

Изволенская А. С. Перевод романа М. Этвуд *The Handmaid's Tale*: прекрасное слово и Слово о прекрасном (в контексте проблемы переводческой адекватности) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 132–145. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-132-145

© Изволенская А. С., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

Text Aesthetics in M. Atwood's "The Handmaid's Tale" and Its Reflection in the Russian Version of the Novel (Revisiting Translation Adequacy)

Anna S. Izvolenskaya

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

anna@izvolensky.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-8468>

Abstract

The present article looks at how the translator's creativity can adequately reconcile with the objective necessity for him/her to follow the letter of the original. The case study of the Russian version of M. Atwood's 1984 dystopian novel "The Handmaid's Tale", the latter literally bristling with metaphor and simile, demonstrates a great importance of adequately conveying the text's poetic function.

In our approach, inspired by G. Bachelard's phenomenological theory of space, we view Offred's monologue as a kind of reverie, herself – as a day-dreaming subject going through an emotional ordeal. It should be noted that in modern psychology, Offred's reverie, including her memories and fantasies, can be regarded as a product of the "wanderings" of her mind. To look deeper into Offred's subconscious and bring out her most personal emotions we apply cognitive linguistic tools. We also turn to Atwood's early poetry since the "Tale" told by Offred the Handmaid manifests evocative images and motives typical of the peculiar Atwoodian style.

Specifically, we have focused on contexts, in which nature-inspired images produced by the protagonist's "wandering mind" and unfolding within innumerable metaphors and similes, unveil the ambiguity of human nature and the eerie side of life in the fictional Republic of Gilead. The cognitive analysis of the original contexts has demonstrated the equal value of metaphor and simile as major literary devices for creating character profile and even for constructing a complex plot. We have studied how those extremely diverse figures of speech are conveyed by the translator, Anastasia B. Gryzunova. Despite the many occasions when she succeeded in conveying the meaning of Atwood's unconventional comparisons, her version, however, lacks a clear-cut translation strategy which results in a dissonance between Offred's deep depression and the way the translator actually makes her sound in some parts of the text.

Acknowledging the positive role of the translator's creativity, we emphasize the need for translation adequacy interpreted as consistency in pursuing a strategy that builds on the key ideas of the source text, the author's intention and her individual style. Such view on the nature of adequacy is in line with scientifically based evaluation methods for poetic prose, of which Atwood's acclaimed dystopian novel is no doubt a remarkable example.

Keywords

Margaret Atwood, "The Handmaid's Tale", aesthetics of nature, metaphor and simile, translation adequacy

For citation

Izvolenskaya A. S. Text Aesthetics in M. Atwood's "The Handmaid's Tale" and Its Reflection in the Russian Version of the Novel (Revisiting Translation Adequacy). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 132–145. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-132-145

Посвящается моему научному руководителю,
дорогой Татьяне Юрьевне Загрязкиной

«Какое же противозаконное дитя человек: закон
духовной природы нарушен»

Ф. М. Достоевский

Введение

Мысль о связи между постижением прекрасного и познанием вообще подспудно высказывалась еще в античной философии. Как писал Платон, в своем стремлении к «подлинному» знанию в мир эйдосов крылатая человеческая душа «вскармливается» божественным – тем, что «прекрасно, мудро и доблестно» [Платон]; а «созерцание вещей в вышине» сопровожда-

ет это восхождение в область умопостигаемого [Цит. по: Лосев, 2016, с. 284]. В кантовской философии созерцание, к которому «стремится всякое мышление», возведено в ранг способа познания [Кант, 2017, с. 67]. Созерцание красоты природы, писал Н. А. Бердяев, «есть по преимуществу продукт культуры» [Цит. по: Любимова, 1994, с. 48].

Вполне естественно, что в художественной литературе, где проводником в мир идей выступает эстетика слова, созерцание природы несет особую смысловую нагрузку, не говоря уже о том, что природа нередко выступает в качестве полноправного актора. Так, в романе-антиутопии Маргарет Этвуд *The Handmaid's Tale* антропогенная катастрофа привела к массовому бесплодию, правительственному перевороту и установлению теократической Республики Гилеад. Население Республики стремительно сокращается, а тихие, безлюдные улицы города главная героиня, Служанка¹ Оффред, сравнивает с музеем. Вдали от описываемого места на зараженных территориях Колоний медленно умирают противники режима. Но даже в таком постапокалиптическом «дивном новом мире» природа остается значимой составляющей среды обитания, величественно неизменной на фоне социальных катаклизмов.

Сама поэтесса и прозаик Маргарет Этвуд нередко высказывается о проблемах защиты и сохранения окружающей среды: необходимости поиска альтернативных источников энергии, спасения лесов и океанов². Надо отметить, что экологическая тематика в целом свойственна канадскому общественно-политическому дискурсу. Так, квебекский социолог Л. Н. Телье особо выделяет роль Канады и скандинавских стран, на которых, как он полагает, лежит ответственность за поддержание экологического равновесия в Арктике и, в частности, в Канаде (*Great North, Le Grand Nord*) [Tellier, 1977, p. 50].

Всемирная популярность «Рассказа» 33-летней Служанки Оффред связана, помимо всего прочего, и с тем, что Оффред – обыкновенная женщина, *passive everywoman* [Macpherson, 2010, p. 56]. Голос обывателя, по мнению Х. С. Макферсон, – наиболее эффективный способ для Этвуд изобличить примиренческую позицию современного общества перед лицом таких глобальных проблем, как пренебрежительное отношение к природе, инертность и доверчивость в условиях цифровизации персональных данных и экспансии науки [Ibid., pp. 53–54].

Зарубежные исследователи (J. H. Rosenberg, J. Mallinson, Ph. Stratford, G. Woodcock и пр.) отмечают метафоричность прозы Этвуд, испытавшей, в числе прочих, влияние творчества Эдгара По и Мэри Шелли [Mallinson, 1984, p. 3]. Поэтика свойственна и прозе Этвуд. Так, текст романа *The Handmaid's Tale* насчитывает 542 метафоры и 478 образных сравнений³. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, метафора «органически связана с поэтическим видением мира» [Арутюнова, 1990], поэтому в своем исследовании мы исходим из гипотезы о смыслообразующей роли поэтической доминанты антиутопии Этвуд.

Фигуры сравнения – важная составляющая идиостиля автора, причем зачастую средство уподобления достаточно нетривиально. Так, Макферсон отмечает специфичность некоторых метафор и образных сравнений в романе *The Handmaid's Tale*: фишки настольной игры превращаются в мятные леденцы (*the counters are like candies, made of peppermint* [Macpherson, 2010, p. 57]), запах лака для ногтей – точнее, воспоминание о нем – вызывает чувство голода, вязанье Жены Командора воняет (*the stench of her knitting*) [Ibid.] и т. д. Нетривиальность уподоблений связывается исследовательницей с тем фактом, что невольница Оффред, компенсируя недоступность привычных чувственных ощущений, заново их изобретает [Ibid.].

¹ Служанки (*Handmaids*, с прописной буквы), равно как и Жены (супруги Командоров), Эконожены (чьи мужья Командорами не являются), Марты (экономки в домах Командоров), Неженщины (*Unwomen*), а также Aunts, то есть наставницы (в переводе – «Тетки») – это наименования социальных групп (женского пола) кастового общества Республики Гилеад.

² Conversation with Margaret Atwood: <https://www.youtube.com/watch?v=7a8LnKCzsBw>

³ В данном исследовании мы, вслед за Е. С. Савиной, не будем проводить строгого разграничения между метафорой и образным сравнением (вопреки формальным различиям) ввиду общности их функции в канве художественного текста [Савина, 2019, с. 90–91].

Т. Хибер, рассуждая о метафоричном языке прозы Этвуд, также отмечает незаурядность ее фигур сравнения, связанных с миром детства: например, сравнение младенца с покрытым присосками осьминогом из романа *The Edible Woman* [Gibert, 2018, p. 32]. Выражая негативные эмоции, страх и тревогу протагонистов, привычные образы в прозе Этвуд, как пишет Хибер, окрашены соответствующими негативными коннотациями. В романе *The Handmaid's Tale* «детские» фигуры сравнения приобретают политический оттенок. Сегодня, когда в США с новой силой разгорается борьба между сторонниками и противниками права женщин на аборт, мисс Этвуд не без иронии предлагает вспомнить времена, когда по своему правовому статусу женщины мало отличались от детей⁴. На Служанок возложена миссия спасения общества Республики Гилеад от вымирания, но они лишены абсолютно всех прав, что обуславливает особое (негативное) метасемiotическое значение сквозной «детской» метафоры. В таком ключе данная проблема раскрывается и К. Теннант, что проявляется уже на уровне используемой ею терминологии современного англоязычного социально-политического дискурса (*infantilization*, *objectification*, *silencing* [Tennant, 2019, pp. 78–91] и др.).

Русскоязычных исследований творчества Этвуд относительно немного, а работ, посвященных переводам ее прозы и способам передачи ее идиостиля, и того меньше. В данном исследовании мы сосредоточим внимание на проблеме адекватного отражения в переводном тексте поэтической доминанты романа *The Handmaid's Tale*.

В отечественном переводоведении понятие адекватности перевода связывается с проблемой переводческой стратегии, избираемой в зависимости от функциональных доминант конкретного текста. [Швейцер, 2019, с. 95]. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы определить на примере русскоязычного перевода романа Этвуд *The Handmaid's Tale* то, каким образом осознанное претворение стратегии влияет на отражение во вторичном тексте поэтической доминанты оригинала, и тем самым уточнить подходы к трактовке понятия «адекватность». Сформулированы следующие задачи: 1) уточнить функциональную роль фигур сравнения, связанных с восприятием главной героиней предметов и явлений окружающего мира; 2) выявить особенности передачи переводчицей, А. Б. Грызуновой, метафор и образных сравнений и охарактеризовать соответствующие переводческие решения с точки зрения последовательности в отражении особенностей оригинальной стилистики и идейно-философского содержания произведения.

Наш общий философский методологический принцип восходит к теории Г. Башляра о пространстве, в частности, о просторе [*l'immensité*], как философской категории грезы [*la rêverie*]. Созерцание величия природы [*la grandeur*] определяет особое состояние души мечтающего, уводимого грезой за пределы окружающего мира [Башляр, 2004, с. 86].

В целом вся монологическая речь Оффред может быть квалифицирована как «греза»: даже самые, казалось бы, тривиальные ее рассуждения сопровождаются болезненными воспоминаниями о прошлом или образными описаниями предметов и людей в настоящем, подчас уводящими ее в глубокие экзистенциальные размышления. Оффред – «субъект грезящий», и грезы ее – бегство от одиночества, страха, стыда и осуждения окружающих [Macpherson, 2010, pp. 55–56]. Следует сказать, что в большинстве случаев Оффред удается «бежать» от невыносимой реальности в свой мир грез – своеобразный оплот ее ментальной «безопасности». Эта «победа» в неравной схватке с окружающей действительностью – естественное следствие того, что американский антрополог Лесли Уайт обозначил как *minding* [Цит. по: Фефелов, 2022, с. 136–137].

А вот в нейробиологии и психологии грезы Оффред вполне соотносятся с явлением «блуждающего разума» (*mind wandering*). В 2010 г. гарвардские психологи М. Киллингсворт и Д. Гилберт провели эксперимент, в ходе которого испытуемые в течение дня в произвольные

⁴ Human rights for the 21st century: by Margaret Atwood, Reni Eddo-Lodge, Dave Eggers and more, <https://www.theguardian.com/books/2018/dec/08/universal-declaration-human-rights-turns-70>.

моменты времени должны были ответить на два вопроса: «Какое у вас сейчас настроение?» и «Связаны ли ваши мысли с тем, что Вы сейчас делаете»⁵. В 46,9 % случаев не было установлено никакой очевидной связи между текущим занятием субъектов и тем, о чем они в тот момент думали. Более того, анализ полученных данных показал, что именно «блуждание разума» чаще всего становилось причиной печали, а не наоборот [Gilbert, Killingsworth, 2010, p. 932].

По нашим подсчетам, «Рассказ» обнаруживает всего 62 случая, когда блуждающий разум Оффред переносит ее в воображаемые миры, подавляющее большинство которых относится к воспоминаниям о семье (матери, муже и дочери) и близкой подруге Мойре. Описания событий, диалогов, предметов из прошлого варьируются по текстовой протяженности от сравнительного оборота в составе предложения до строф и целых фрагментов.

Психолингвистический аспект исследования нарратива важен тем, что внутренний простор, согласно Башлярю, придает *подлинный* смысл высказыванию субъекта о внешнем мире [Башляр, 2004, с. 87]. Правомерно предположить, что именно этот смысл является «интенцией» – тем, что «автор хотел сказать», «идеальной сущностью» оригинала [Гарбовский, 2019, с. 129], «раз и навсегда заложенным замыслом автора» [Арнольд, 2016, с. 341], «заданным значением» избранных автором речевых средств [Виноградов, с. 396]. Вопрос же о соотносительности лексико-стилистических средств с философской сущностью переводимого произведения (или, в терминах В. В. Виноградова, о «приспособлении словесных элементов “эстетического объекта” к телеологии целого» [Там же, с. 395]) – одна из наиболее сложных и вместе с тем очевидных проблем художественного перевода, центральное место в которой, на наш взгляд, должно отводиться категории адекватности.

Наконец, в вопросе о том, что понимать под природой, мы будем опираться на одно из 11 значений философского словаря А. Лаланда: «видимый материальный мир в противоположность идеям» [Цит. по: Любимова 1994, с. 31].

The Handmaid's Tale в контексте поэтического творчества Этвуд: основные идеи

Исследователями давно было отмечено, что антиутопия The Handmaid's Tale является единственным прозаическим произведением Этвуд, где действие разворачивается в США, в то время как в других романах это бескрайние просторы родной Канады [Macpherson, 2010, p. 13]. Более того, одна из ключевых тем ранней поэзии Этвуд – противостояние американской экономической экспансии, бунт против воинствующего индивидуализма и фаустовского отрицания смерти, что в ценностной системе автора равноценно отрицанию самой жизни [Rosenberg, 1984, p. 30]. Диалектика жизни и смерти осмысливается Этвуд в контексте двойственности человеческой природы: человек составляет единое целое с природой и одновременно отстоит от нее [Ibid., p. 32].

Проблема дуализма природы человека раскрывается в поэзии Этвуд в том числе через мотив путешествия-одиссеи, являющийся одним из основных и в ее прозе [Stratford, 1983; Rosenberg, 1984]. Это путешествие лирического субъекта через неисследованное пространство дикой природы⁶, ассоциирующееся с лабиринтом, испытанием, цель которого – познание себя и другого (*the brain, a lost civilization* [Rosenberg, 1984, p. 73]), а в более широком смысле – возвращение к истокам, «мистическое путешествие к началам» [Ibid., p. 28]. Однако попытка обрести абсолютное знание заведомо обречена, поскольку стремление заглянуть по ту сторону бытия

⁵ Практически круглосуточный доступ к испытуемым через специально разработанное приложение для iPhone обеспечил необходимые для исследования естественные условия и, соответственно, большую достоверность данных, в отличие от результатов, полученных в условиях лабораторных экспериментов.

⁶ В целом семантика понятия *the wild (wild nature)* в поэзии М. Этвуд реализует присущую европейской культуре «конфликтногенную ассоциацию» [ср. Фефелов, 2016, с. 73], что в свою очередь отсылает нас к извечной (для той же европейской культуры) проблеме дуализма человека.

(*a landscape stranger than Uranus* [Atwood, 2019, p. 95]) чревата невозможностью оттуда вернуться (*many have been here, but only some have returned safely* [Ibid., p. 30]). Странник неизбежно потеряется в лабиринте собственного ограниченного опыта (*the mist, grey soot, a tangle of branches, a net of air and alternate light and dark*), ведь человек, подобно дереву или камню, лишь часть природы, чуждой насаждаемому ей порядку (*the logic of windows*). *All flesh is grass*, – мысленно процитирует Ветхий Завет Оффред (с. 90)⁷.

В поэзии Этвуд одним из олицетворений стремления человека подчинить природу и обуздать собственные первобытные инстинкты является город, где прирученная природа – высаженные деревья, «педантичные ряды» домов, «обескураженная трава» (*discouraged grass* [Atwood, 2019, с. 10]) – лишь иллюзия. В стихотворении *A Bus Along St. Clair: December* холодный городской пейзаж, наблюдаемый из окна автобуса, постепенно превращается в лес: *an unexplored wilderness of wires—there is no city; this is the centre of a forest* [Ibid., pp. 115–116].

Мотив одиссеи, сопровождающейся метаморфозами субъекта и пространства-времени, находит отражение и в антиутопии *The Handmaid's Tale*. Процесс адаптации разлученной с родными Оффред к новой реальности сопровождается ее «путешествием» в глубины собственного сознания. Подобно лирическому субъекту стихов Этвуд, Оффред заново открывает для себя окружающий мир, стремясь проникнуть в суть вещей: *...one hand on the banister, once a tree, turned in another century* (с. 14), Ср. в *The Circle Game*: *grey stone that was once a fort* [Atwood, 2019, p. 19]. Оффред также ассоциирует себя с окружающим миром: *I stand on the corner, pretending I am a tree* (с. 38). (Ср.: *...at the last judgement we will all be trees* [Atwood, 2019, p. 115]). Однако семантическая нюансировка природных ассоциаций в романе связана со спецификой восприятия мира невольницей. Так, самоуподобление дереву проникнуто горькой иронией: таким же «деревом» она ощущает себя среди домочадцев (*Possibly she'll put a hand on my shoulder, to steady herself, as if I'm a piece of furniture. She's done it before.* (с. 158)), а ассоциация происходит из расхожей фразы педагога балетного кружка (*Let's pretend we're trees* (с. 38)). Эта обыденная фраза вспоминается Оффред, когда официальная пропаганда, уподобляя Служанок «семенам», призывает их к самопожертвованию: *Some of you will fall on dry ground or thorns. Some of you are shallow-rooted* (Там же). Библейская аллюзия в циничной речи наставницы Тети Лидии звучит как мрачное предзнаменование, вызывая страх и тревогу, которыми зачастую проникнуты и стихи Этвуд [Rosenberg, 1984, p. 33].

В целом антиутопию Этвуд можно трактовать как своеобразное исследование человеческой натуры, поскольку первичным фактором в трактовке нейтральных явлений окружающего мира становятся переживания главной героини. Сквозная же идея поэзии и прозы Этвуд о причудах взаимопроникновения природного и собственно человеческого в какой-то мере отсылает нас к сюрреалистичным метаморфозам из *Saint-Glinglin* Раймона Кено, где натуралистичность природных образов создается благодаря метафоризации человеческой физиологии [Кено 2003, с. 26].

Время

Значимость времени, трактуемого в современной науке как неотъемлемая часть пространства, обусловлена спецификой мироощущения Оффред, фактически находящейся в состоянии рабства и лишенной всякой связи с внешним миром. Три года, прошедшие с момента государственного переворота, в корне изменившего жизнь героини, кажутся ей целой вечностью: *thousands of years before* (с. 242), *once upon a time* (с. 252), *times gone by* (с. 178). Скудость досуга, состоящего в основном из примитивных каждодневных ритуалов, подчеркивается следующими эпитетами и метафорами: *blank time* (с. 144), *the long parentheses of nothing* (с. 140);

⁷ Здесь и далее роман (оригинал и перевод) цитируется по: Atwood M. *The Handmaid's Tale*. Издательство «ЭКСМО». М., 2020. (Издание включает в себя оригинальный и переводной тексты, представленные как параллельные. Страницы даются в круглых скобках.)

time as white sound (Там же); *time heavy as fried food or thick fog* (с. 554); *geometrical days, which go around and around* (с. 412). Несмотря на то, что поэтическое содержание фигур сохраняется и при буквальном их переводе (*пробел между скобками, геометрические дни* и др.), семантические сдвиги типа *heavy time* – *тяжкое время* представляются вполне адекватными решениями. Власть неумолимого времени проявляется, когда Оффред разглядывает фотоснимок дочери, который для нее раздобыла Жена Командора.

Фотоснимок в поэзии Этвуд – своеобразное воплощение диалектики материального и идеального, проводник в иной мир (см., например, *This is a photograph of me*). Так, в стихотворении *It is dangerous to read newspapers* подлинный трагизм войны (*the jungles are flaming <...> another village explodes* [Atwood, 2019, p. 60]) скрывается за незамысловатой повседневностью газетного фото, материальные детали которого (*the pocked black and white of a war photo* [Ibid.]) противопоставляются реальному человеческому страданию где-то на другом конце Земли. Скорбную тайну открывает главной героине «Рассказа» глянец квадратного поляроидного снимка (*a Polaroid print, square and glossy* (с. 476)):

<i>Time has not stood still. It has washed over me, washed me away, as if I'm nothing more than a woman of sand, left by a careless child too near the water.</i>	<i>Время не стояло на месте. Окапало меня, накапало, смыло, будто я – песочная женщина, будто беспечный ребенок оставил меня слишком близко к воде</i> (с. 476–478).
---	--

Словосочетание *a woman of sand*, на наш взгляд, следовало бы передать грамматически буквально, формой родительного падежа существительного – *женщина из песка*, чтобы подчеркнуть характеристику предмета по материалу [Huddleston, Pullum, 2016, p. 659]. Такое выражение признака предмета, по форме совпадающее с устойчивым словосочетанием «замок из песка» в значении ‘иллюзия’, усилило бы эмоциональную коннотацию: материнское чутье Оффред, когда она смотрит на фото повзрослевшей дочери, подсказывает, что девочка начинает ее забывать: *You can see it in her eyes: I am not there* (с. 478). Память Оффред хранит и образ дочери, запечатленный на одной из совместных фотографий:

<i>I remember the pictures of us I once had, me holding her, standard poses, mother and baby, locked in a frame, for safety.</i>	<i>Помню, у меня были наши фотографии, я ее обнимала, шаблонные позы, мать и ребенок, замкнутые в рамке, безопасности ради</i> (с. 132–133).
--	--

Компоненты словосочетания *mother and baby*, выражая индивидуализированные значения, соплагаются здесь как одно целое, выражая значение ‘семья’. При этом оно контрастирует с контекстуальной семантикой почти такого же (*the mother and child*), но уже более идиоматичного словосочетания в другом месте романа: *they cluster around the bed, the mother and child, cooing and congratulating* (...они толпятся у постели вокруг матери и ребенка, воркуют и поздравляют (с. 262–263)). Определенный артикль содействует восприятию обозначаемых лиц – Жены Командора и (не ее) новорожденного – как участниц церемониальной сцены⁸, «постановочной картинки», вызывающей горькую насмешку Оффред, так же, как и Жанин, разлученной с собственным ребенком. Создаваемое наличием/отсутствием артикля различие в семантической нюансировке схожих словосочетаний *mother and baby* и *mother and child* в указанных контекстах можно было бы передать в переводе с помощью приема компенсации. Так, эмоциональная коннотация, создаваемая функционально-стилистическим опущением артикля в словосочетании *mother and baby*, может быть восполнена, например, через передачу

⁸ Речь идет о сцене из 21-й главы, где описана публичная Церемония родоразрешения Служанки Жанин. Новорожденная девочка символически передается Жене Командора, которому принадлежит Служанка.

метафоры *locked in a frame* как «запертые», чтобы выразить идею необратимости времени: невозможность вернуть счастье, поместив его, подобно фотоснимку, в рамку.

С существительным *frame*, употребленным в романе в значении ‘an enclosing border’ семь раз, связаны и другие значимые смыслы. Так, лицо Оффред «обрамлено» (*framed in the hall mirror* (с. 100)) единственным в Доме Командора зеркалом. Существительное *eye*, в свою очередь, символизирует в тексте романа неусыпный контроль власти Республики Гилеад над обществом [Tennant, 2019, pp. 30–31]. Описание своего отражения в зеркале, напоминающем героине глаз рыбы (*the eye of a fish* (с. 14), *the fisheye* (с. 202), *the brief glass eye of the mirror* (с. 542)), может прочитываться и как метафора плена. Лишенная свободы, Оффред оказывается в плену у времени: *Time's a trap, I'm caught in it* (с. 296).

Итак, идея необратимости времени в романе *The Handmaid's Tale* выражается сквозь призму личных переживаний героини. Оффред почти осязает всеокрушающую власть времени, то смывающего ее, подобно волне, разрушающей фигурки из песка, то запирающего ее в одном из навсегда утраченных миров прошлого.

Сад и цветы

К символике сада Жены Командора в антиутопии Этвуд не раз обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи. По мнению К. Теннант, сад Жены Командора, Сирены Джой, с плакучими ивами, вянущими нарциссами (*a willow, weeping catkins... the daffodils are now fading* [Tennant, 2019, p. 34]) – ироничная метафора библейского Эдема с той лишь разницей, что его владелица не способна последовать повелению Господа «плодиться и размножаться» [Ibid.]. Е. П. Жаркова отмечает двойственный характер сада как топоса, где естественное начало соединяется с «контролирующей волей человека», а также амбивалентность этого образа в контексте романа, поскольку сад Сирены «хранит следы женской телесности и одновременно их подавления» [Жаркова, 2017]. Негативные коннотации, на наш взгляд, превалируют. Так, например, описаны бутоны тюльпанов:

...the **bleeding hearts**, so **female in shape** it was a surprise they'd not long since been rooted out. ...**кровоточивые сердца**, формы столь женственной – удивительно, что их давным-давно не выкорчевали (с. 310–311).

«Кровоточащие сердца» не вызывают у Оффред восхищения: наоборот, напоминающие женский силуэт бутоны вызывают отвращение, как и ее собственное тело: *I don't want to look at something that determines me so completely* (с. 130). Однако эта реакция Оффред определяется не тем, что в культуре Гилеад человеческое тело в принципе осуждается, а тем, что ценность женщины сведена в ней к репродуктивным функциям. С учетом такой семантической нюансировки повышение регистра в переводе (*so female in shape* – **формы столь женственной** (с. 310–311)) представляется необоснованным. Более того, следуя характерным для Этвуд метафоричности и смысловой амбивалентности, *rooted out* можно передать глаголом «искоренить», поскольку тиранический режим стремится искоренить институт семьи, построенной на кровных узах.

Бутоны тюльпанов также уподобляются чашам, *chalices*, причем это же существительное, обозначающее в английском языке сосуд для церемонии причастия, употребляется и в составе метафоры, уподобляющей Служанку «двуногой матке» (в переводе *двуногая утроба*): *We are two-legged wombs, that's all: sacred vessels, ambulatory chalices* (с. 284).

Особого внимания заслуживает «произрастающая» из сада сквозная метафора, уподобляющая красный (цвет платьев Служанок и тюльпанов) цвету крови. Тюльпаны напоминают Оффред затягивающуюся рану: *...a darker crimson towards the stem, as if they have been cut and are beginning to heal there* (с. 22). Этим же цветом, цветом заживающей раны, окраше-

на и «улыбка» мертвеца – кровавое пятно, проступившее на бело-сером мешке, скрывающем голову одного из казненных на Стене: *The red of the smile is the same as the red of the tulips in Serena Joy's garden, towards the base of the flowers where they are **beginning to heal*** (с. 76). Оффред сравнивает головы повешенных с головами снеговиков, кровавый след на них – с детским рисунком: *like the mouths painted by kindergarten children* (с. 72–74). Указание на тело казненного с помощью метафоры *in absentia* [Савина, 2019, с. 90] в 8-й главе – *The snowman with the red smile is gone* (с. 86) – усиливает мрачность врезавшегося в память образа. Семантика смерти актуализируется также в описании отцветающих, «взрывающихся» тюльпанов: эллиптическое предложение *the petals thrown out **like shards*** передано метафорой-метаморфозой: *и лепестки **разлетаются осколками*** (с. 90–91), что усиливает выразительность оригинального образного сравнения.

Учитывая систему контекстуальных смыслов, связанных с цветами сада Сирены, можно говорить о преимущественно отрицательном образе сада в романе. Наблюдаемый Оффред летний сад, не олицетворяя торжество жизни, уподобляется могиле: *There is... a sense of buried things bursting upwards* (с. 310–311). Отрицательная коннотация распространяется и на «произведения» этого сада:

*...the humid air which **stinks of flowers**, of pulpy growth, of pollen thrown into the wind in handfuls, like oyster spawn into the sea. **All this prodigal breeding.*** ...влажный воздух; **тяжко** пахнет цветами, мясистым ростом, пылью, что горстями подхвачена ветром, словно устричное потомство в море. **Ах, щедрая плодovitость** (с. 312–313).

Передаваемое в данном отрывке ольфакторное ощущение – не аромат весенних цветов, но именно вонь пахучей растительности, хотя передача словосочетания *pulpy growth* как *мясистый рост*, конечно, усиливает натуралистичность и в целом соответствует новаторскому стилю Этвуд. Модальность последнего предложения (*All this prodigal breeding* – букв. ‘**Всё это обильное размножение**’) не оставляет сомнений в тоне высказывания, проникнутого отвращением. Противоположностью сада Сирены с «кровавыми» тюльпанами предстает воображаемый одуванчик, символ естественной стихии:

*Not a dandelion in sight here, the lawns **are picked clean**. I long for one, just one, rubbishy and insolently random and hard to get rid of and perennially **yellow as the sun**. Cheerful and plebeian, shining for all alike... I'd hold one under **her** chin: Do you like butter? Smelling them, **she'd** get pollen on her nose.* Ни единого одуванчика не увидишь, газоны **выполоты подчистую**. Хорошо бы один, хотя бы один, мусорный и нахально случайный, неотвязный, извечно желтый, **как солнце**. Жизнерадостное и плебейское, светит всем подряд... Или я совала ей одуванчик под подбородок: Петушок или курочка? Она нюхала, у нее на носу оставалась пыльца. (с. 442–443).

Одуванчик ассоциируется с солнцем и свободой, читаем в другом месте в романе: *The sun is **free**, still there to be enjoyed* (с. 350). Незамысловатый сорный цветок, окрещенный Р. Брэдли «благородным» [Bradbury, 2018, р. 29], напоминает Оффред о дочери. В данном фрагменте, как и в абсолютном большинстве других, когда Оффред рассказывает о дочери, указание на последнюю осуществляется с помощью личных местоимений *we*, *our*, *she*, *her*, что подчеркивает интимность воспоминаний и боль утраты. Примечательно также, что прилагательное *plebeian* в своем переносном значении обладает в английском отрицательными коннотациями [Hornby, 2010, р. 1162], как и «плебейский» в русском [Ожегов, 2020, с. 426]. Это подтверждает тезис о смыслообразующем характере амбивалентных образов в поэзии и прозе Этвуд [Macpherson, 2010; Mallinson, 1984; Rosenberg, 1984; Stratford, 1983; Woodcock, 1983], так что буквальная передача прилагательного *plebeian* здесь более чем оправдана.

Таким образом, при передаче фигур сравнения в романе Этвуд важно иметь в виду преимущественно отрицательные коннотации речевых средств, относящихся к описаниям сада Жены Командора. Саду Сирены и городскому пространству, как визуальному образу тщетных попыток властителей Республики Гилеад подчинить буйство природы (а также буйство мысли человеческой), противостоит естественная стихия, олицетворяемая солнцем и диким цветком, воплощающая саму свободу духа и мысли.

Тепло vs холод

Стоит сразу отметить неоднозначность ассоциативных значений «холодных» и «теплых» образов и в поэзии Этвуд. Так, двойственность образа дневного светила в полной мере проявляется в диалектике тепла и холода. Наряду с положительными ассоциациями образ солнца в «Рассказе» обнаруживает и отрицательные. Если, например, огонь может соотноситься с очагом и убежищем (см. *Habitation*), возобновлением жизни и перевоплощением (см. *Departure from the Bush*), то летний сезон с его «жарой, тягучей, как трясина» (*the heat thick as a swamp* [Atwood, 2019, p. 111]) зачастую олицетворяет препятствие и угрозу (*the green things fiercely shoving themselves upwards* [Ibid.]). Так и наблюдаемое Оффред буйство и благоухание летней растительности в саду не дарит радости (*a sense of buried things bursting upwards*). Исходящий от сада запах настолько сильный, что почти видим, словно дрожащее марево в жару: *I can almost see it, red radiation, wavering upwards like the shimmer above highway tarmac at noon* (с. 396).

Яркость же летнего неба, с которым Оффред сравнивает цвет голубых глаз Сирены Джой, ассоциируется с агрессией: *the flat hostile blue of a midsummer sky in bright sunlight, a blue that shuts you out* (с. 30). Сравним с характерной для Этвуд игрой слов, основанной на созвучии слов (*blur* – *blue*) в *Thoughts from Underground: in summer the light a violent blur* [Atwood, 2019, p. 111].

Сменяющая весеннюю прохладу жара ощущается героиней как нечто вещное, тяжелое: *the sunlight diffuse but heavy* (с. 440). В переводе этот эпитет передан как «тяжкое» (солнце). Это же прилагательное употребляется переводчицей и в ряде других концептуально значимых контекстов, связанных с восприятием природы: *heavy moon* – *тяжкая луна* (с. 152), *the gravid smell of earth* – *тяжкий аромат земли* (с. 226), *heavy stone* – *тяжкий камень* (с. 260), *heavy idea* – *тяжкая идея* (с. 426), а также в составе упоминавшихся ранее эпитетов *the air stinks of flowers* – *тяжко пахнет цветами*, *heavy time* – *тяжкое время*. Такие переводческие решения, на наш взгляд, удачны, поскольку прилагательное «тяжкий», которым в русском языке обозначаются грех и преступление [Falla, Wheeler, 1993, p. 547], не только передает подавленное эмоциональное состояние героини, но и в целом соответствует стилистике богатого на библейские аллюзии текста.

Принужденная все время носить закрытое платье и обязательный головной убор (*pillowcases on your head* (с. 432)), Оффред с трудом переносит весенне-летнюю жару. Она грезит о зиме, ассоциирующейся с ясностью мысли: *Winter is not so dangerous. I need hardness, cold, rigidity.* (с. 312), ср. с ассоциативным фоном в стихотворении *You are Happy: When you are this cold you can think about nothing but the cold, the images hitting into your eyes like needles, crystals* [Atwood, 2019, p. 187]. Такой режим духовной гибернации для Оффред – это своеобразный способ сохранить здравомыслие в условиях абсурда.

Особое метасемиотическое значение зимних образов в контексте романа вполне может диктовать метафорическое прочтение неметафоризованных речевых средств. Так, в 17 главе, когда Оффред ночью в одной сорочке прокрадывается в гостиную, желая ощутить вкус свободы, она внезапно уподобляет себя снегу: *I'm snow in moonlight, even in the dark* (с. 204). В переводе отчетливо проявляется поэтика противоборства света и тьмы: **Я – снег в лунном свете, даже во тьме** (с. 205).

Хрустальный зимний пейзаж является героине в самом конце «Рассказа», накануне появления агентов тайной полиции, которые увезут ее куда-то, то есть в неизвестность:

*I look out at the dusk and think about its being winter. The snow **falling**, gently, effortlessly, **covering** everything in soft crystal, the mist of moonlight before a rain, **blurring** the outlines, **obliterating** color. **Freezing to death** is painless, they say...*

*Я смотрю на закат и думаю о том, каков он зимой. Нежно, легко падает снег, все покрывает мягкими кристаллами, дымка лунного света перед дождем размывает контуры, гасит цвета. **Говорят, после первого озноба замёрзнуть до смерти не больно** (с. 606–607).*

В приведенном отрывке греза о зиме незаметно переходит в описание догорающего заката. Созерцательное настроение смилившейся Оффред передается однородными причастиями. Резкий контраст красоты природы, реальной и воображаемой, с темой смерти в переводе оказывается затуманенным из-за изменений в актуальном членении и буквалистской передаче устойчивого словосочетания *freeze to death*. Эффект был бы передан, если бы предложение сразу начиналось со слов «Замёрзнуть насмерть не больно». Воображаемая зима олицетворяет одновременно хрупкость и силу обыкновенной женщины, бессильной перед обстоятельствами.

Таким образом, проведенный анализ лексико-стилистических особенностей концептуально значимых фрагментов романа М. Этвуд *The Handmaid's Tale*, связанных с восприятием героиней природы, подтверждает сделанный ранее на материале ахматовской поэзии вывод В. В. Виноградова о том, что «описания внешнего мира» воспринимаются всегда как «символика эмоций» лирического субъекта [Виноградов, с. 405]. Трагический тон воспоминаний Оффред, ее стихийных ассоциаций придает яркий индивидуальный смысл ее высказываниям о видимом мире. Семантическая нюансировка, создаваемая простым синтаксисом, стилистическими повторами, фигурами сравнения и необычностью средств уподобления, становится проводником в мир грез героини о существе и о несбыточном.

Выводы

1. Метафоры и образные сравнения в романе-антиутопии Маргарет Этвуд *The Handmaid's Tale* выполняют характерологическую, сюжетообразующую функцию: индивидуально-авторский смысл фигур реализуется в контексте грезы, порожденной блуждающим разумом Оффред. Душевные переживания героини становятся пространством, на котором разворачивается подлинное действие романа. Русскоязычная версия романа А. Б. Грызуновой обнаруживает немало примеров удачной передачи поэтической составляющей оригинала – первостепенной функциональной доминанты. Это в равной мере относится как к метафорам, так и образным сравнениям. Поэтому мы не ошибемся, если, развивая тезис Н. Д. Арутюновой об «органической связи» метафоры с «поэтическим видением мира», скажем то же и об образном сравнении.

2. Специфика образов, порожденных воображением Оффред, связана в первую очередь с чувственными ассоциациями. Это объясняется отчасти тем, что возможности чувственного познания ею окружающего мира серьезно ограничены. Лишенная свободы, героиня Этвуд заново познает себя, обращаясь в дерево, снег, песок. Думается, что нетривиальность этих ассоциаций, лежащих в основе метафор и образных сравнений, должна диктовать и не менее творческий подход к переводу. Однако именно следование букве оригинала, даже на синтаксическом уровне, зачастую оказывается наиболее удачным решением. Целесообразность такого подхода можно обосновать тем, что плоды блуждающего разума Оффред порой трудно вписать в привычные рамки однозначно положительных или отрицательных характеристик. Этвуд в каком-то смысле предвосхитила аксиологический кризис, вызванный возникшей в США культурой отмены (*cancel culture*) с ее искажением, а подчас и «полной инверсией содержания классических понятий американской демократической культуры» [Фефелов, 2022, с. 134].

Противоречивые, будто преломленные в зеркале собственной души переживания Оффред порождают причудливые образы, интересные тем, что позволяют в какой-то мере исследовать пространство этой души.

3. Продуктивным оказывается и творческий подход, когда отдельные переводческие решения (например, семантические сдвиги *heavy* – тяжкий, *like shards* – осколками) продиктованы спецификой идиостиля Этвуд, а также задействуют ресурсы русского языка.

Итак, проблема взаимоотношения человека и природы получает в романе *The Handmaid's Tale* нетривиальную интерпретацию. Столь же неожиданными оказались и наиболее успешные переводческие решения в русскоязычной версии романа, подтверждая тезис о том, что художественный перевод остается в высшей степени творческой задачей, решение которой определяется каждым конкретным случаем. Однако бесспорная значимость творческой составляющей процесса перевода не отменяет необходимости быть последовательными в претворении переводческой стратегии, которая бы целостно учитывала характерные черты идиостиля автора, идейно-философскую сущность произведения, а также возможности и ограничения языка-реципиента.

Список литературы

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛЕНАНД, 2016.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (дата обращения: 19.06.22).
- Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой. (Стилистические наброски) [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/v76/v762367-.htm?cmd=p (дата обращения: 09.06.22).
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Юрайт, 2019.
- Жаркова Е. П. Символика сада в антиутопиях М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия безумного Аддама» // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2017.
- Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука, 2017.
- Кено Р. День святого Жди-не-жди [Электронный ресурс]. М.: Текст. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/566975-26-raymon-keno-den-svyatogo-zhdi-ne-zhdi.html#book> (дата обращения: 15.10.22).
- Лосев А. От Гомера до Прокла. История античной эстетики в кратком изложении. СПб.: Азбука, 2016.
- Любимова Т. Б. Природа как эстетическая ценность. Эстетика природы. ИФРАН, 1994.
- Платон. Федр [Электронный ресурс]. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/fedr.htm> (дата обращения: 15.10.22).
- Савина Е. С. Мир права и правосудия в текстах Жоржа Сименона. М., Изд. Московского Ун-та, 2019. 212 с.
- Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.
- Фефелов А. Ф. Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 60–80.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва: ЛИБРОКОМ, 2019.
- Bradbury R. *Dandelion wine*. СПб.: Антология, 2018.
- Gibert, T. Unraveling the Mysteries of Childhood: Metaphorical Portrayals of Children in Margaret Atwood's Fiction // ES Review. Spanish Journal of English Studies. 2018. Vol. 39. Pp. 29–50.

- Gilbert, D. T.; Killingsworth, M. A.** A Wandering Mind Is an Unhappy Mind [Электронный ресурс] // Science. 2010. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/danielgilbert/files/a-wandering-mind-is-an-unhappy-mind-killingsworth-ma-science-2010.pdf> (дата обращения: 12.06.22).
- Huddleston R., Pullum G. K.** The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge University Press, 2016.
- Macpherson H. S.** The Cambridge introduction to Margaret Atwood. Cambridge University Press, 2010.
- Mallinson J.** Margaret Atwood and her works. Ontario, 1984.
- Rosenberg J. H.** Margaret Atwood. Boston, 1984.
- Stratford P.** The Uses of Ambiguity: Margaret Atwood and Hubert Aquin / In: Margaret Atwood: Language, text, and system. University of British Columbia press, Vancouver. 1983.
- Tellier L.-N.** Le Québec, état nordique. Montréal, 1977.
- Tennant C.** Religion in The Handmaid's Tale. Fortress Press. Minneapolis, 2019.
- Woodcock G.** Metamorphosis and Survival: Notes on the Recent Poetry of Margaret Atwood / Margaret Atwood: Language, text, and system. Vancouver: University of British Columbia press, 1983. Pp. 125–141.

Список источников

- Atwood M.** The Handmaid's Tale. М.: Издательство «ЭКМО», 2020.
- Atwood M.** Selected Poems, 1965-1975. Boston, Houghton Mifflin Company, 2019.

Словари

- Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2020.
- Falla P. S., Wheeler M.** Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press, 1993.
- Hornby A. S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2010.

References

- Arnold, I. V.** Semantics. Stylistics. Intertextuality. Moscow, LENAND, 2016. (in Russ.)
- Arutyunova, N. D.** Metaphor and Discourse [Online]. <http://philology.ru/linguistics1/arutyunova-90.htm> (accessed on: 19.06.22). (in Russ.)
- Bachelard, G.** Poetics of Space. Moscow, Russian Politics Encyclopedia, 2004. (in Russ.)
- Bradbury, R.** Dandelion wine. St. P., Antologija. 2018. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Semantics and pragmatics of British and Chinese Cultural Interactions in multimodal text of a documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, vol. 14, no. 4, pp. 60–80. (in Russ.)
- Garbovskiy, N. K.** Theory of Translation. Moscow, Urait, 2019. (in Russ.)
- Gibert, T.** (2018) Unraveling the Mysteries of Childhood: Metaphorical Portrayals of Children in Margaret Atwood's Fiction. *ES Review. Spanish Journal of English Studies*, vol. 39, pp. 29–50.
- Gilbert, D. T., Killingsworth, M. A.** A Wandering Mind Is an Unhappy Mind [Online]. Science, 2010. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/danielgilbert/files/a-wandering-mind-is-an-unhappy-mind-killingsworth-ma-science-2010.pdf> (accessed on: 12.06.22)
- Huddleston, R., Pullum, G. K.** The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge University Press, 2016.
- Kant I.** Critique of Pure Reason. SPb., Azbuka, 2017. (in Russ.)
- Losev, A.** From Homer to Proclus. A Short History of Ancient Greek Aesthetics. SPb. Azbuka, 2016. (in Russ.)
- Lubimova, T. B.** (1994) Nature as Aesthetic Value / Aesthetics of Nature. RAS Institute of Philosophy. (in Russ.)

- Macpherson, H. S.** The Cambridge introduction to Margaret Atwood. Cambridge University Press, 2010.
- Mallinson, J.** Margaret Atwood and her works. Ontario. 1984.
- Plato.** Phaedrus [Online]. URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/plato01/fedr.htm> (accessed on: 15.10.22). (in Russ.)
- Queneau, R.** Saint Glinglin (Den' svyatogo Zhdi-ne-zhdi). M.: Tekst. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/566975-26-raymon-keno-den-svyatogo-zhdi-ne-zhdi.html#book> (accessed on: 15.10.22). (in Russ.)
- Rosenberg, J. H.** Margaret Atwood. Boston, 1984.
- Savina, E. S.** The World of Law and Justice in Georges Simenon's Texts. M. Moscow State University, 2019, 212 p. (in Russ.)
- Schweitzer, A. D.** Translation Theory: Status, Issues, Aspects. M., 2019.
- Stratford, P.** The Uses of Ambiguity: Margaret Atwood and Hubert Aquin / Margaret Atwood: Language, text, and system. University of British Columbia press, Vancouver, 1983, pp. 113–124.
- Tellier, L.-N.** Le Québec, état nordique. Montréal, 1977.
- Tennant, C.** Religion in "The Handmaid's Tale". Minneapolis. Fortress Press, 2019.
- Vinogradov V. V.** Anna Akhmatova's poetry (stylistic essays) [Online]. URL http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/v76/v762367-.htm?cmd=p (accessed on: 09.06.22). (in Russ.)
- Woodcock, G.** Metamorphosis and Survival: Notes on the Recent Poetry of Margaret Atwood / Margaret Atwood: Language, text, and system. University of British Columbia press, Vancouver, 1983, pp. 125–141.
- Zharkova, E. P.** Garden Symbolism in Margaret Atwood's Dystopian Novels "The Handmaid's Tale" and the "Madaddam" trilogy. Bulletin of Ryazan State University, 2017, no. 1, pp. 147–153. (in Russ.)

List of Sources

- Atwood, M.** The Handmaid's Tale. Moscow: Eksmo, 2020.
- Atwood, M.** Selected Poems, 1965–1975. Boston: Houghton Mifflin Company, 2019.

Dictionaries

- Falla, P. S., Wheeler, M.** Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press, 1993.
- Hornby, A. S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2010.
- Ozhegov, S. I.** Dictionary of the Russian Language. Moscow: The world and Education, 2020.

Информация об авторе

Изволенская Анна Сергеевна, канд. филол. наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the Author

Anna S. Izvolenskaya, Candidate of Sciences (Philology), Lomonosov Moscow State University (Moscow)

*Статья поступила в редакцию 16.07.2022;
одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 31.10.2022
The article was submitted 16.07.2022; approved after reviewing 28.09.2022;
accepted for publication 31.10.2022*

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159

Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности

Александр Борисович Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

В статье изучается дискурс смешанных единоборств, трактуемый в качестве разновидности бойцовского дискурса, который в свою очередь относится к сфере спортивной коммуникации. С другой стороны, подчеркивается, что анализируемый дискурс – это одновременно дискурс развлекательного типа, а, по существу, гибридный дискурс. Примененная методология исследования – описательно-аналитический метод, лингвостилистический и контекстуальный виды анализа, а также количественный метод – позволила выделить наиболее употребительные ключевые концепты, соотносящиеся с интерактивной коммуникацией. В их числе понятия «игра», «шоу», «веселье», «развлечение», «представление», «удовольствие» и др. Все они играют важную роль и в дискурсе смешанных единоборств, что отражается в его лексике. В ходе исследования также установлено, что одним из важнейших тропов, используемых в спортивной коммуникации, является метафора. В дискурсе смешанных единоборств актуализируется достаточно большое количество различных метафорических моделей. Основной выступает военная, или милитарная, метафора, что объяснимо с точки зрения глубинного родства смешанных единоборств с битвой, боем, войной. Второй по частотности употребления в нашем материале оказалась зооморфная метафора. В основе референции к животному миру лежит возможность провести параллель между агрессией животных и людей, в том числе спортсменов и спортсменок. Для профессионального бойца важно транслировать образ опасного воинственного противника: отсюда происходит и его метафорическое уподобление охотнику или даже в каких-то аспектах человеку, нарушающему общественный порядок или закон, что также встретилось нам в ходе анализа. Наконец, было установлено, что чемпион по смешанным единоборствам предстает в образе короля (или королевы, если это женщина).

Ключевые слова

гибридный дискурс, смешанные единоборства, спортивный дискурс, метафора, развлекательность, развлекательный дискурс.

Для цитирования

Алексеев А. Б. Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности и метафоричности // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4. С. 146–159. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159

© Алексеев А. Б., 2022

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 4
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2022, vol. 20, no. 4

Mixed Martial Arts Discourse from the Perspective of its Entertaining Nature and Figurativeness

Alexander B. Alexeyev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The article dwells on mixed martial arts discourse which is interpreted as a type of martial discourse dealing with sports communication and having an entertaining quality, thus allowing us to speak of a hybrid discourse. The methodology of this research includes descriptive and analytical methods. The linguostylistic and contextual types of analysis alongside with the quantitative method have been applied. The most common key concepts related to interactive communication have been singled out: 'game', 'fun', 'show', 'entertainment', 'performance', 'pleasure', etc. All of them play an important role in mixed martial arts discourse and manifest themselves in its lexis. We have also found that one of the most important tropes used in sports communication is the metaphor. In mixed martial arts discourse, many metaphorical models are actualized. The main one is the military metaphor. This is accounted for by profound kinship between mixed martial arts, the battle, the fight and the war. In our material, a zoomorphic metaphor is the second most frequent one. Reference to the animal world is underpinned by drawing a parallel between animal and human aggression. A professional mixed martial artist has to be dangerous and belligerent. Hence, the metaphorical likening of them to the hunter and to some extent to someone disturbing public order or even breaking the law, that is what our analysis shows. It was also found that a mixed martial arts champion is often portrayed as the king (or the queen as the case may be).

Keywords

hybrid discourse, mixed martial arts, sport discourse, metaphor, entertainment, entertaining discourse.

For citation

Alexeyev A. B. Mixed Martial Arts Discourse from the Perspective of its Entertaining Nature and Figurativeness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 4, pp. 146–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-4-146-159

Введение

Дискурс смешанных единоборств (англ. Mixed Martial Arts, MMA) является разновидностью спортивного дискурса, в рамках которого уместно выделить категорию «бойцовский дискурс», инкорпорирующую коммуникативные практики различных видов боевых искусств, включая бокс, дзюдо, муай-тай, ушу, фехтование и пр. Вокруг них формируются отдельные, но не изолированные дискурсивные пространства¹. Схематично наше видение иерархии спортивных дискурсов можно представить следующим образом (рис. 1):

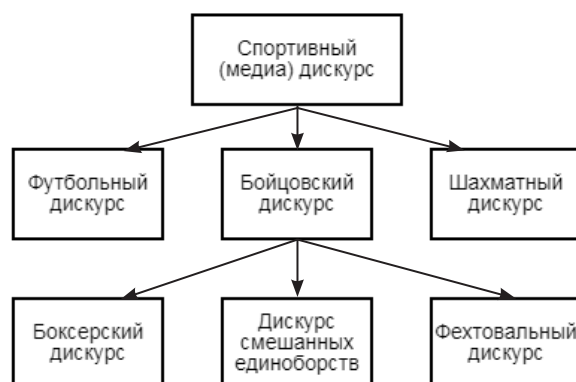

Рис. 1. Иерархия спортивных дискурсов

Fig. 1. Hierarchy of sport discourses

¹ Как верно отмечает О. С. Иссерс, перефразируя английского поэта Джона Донна, ни один дискурс не является островом (в оригинале “No man is an island...”) [Иссерс, 2015, с. 36]. В этом смысле изолированных дискурсивных пространств не существует в принципе – дискурсы постоянно взаимодействуют, сообщаются друг с другом.

Иными словами, речь в статье пойдет о субдискурсе, или частной вариации профессионального дискурса. Так, в медицинском дискурсе выделяют клинический, хирургический, фармацевтический, обыденно-медицинский и прочие субдискурсы, а в юридическом – адвокатский, прокурорский, судебный и т. п. [Голованова, 2013, с. 33]. Профессиональные субдискурсы, в отличие от соответствующих им дискурсов, как правило, изучены менее подробно, и это особенно очевидно в рамках спортивной коммуникации, что объясняется ее многообразием: сколько видов спорта, столько и спортивных субдискурсов.

1. Понятия «дискурс» и «дискурс бойцов смешанных единоборств»

Принимая во внимание разноплановость понятия «дискурс», его нельзя оставлять без интерпретации ни в одном исследовании [Kujawa, 2014, S. 15]. Следуя влиятельной концепции дискурса, разработанной М. Фуко, который давал несколько трактовок изучаемому феномену², здесь мы под дискурсом будем подразумевать совокупность социокультурных практик, выражаемых как в языке, играющем в дискурсе центральную роль [Smith, 2005, p. 9], так и в экстралингвистическом контексте, специфицировать все аспекты которого не представляется возможным из-за их множественности. Значение тут имеют не только хронотоп³, жесты, мимика, паравербальные сигналы говорящего, но и, к примеру, его одежда, в том числе ее цветовая символика (протестный дискурс желтых жилетов в рамках *cancel culture*, способствующей распространению неpolitкорректных выражений [Фефелов, 2022, с. 127]), или даже татуировки, украшающие тело человека, приобретающие релевантность в определенных типах дискурса (рок-дискурс⁴). Исходя из предложенной дефиниции, учитываться должна и обстановка общения, прежде всего ее социокультурная составляющая, фоновые знания коммуникантов (фр. *les savoirs*)⁵, которые, по М. Паво, не обязательно формируются в самом дискурсе, а могут переноситься в него людьми из своего коммуникативного опыта, в связи с чем она вводит термин «преддискурс»⁶ [Paveau, 2006]. С точки зрения лингвопрагматики, необходимо обращать внимание и на цели, интенции говорящих и ряд иных факторов, на самом деле очень разнообразных, причем в каждом типе дискурса одни из них будут уходить в тень, а другие – выдвигаться на первый план.

Что касается понятия «дискурс смешанных единоборств», то, как мы уже убедились, точнее было бы вести речь о субдискурсе, но при всем этом непроходимой границы между двумя упомянутыми терминами нет: ясно, что любой субдискурс по существу представляет собой не что иное, как (узко)профессиональный дискурс. Номинация «субдискурс», по всей видимости, необходима лишь тогда, когда в задачи исследования входит рассмотрение иерархии близких друг другу дискурсов, их сопоставительный анализ, но мы ограничиваемся в данных вопросах замечаниями, сделанными во введении.

Дискурс смешанных единоборств – особый тип бойцовского дискурса, прежде всего используемый: 1) комментаторами соревнований по смешанным единоборствам, многие из которых обладают бойцовским опытом; 2) самими участниками соревнований. На периферии этого дискурса находятся речевые практики болельщиков (фанатов), групп поддержки и т. п. Впрочем, непреодолимого барьера между центром и периферией дискурсивного поля не существует, и при определенных обстоятельствах те или иные языковые личности приобретают

² Обзор точек зрения М. Фуко на понятие «дискурс» см. в [Mills, 2004, p. 6–8].

³ Термин М. М. Бахтина.

⁴ Татуировки, кстати, имеют значение и в дискурсе смешанных единоборств.

⁵ Недаром французский социолог П. Бурдьё оперировал термином «габитус» (англ., фр. *habitus*). По определению автора, габитус – это «субъективная, но не индивидуальная система интернализованных структур, схем восприятия, представлений и действий, присущая всем членам социальной группы или класса» [Bourdieu, 1977, p. 86].

⁶ Приведем непосредственную цитату, объясняющую данный термин: «Я использую префикс “пре” (*pré*)... чтобы обозначить предшествующие дискурсу данные (*des données antérieures*), которые мобилизуются во время его порождения» [Paveau, 2006, p. 17].

большее или меньшее влияние в дискурсе, так как болельщики тоже могут вступать в клетку смешанных единоборств, произносить речи, что превращает их в коммуникантов. К тому же необходимо учитывать, что дискурс события начинает создаваться задолго до самого соревнования за счет *xайна* и продолжается после знаменательного поединка, ставшего событием.

Дискурс смешанных единоборств пересекается с рядом иных дискурсов, подвергается гибридизации. Но она заслуживает отдельного исследования, тем более что в современном мире порождается большое количество новых, еще досконально не изученных филологами коммуникативных сред. Так, несомненный интерес в этой связи представляет киберспортивная журналистика [Мальцева, Лебединская, 2022].

Не будет также ошибкой сказать, что в некоторых аспектах спортивный дискурс весьма схож с рекламным: основная задача промоутеров спортивного мероприятия, в роли которых выступают прежде всего сами атлеты, повысить его зрелищность, привлечь внимание широкой публики. Именно поэтому можно считать, что категория «борьба за внимание» (нем. *Aufmerksamkeitskampf*), соотносящаяся с функцией привлечения внимания (нем. *Funktion der Aufmerksamkeitserregung*), выделяемой немецким автором [Janich, 2012, S. 6], имеет первостепенное значение для целого ряда коммуникативных сред.

2. Материал и методология исследования

Цель нашего исследования – дать начальное описание особенностей дискурса бойцов смешанных единоборств. Статья задумывается во многом как первый шаг к более детальному изучению дискурса смешанных единоборств.

В качестве материала исследования были выбраны два аудиотекста смешанных единоборств⁷. Первый, общей продолжительностью около 3 ч 24 мин, создавался в 2021 г. и относился к знаменательному событию, а именно турнира женских единоборств *Invicta Fighting Championships* в весовой категории *atomweight* ('минимальный вес'). Победительница этого соревнования получала право побороться за звание чемпиона.

Второй дискурс, рассматриваемый нами, разворачивается на протяжении примерно 5 ч в Сингапуре, где уже более 10 лет действует всемирно известная организация *ONE Championship* (*ONE Fighting Championship*), и относится к февралю 2022 г.

В области методологии нами были избраны *описательно-аналитический метод*, включающий в себя *интерпретацию и систематизацию (классификацию)* языкового материала, а также *лингвостилистический и контекстуальный виды анализа*, что позволило, с одной стороны, обратить внимание на изобразительно-выразительные средства (тропы) и фигуры речи и смысла, употребляемые говорящими, а с другой стороны, дало возможность учесть контекстно-детерминированные коннотации слов, пролив свет на прагматические аспекты дискурсивной деятельности, в целом ориентируясь на *функциональный подход* [Копнина, 2021, с. 248].

Также актуализировался *количественный методологический инструментарий*, обращение к которому несколько затруднялось тем обстоятельством, что языковой скрипт выбранных дискурсов составлялся нами самостоятельно. В результате в материале были выявлены основные метафорические модели, применявшиеся говорящими в спортивной речи, в том числе с точки зрения их процентного соотношения друг с другом. При этом учитывалась теория системообразующей и миромоделирующей роли метафоры в самых разных коммуникативных средах [Булгакова, 2021, с. 82; Boyd, 2014, р. 248], согласно которой использование метафор коррелирует с актуализацией креативной функции языка (или, в иной терминологии, социо-трансформативной языковой функцией).

⁷ Мы не склонны уравнивать понятия текст и дискурс, хотя такое отождествление тоже иногда имеет место в лингвистике. Мы же исходим из того, что текст является лишь частью дискурса – более широкого и многозначного понятия [Стырина, Мартироян, 2021, с. 93].

3. Дискурс смешанных единоборств в аспекте его развлекательности

Дискурс смешанных единоборств органично ассоциируется с развлекательным, интерактивным дискурсом, поскольку зрелищность становится системообразующим компонентом любого спорта. Определим развлекательный дискурс так: совокупность социокультурных дискурсивных практик, не лимитированных тематикой общения⁸, ориентированных на доставление адресату удовольствия посредством создания соответствующего эмоционального тона, иногда сопровождаемых феноменами лингвокреативности и языковой игры, но нередко формируемых ингерентными экстралингвистическими особенностями дискурса, которые усиливаются целенаправленным языковым воздействием. Развлекательный дискурс представляет собой частный случай медиадискурса, и ведущей функцией в нем следует признать функцию воздействия [Стырина, Мартиросян, 2021, с. 94].

В дискурсе смешанных единоборств интерактивность актуализируется с помощью метафорического переноса «смешанные единоборства – это шоу». Так, выражение *put on a show* встречается в нашем материале пять раз в однотипных контекстах.

A long-time staple to this atom-weight division, Brazil, Jessica Dolboni, hopes to put on a show tonight securing her status as the number one contender. [Invicta FC, Электронный ресурс]

Или: *Another veteran looking to make a statement tonight is Julian De-Coursey. They call her Lionheart. She looks to put on her show, fast-tracking herself to that number-one contender position.* [Ibid.]

Или: *Samantha SEFF: This is my platform and this is my chance to get my name out there and let people see that, hey, the Wolf Queen is the one that's going to put on the show and be the next fighter for everyone to watch.* [Ibid.]

Выделенному устойчивому словосочетанию синонимичны фразы *put on a showcase* и *put on a performance*, где сохраняется глагол *put on*, а в первом случае даже компонент *show*. К существительному *performance* добавляются эпитеты: *beautiful, breakout, excellent*.

The Damsel VanZandt, ready to put on a showcase tonight, and she hopes to get a win early here in this quarterfinal. [Ibid.]

Или: *I think for Seff is, she enjoys snapping limbs, she wants to go out there, put on a performance and just showcase, why she belongs in here.* [Ibid.]

Или: *...but let that not overshadow this breakout performance that Lindsey VanZandt has really put on through the quarterfinals and semi-final rounds here.* [Ibid.]

Ср.: *He put that power and speed on display in a fight with Emilio Urrutia locking in one of the best knock-outs of 2021.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс].

Ср.: *And we know that the last Viking is gonna go out on his shield whenever he competes and really he wants to put on good performance here...* [Ibid.]

В последнем примере обратим внимание на идиоматическое выражение *to go out on one's shield*, которое, будучи образованным от военного напутствия былых времен – *Come back with your shield or on it* (рус. «Приходи со щитом или на щите»), означает готовность спортсмена приложить максимум усилий для защиты своего титула. Боец метафорически уподобляется воину-спартанцу, не боящемуся во имя чести сложить свою жизнь.

Встречается и словосочетание *put on a clinic*, которое указывает не просто на зрелищность происходящего в клетке ММА шоу, но и на бешеные эмоции поединка, и коннотации здесь положительные.

First round, Haggarty put on a clinic. Such entertainment for us, such honor to call. [Ibid.]

⁸ Элементы развлекательности могут присутствовать и в коммуникативных средах, где они, казалось бы, неуместны, в результате чего распространение получают термины «политейнмент» и «инфотейнмент» [Шмелева, 2020, с. 80]. Изучение функциональных аспектов развлекательности в этой связи представляет несомненный интерес.

⁹ По легенде, так говорили своим сыновьям матери в древней Спарте, провожая их на войну. Выражение встречается в текстах древнегреческого писателя Плутарха.

Идея «смешанные единоборства = шоу» транслируется и через употребление лексической единицы *show* в ее основном глагольном значении.

Tabatha WATKINS: ...*I'm very excited... to be able to **show my skills** not once, but three times in one fight.* [Invicta FC, Электронный ресурс].

Сами спортсмены подчеркивают, что их цель – не просто одержать победу, но сделать это наиболее зрелищным способом.

Mark ABELARDO: *I'm gonna do all I can to get this winning, go **win in a very spectacular fashion** that I always do.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс].

Ср.: Lin Heqin, *what a **beautiful striking showcase!** You looked **spectacular** out there. How did you feel about your match-up here tonight?* [Ibid.]

Другим важнейшим понятием для рассматриваемого дискурса выступает концепт *fun*, причем слово *fun* может использоваться в атрибутивной функции, превращаясь в определенных контекстах в прилагательное.

*And you know what, I don't make predictions for fights, I predict **fun** for the audience.* [Invicta FC, Электронный ресурс]

Или: Lindsey VANZANDT: ...*I'm having a good time. All the girls are awesome. It's **fun** being all in all.* [Ibid.]

Или: Miranda MAVERICK: *And it ended up actually being one of **the most fun rounds** I ever had in a fight.* [Ibid.]

Или: *You know, there is no animosity between these two, which actually, I think, should make for a **very fun fight**.* [Ibid.]

Комментаторы соревнований подчеркивают зрелищность смешанных единоборств в основном с помощью 1) междометий, 2) восклицаний, 3) эпитетов, 4) метафор. Неслучайно и то, что эпитеты и метафоры используются диспропорционально чаще, чем другие тропы (рис. 2).

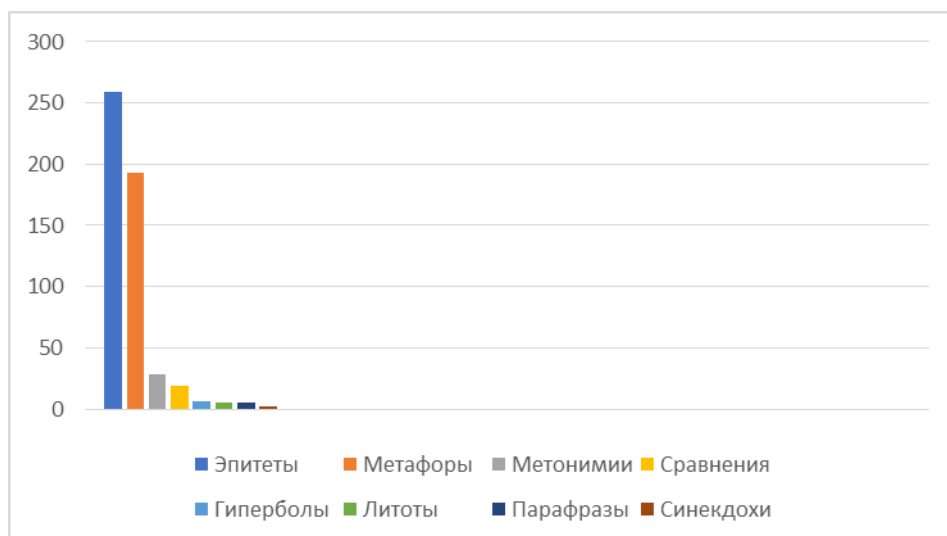

Рис. 2. Частотность использования тропов в дискурсе смешанных единоборств

Fig. 2. Frequency of use of tropes in MMA discourse

Предпочтение отдается диалоговой форме общения, что, с точки зрения лингвопрагматики, обосновано. Эффект присутствия, который стремятся создать говорящие в различных типах дискурса, наиболее действенен в ситуации, когда адресат слышит разные голоса, в результате чего у него формируется большой уровень доверия к информации [ср. Мальцева, 2022, с. 80],

а также увеличивается его личная вовлеченность в происходящее. В этом и заключается одно из важных преимуществ диалогичности, особенно заметное во время прямой трансляции боя.

First COMMENTATOR: *Oh, my gosh, what a sight!*

Second COMMENTATOR: *Beautiful! It's just seamless.* [Ibid.]

Слова и словосочетания *Oh, my gosh* – междометия, прилагательные *beautiful, seamless* – эпитеты.

Смешанные единоборства презентуются в качестве игры, пусть иногда и грязной¹⁰.

*Tial Thang is very comfortable inside ONE Championship. He's really starting to come into his own, he's got a strong wrestling pedigree and we've really seen his **game** sort of evolve. You **know**, he's working out there at Stanford MMA with Aung La N Sang and Martin Nguyen to really try to round out his **striking game**.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс]

Или: *Lin's got to change it up, turn this into a **dirty boxing game**.* [Ibid.]

В анализируемом дискурсе используются также идиомы с включением компонента *game*, например фразеологизм *to up one's game*.

*And he's really **upped the game** in not only his takedown defense but also his striking output which is a dangerous combination.* [Ibid.]

Порой подчеркивается, что смешанные единоборства – это не только демонстрация физической силы, но и интеллекта. В таких случаях поединок может метафорически уподобляться игре в шахматы, которая рассматривается как воплощение, как эталон интеллекта в спорте.

*Radzuan is trying to recover full guard but May Yamaguchi continually **moves**. This is **the chess game** they are trying to play right now.* [Ibid.]

Проведение параллелей между смешанными единоборствами и прочими видами спорта, в том числе не боевыми, – весьма характерная черта. Так, выделим достаточно частую референцию к танцам.

*Tonight Abelardo has a perfect **dance-partner** for an all-out war. Ghost goes as one of the toughest bantamweights in the division and is happy to stay toe-to-toe to get the KO.* [Ibid.]

Или: *And this is a perfect **dance-partner** for her. I'm really excited about this match-up and I'm looking forward to seeing what happens.* [Ibid.]

Ср.: *You know, she comes from a professional **ballet** background. And she mentioned the crossover between **ballet** and boxing. She started first in boxing and then MMA, they are quite similar. She knows how her own body moves, she knows how it moves in relation to other people. And she says that helped her so much in her fight career. She said too, from the mental standpoint, going out and competing in **dancing** by yourself when you are out there, so it's a lot similar to fighting (sic). ... That's not generally something you think about, **dancing** being exactly like fighting from a mental standpoint but for Vislosky, she said it very much was.* [Invicta FC, Электронный ресурс]

Турниры / спортивные события представляются и как вечеринки, на которые приглашаются все желающие.

*You, guys in Thailand, in India, Japan, Philippines, Indonesia, Malaysia, Myanmar, Vietnam, you can all **join the party**, as, of course, can our friends in the United States.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс]

Мастеров боевых искусств в свою очередь представляют как знаменитостей, звезд, сопоставимых по масштабу с деятелями киноискусства, получившими Оскар.

*So I'm really looking forward to this. It's gonna be like the martial arts are **Oscars**. All of the stars are gonna be out on March 26th. It's gonna be so much.* [Ibid.]

¹⁰ Коннотации эпитета «грязный» в рассматриваемом дискурсе не однозначны – иногда он употребляется как комплимент в адрес бойцов. Ср. выражение *nasty woman*, использованное во время президентских дебатов 2016 г. Д. Трампом, перенятое и переосмысленное, которое демократы наделили положительными коннотациями. В таких – в реальной коммуникации достаточно редких – случаях лингвисты говорят о приеме лингвистической апроприации (см.: [Серебряк, 2019]) или амелиорации (см.: [Curzan, 2014, p. 141]), реализуемом прежде всего через «подчеркнутое принятие ярлыка» [Копнина, 2020, с. 249].

Как и работников индустрии шоу-бизнеса, спортсменов показывают на большом экране, о чем непременно напоминают комментаторы поединков.

Johnson was able to push the pace and showcase at least more aggression out there as he gives us the pumps. Set himself on the big screen, isn't he? (sic.) [Ibid.]

Отметим и идиоматическое выражение *give somebody the pumps*, указывающее на доставление удовольствия ценителям этого вида спорта.

Имеет смысл выделить некоторые лексические маркеры, индицирующие развлекательный характер поединков. Это *game*, *fun*, *entertainment*, *show*, *performance*, *enjoyment*, *pleasure* и некоторые другие. Количественный анализ дает следующую картину их использования в обработанном материале¹¹ (рис. 3).

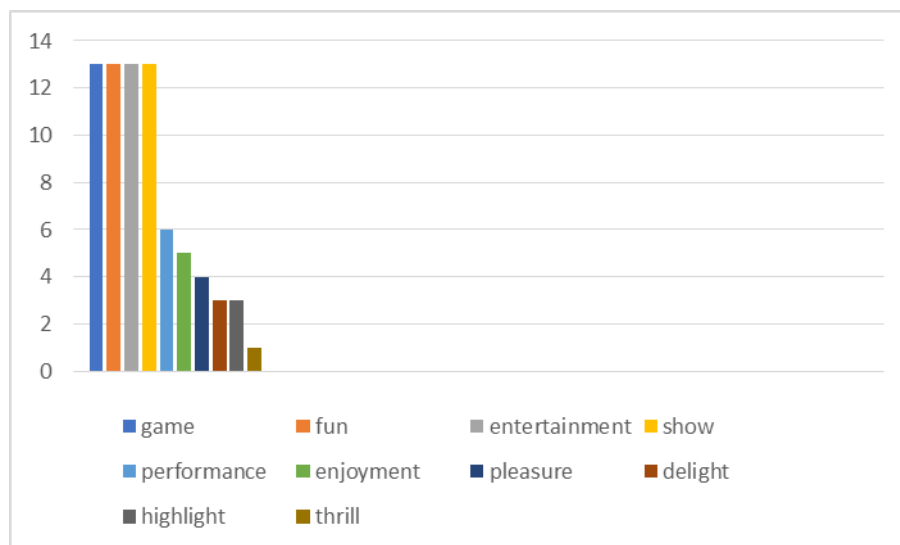

Рис. 3. Лексические маркеры развлекательности в дискурсе смешанных единоборств
Fig. 3. Lexical markers of entertainment in MMA discourse

Несмотря на то, что наиболее частыми маркерами, имеющими отношение к концепту РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, являются *game*, *fun*, *entertainment* и *show*, а лексема *pleasure*, номинирующая концепт УДОВОЛЬСТВИЕ, встретила всего четыре раза, можно предполагать, что именно она передает ключевую семантику дискурса смешанных единоборств. Она не только является гиперонимом для синонимов и квазисинонимов вроде *delight*, *thrill*, *excitement* и др., но и актуализируется риторическими средствами, например, с помощью идиоматических выражений *give the pumps*, *to be super pumped*, а также развернутых сравнений.

Lindsey VANZANDT: *I've literally been like a kid in a candy store this whole day, just super excited, making friends with everybody and wanting to be back again.* [Invicta FC, Электронный ресурс]

4. Метафорические модели уподобления в дискурсе смешанных единоборств

Вопросу метафоры в дискурсе смешанных единоборств стоит посвятить отдельное исследование, осветив конструктивно-креативную природу данного тропа, в определенном контексте способного творить положительную (новую) реальность этого «дикого» вида спорта.

¹¹ Частотность употребления обозначенных лексем рассчитывалась нами с учетом единиц, производных от них. Так, мы принимали во внимание не только слово *fun*, но и образованное от него прилагательное *funny*.

В настоящей работе мы ограничимся лишь кратким обсуждением типологии встретившихся нам метафорических структур¹².

Естественно, что в дискурсе смешанных единоборств преобладает военная, или милитарная, метафора, что объясняется агрессивным, жестоким характером боевых видов спорта, их глубинной связью с войной¹³, причем как в современном ее понимании¹⁴ (уже очень сильно маркированном гендерно, особенно в пространстве европоцентричной культуры спорта), так и в историческом осмыслении. Это находит отражение в спортивном комментировании в виде общеупотребительной военной терминологии.

*He was **shot out of a cannon** and his elbow was coming forward.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс]

Или: *They are both **throwing bombs** and it's fierce punching.* [Ibid.]

Или: *You would expect that sort of aggression from a woman who calls her fighting style a **tank**. She wants to be a **tank** tonight and really shine* [Invicta FC, Электронный ресурс].

Чаще всего в дискурсе происходит апелляция к понятиям battle, war и weapon (именно в такой иерархии).

*Myanmar's Tial Thang takes on the Indonesian veteran Sunoto in a bruising bantamweight **battle** to begin the night.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс]

*It's a **battle** between two fiery atomweights who never take a backward step...* [Ibid.]

*It was a **battle** in there from start to finish, a **battle** with themselves. ...that was a sapping contest for guys of this size.* [Ibid.]

*He says, to be honest, I wouldn't want to have a quick knockout. I want to **have a war**.* [Ibid.]

*This is **gonna be a war!*** [Ibid.]

Ср.: *He has the **heart of a warrior*** [Ibid.]

*She uses **all the weapons** to her disposal.* [Ibid.]

*The **weapon** of this opening round is Lin's left hand.* [Ibid.]

Другая важная метафорическая матрица – зооморфная. Частое уподобление спортсменов животным могло бы носить уничижительный, пейоративный характер, но в дискурсе смешанных единоборств эти коннотации полностью отсутствуют, даже когда противников называют бегемотами (см. ниже) – напротив, животный инстинкт, необходимый спортсменам для победы, восхваляется.

*Anatoly Malykhin is a **beast**. He is ten and oh. Undeclared.* [Ibid.]

Ср.: *Two undefeated **beasts** are gonna enter the circle but only one is gonna take the gold back home with them.* [Ibid.]

*The size, the power of these two **behemoths**.* [Ibid.]

*...DJ is an **animal** on the ground. I know from personal experience. DJ wrecks me on the ground.* [Ibid.]

Ср.: Daniel WILLIAMS: *Absolute honor and, yeah, he is a **tough-tough animal**, you know...* [Ibid.]

*Oh, **she is a terrier**. She may love cats but she's got that **terrier personality** there. She moves quickly looking to trap her opponent.* [Ibid.]

¹² Под метафорическим уподоблением условимся понимать такой способ интерпретации того или иного явления, события, объекта действительности, при котором имеет место актуализация понятий, относящихся к совершенно иной тематической сфере, что способствует более глубокому осмыслению человеком окружающего его мира [Кондакова, Принципатова, 2021, с. 147].

¹³ Само по себе название «смешанные боевые искусства» содержит в себе референцию к бою – одному из ключевых концептов военной тематики. Неслучайно и то, что английское слово martial в зависимости от контекста переводится не только как «боевой», но и, например, «военный» или «воинственный».

¹⁴ Несмотря на то, что успех в современной войне во многом зависит от новейших видов вооружения, не вызывает сомнения, что профессиональные военные по-прежнему должны демонстрировать физическую силу и выносливость. В этом смысле между военнослужащими и спортсменами немало общего.

Иногда зооморфная референция относится даже не к самому спортсмену, а ко всем бойцам смешанных единоборств.

*He's truly something special. But his striking is what sets him apart from **pack**.* [Ibid.]

Слово pack в данном контексте имеет значение 'стая'. Имеется в виду, скорее всего, стая волков – именно ей метафорически уподобляется сообщество бойцов смешанных единоборств.

Зооморфные характеристики могут передаваться и метафорическими эпитетами.

*And it's just **brute force**!* [Ibid.]

Встречается в рассматриваемом дискурсе и метафора охоты.

*They love to push forward, they all **hunt for the knock-out**.* [Ibid.]

Ср.: *We go from **the hunted to the hunters**, Julie. Bring me in to the mindset of an athlete tonight who is sitting in the back preparing...* [Invicta FC, Электронный ресурс]

Она может совмещаться с зооморфной метафорой, как в следующем примере.

*Mei Yamaguchi, just inching forward, **looking for her prey*** [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс].

Интерес представляет криминальная метафора, причем, как и в случае с зооморфной метафорой, имплицитные коннотации в дискурсе смешанных единоборств почти всегда позитивные. Однако это объясняется не только особенностями спортивной коммуникации, но и отчасти изменением современных моральных устоев. Неслучайно, как свидетельствуют В. Н. Нигматулина и Е. Н. Галичкина, люди, занимающиеся противоправной деятельностью, например хакеры, нередко идеализируются, романтизируются, то есть наделяются положительными чертами¹⁵, в результате чего создается образ киберпреступника-героя [Нигматулина, Галичкина, 2020, с. 94].

*He wants to take you down and **maul** you.* [Ibid.]

*He liked to pick people up, slam them on their back and then just start throwing those lunge boxes until the referee pulled him off his **victims**.* [Ibid.]

Полицейская метафора близка к криминальной, что видно в следующем примере, где один из бойцов «надевает наручники» на своего менее удачливого противника.

*Look at it, he's **handcuffed the hand** of Norma behind his own head and he's completely trapped with his own right arm...* [Ibid.]

Ср.: *I think that's a type of **police take-hold**, right? That's **police lock** right there?* [Ibid.]

В метафорическом арсенале спортивного дискурса наличествует и образ бойца-короля/королевы¹⁶.

***For the new king to be crowned later tonight**, both men enter the circle...* [Ibid.]

Или: *She hopes to carve a path at the top of the atomweight division by taking out who many believe is **the uncrowned queen**, Brazil's Jessica Dolboni.* [Invicta FC, Электронный ресурс]

Ср.: Анатолий МАЛЫХИН: *В конце я стану чемпионом и буду долго-долго **править** дивизионом.* [ONE: BAD BLOOD, Электронный ресурс]

Особо следует отметить, что выделенные нами метафорические модели обязательно манифестируются в кличке, которую должен выбрать для себя атлет по негласно установившимся правилам этой субкультурной среды: Killer Bee, Maquina asesina¹⁷, the Wolf Queen¹⁸ и др.

Количественный анализ актуализации метафор в избранном материале представлен на рисунке 4.

¹⁵ Если вспомнить образ Robin Hood'а из Средневековья («ставшего» в русском совсем хорошим Гудом), то эту «реабилитацию» можно назвать рецидивом.

¹⁶ Пейоративные «бойцовские приемы» используются политиками. Так, в политическом дискурсе времен Маргарет Тэтчер бытовало выражение handbagging, которое описательно можно перевести как «лупить политических противников по башке своей сумочкой в качестве решающего аргумента в политическом споре / дискуссии».

¹⁷ Пер. с исп. 'машина-убийца'.

¹⁸ В данном случае актуализируются одновременно зооморфная (Wolf) и королевская (Queen) метафоры.

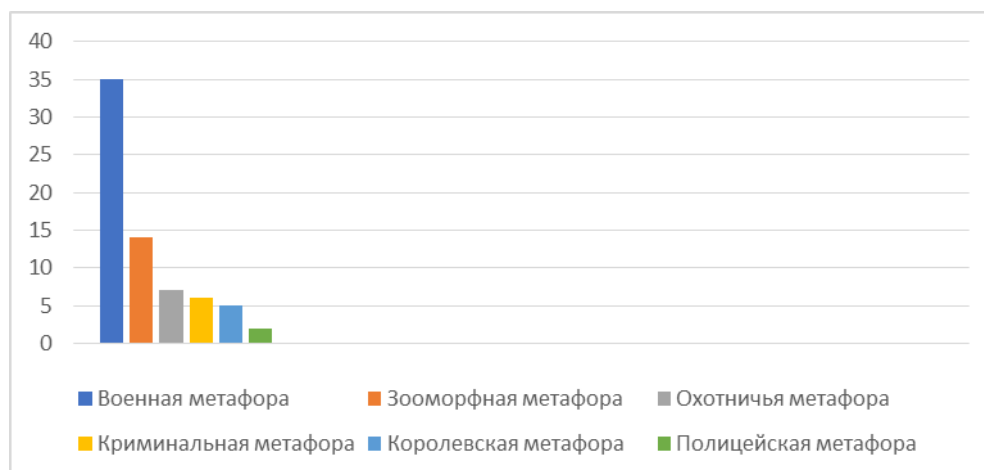

Рис. 4. Типы метафорических структур дискурса смешанных единоборств
Fig. 4. Types of metaphorical structures the MMA discourse

Отдельно отметим, что нам встретились и метафорические уподобления смешанных единоборств другим видам спорта, главным образом танцам (5 ед.), велоспорту (1 ед.), шахматам (1 ед.), легкой атлетике (1 ед.).

Заключение

Проведенное исследование позволяет наметить вектор для дальнейшего изучения дискурса смешанных единоборств, который мы предлагаем классифицировать как разновидность бойцовского дискурса, вписанного в более общие структуры спортивной коммуникации. С другой стороны, чтобы подчеркнуть его гибридную природу, его можно типологизировать и в качестве развлекательного дискурса, локализованного в спортивных медиа. Развлекательность актуализируется специфическим набором слов и идиоматических выражений, ассоциативно связанных с развлечениями: game, fun, show, entertainment, performance, pleasure и др. Неслучайно эти же лексемы входят в состав некоторых фразеологизмов (to put on a show, to up one's game), широко используются в речах спортсменов и комментаторов соревнований. Эмоциональный фон дискурса создается также посредством междометий oh, ah и междометных словосочетаний вроде My goodness.

Дискурс смешанных единоборств изобилует тропами и риторическими фигурами, рассмотрение которых представляет несомненный интерес с точки зрения гендерной лингвопрагматики. В статье представлен лишь один троп – метафора. Было установлено, что чаще всего используется военная метафора. Это объясняется особенностями смешанных единоборств, которые имеют много общего с военными действиями, восходящими к понятиям «бой», «битва», «война». Второй по частотности является зооморфная концептуальная метафора: агрессия, свойственная миру животных, «оживление» и преднамеренная демонстрация атавистического звериного инстинкта необходима именно в данном виде спорта для победы.

Дискурс смешанных единоборств, будучи малоисследованным, несомненно, представляет для лингвистов богатое поле для научных изысканий. Одним из аспектов его рассмотрения может быть выяснение свойственных ему гибридных черт, что в русле дискурсивной лингвистики предполагает более подробное обращение к понятиям «гибридный дискурс», «спортивный дискурс», «развлекательный дискурс». Также в этой связи необходимо эксплицировать в дискурсе смешанных единоборств наличие элементов (вкраплений) из военного, медийного, разговорного, рекламного и, вероятно, иных дискурсов. Очевидно, что выявление основных тропов и риторических фигур, употребляющихся в рамках спортивной коммуникации,

не противоречит данной исследовательской линии, но способно дополнить ее, пролив свет на то, как пользуются языком в рамках обозначенной дискурсивной формации.

Список литературы

- Булгакова А. А.** Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
- Голованова Е. И.** Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского университета. 2013. № 1 (292). С. 32–35.
- Иссерс О. С.** Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В.** Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156.
- Копнина Г. А.** Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 248–253.
- Мальцева И. А.** Об особенностях речевого взаимодействия в современном медиадискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1(114). С. 78–83.
- Мальцева И. А., Лебединская В. Г.** Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1(114). С. 84–90.
- Нигматулина В. Н., Галичкина Е. Н.** Образные характеристики концепта «киберпреступность» (на материале русскоязычных и англоязычных онлайн СМИ) // Креативная лингвистика. 2020. С. 90–95.
- Серебряк А. Н.** Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 134–148.
- Стырина Е. В., Мартиросян А. А.** Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 92–105.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.
- Шмелева Е. С.** Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 3. С. 78–86.
- Bourdieu P.** Outline of a Theory of Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 1977. 240 p.
- Boyd M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube // From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. by M. B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 2014. Pp. 245–268.
- Curzan A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Janich N.** Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt: Francke Verlag, 2012. 508 S.
- Kujawa I.** Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.
- Mills S.** Discourse. London: Routledge, 2004, 168 p.

- Paveau M.** Les prédiscurs. Sens, mémoire, cognition. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2006, 256 p.
- Smith C.** Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 320 p.

Источники

- Invicta FC: Phoenix Tournament: Atomweights | FULL EVENT. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo> (дата обращения: 22.10.2022).
- ONE: BAD BLOOD | Full Event [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds> (дата обращения: 22.10.2022).

References

- Bulgakova, A. A.** Creating a new world: transmedia storytelling principles in the covid-19 pandemic news discourse. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2021, no. 3(42), pp. 82–90. (in Russ.)
- Golovanova, E. I.** Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of terms. *Vestnik of Cheliabinsk University*, 2013, no. 1(292), pp. 32–35. (in Russ.)
- Issers, O. S.** Discourse practices of our time. Moscow, LENAND, 2015, 272 p. (in Russ.)
- Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V.** Discourse on the Linguistic Implementation of the principles of Political Correctness in German Political Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, no. 2, pp. 143–156. (in Russ.)
- Kopnina, G. A.** Verbal Resistance to Political Labelling as a Defensive Means in Information-Psychological War. *Philological Sciences. The Questions of Theory and Practice*, 2020, vol. 13, iss. 11, pp. 248–253. (in Russ.)
- Mal'tseva, I. A.** About the Peculiarities of Speech Interaction in Modern Media Discourse. *Vestnik of Chuvash state pedagogical university*, 2022, no. 1(114), pp. 78–83. (in Russ.)
- Mal'tseva, I. A., Lebedinskaya, V. G.** Development of Esports Journalism in the Context of Formation of Sports Discourse: Experience of Analyzing the Media Text of the Regional Online Publication “Yuga.ru”. *Vestnik of Chuvash state pedagogical university*. 2022, no. 1(114), pp. 84–90. (in Russ.)
- Nigmatulina, V. N., Galichkina E. N.** Image characteristics of concept ‘cybercriminality’ (at the example of Russian and English online mass-media). *Creative linguistics*, 2020, pp. 90–95. (in Russ.)
- Sebruyuk, A. N.** Discrimination and Linguistic appropriation as the examples of double consciousness in the U.S. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019. no. 1, pp. 134–148. (in Russ.)
- Styrina, E. V., Martirosyan, A. A.** Elements of fictionality in media texts: facts vs fiction. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, no. 1, pp. 92–105. (in Russ.)
- Fefelov A.F.** The Discourse around *Cancel Culture* as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.)
- Shmeleva, E. S.** Cognitive Mechanisms and Pragmatic Potential of Linguistic Creativity (As Exemplified in *The Economist*). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 3, pp. 78–86. (in Russ.)
- Bourdieu, P.** Outline of a Theory of Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 1977, 240 p.
- Boyd, M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube. From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. by M. B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. Amsterdam & Philadelphia, Benjamins, 2014, pp. 245–268.

- Curzan, A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 197 p.
- Janich, N.** Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt: Francke Verlag, 2012, 508 S.
- Kujawa, I.** Der politische Diskurs als Gegenstand der linguistischen Analyse am Beispiel der Integrationsdebatte in Deutschland 2006–2010. Frankfurt am Main, Peter Lang Edition, 2014, 234 S.
- Mills, S.** Discourse. London, Routledge, 2004, 168 p.
- Paveau, M.** Les prédiscurs. Sens, mémoire, cognition. Paris, Presses Sorbonne nouvelle, 2006, 256 p.
- Smith, C.** Modes of discourse. The local structure of texts. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 320 p.

Sources

- Invicta FC: Phoenix Tournament: Atomweights | FULL EVENT [Online]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nLsClmsuhUo> (accessed on 22.10.2022)
- ONE: BAD BLOOD | Full Event [Online]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6lhj9Ybkuds> (accessed on 22.10.2022)

Информация об авторе

Алексеев Александр Борисович, кандидат филол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Philology, Russian Academy of Economy and Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

*Статья поступила в редакцию 11.08.2022;
одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 25.10.2022
The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 03.10.2022;
accepted for publication 25.10.2022*

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

Русская и итальянская абстрактная адъективная метафоризация

Иван Иванович Иванов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Ivan I. Ivanov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

ivan@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы

Список словарей

Список источников

References

List of Dictionaries

List of Sources

Информация об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Аннотация:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных)

шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго определенных для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы иссле-

дования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно стармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23

E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru